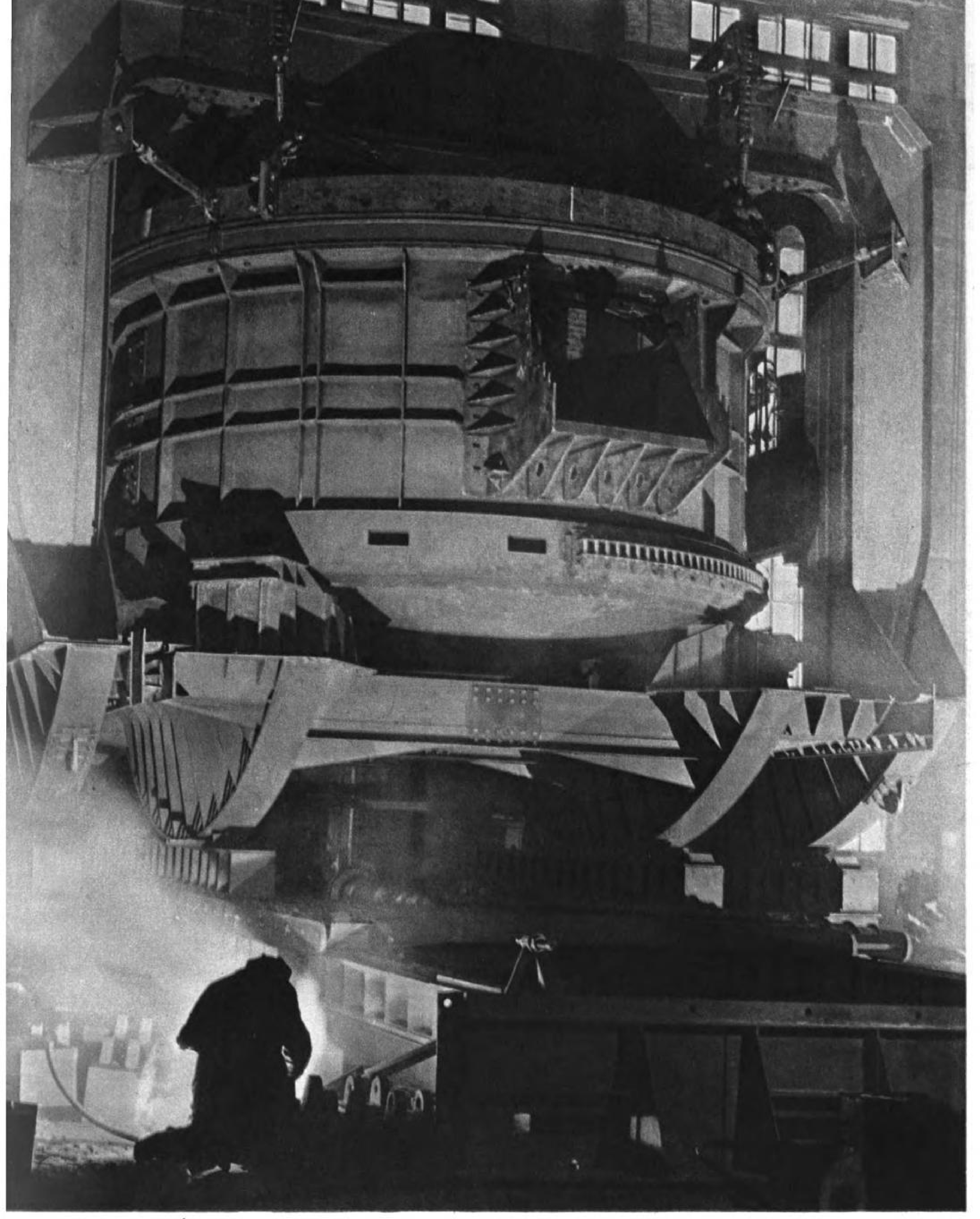

ОГОНЁК
№ 4 ЯНВАРЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Copyrighted material

Коллектив московского завода электротермического оборудования изготовил новую дуговую сталеплавильную печь «ДСВ-45С». Емкость ее — 45 тонн, а вес металлоконструкций — более 300 тонн. Чтобы доставить печь заказчику — металлургическому заводу Польской Народной Республики,— потребуется не менее 15 железнодорожных платформ.

Фото С. Фридлянда.

На первой странице обложки: На уроке чтения в подготовительном классе школы-семилетки села Качикатцы (Орджоникидзевский район, Якутская АССР). Учительница Анна Павловна Сивцева со своими учениками.

Фото Я. Рюмкина.

На последней странице обложки: США. В штате Аризона. Фото А. Софронова.

ОГОНЁК № 4 (1493) 22 ЯНВАРЯ 1956

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Плакат А. Доброва и Б. Решетникова.

Главные задачи шестого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР состоят в том, чтобы на базе преимущественного развития тяжелой промышленности, непрерывного технического прогресса и повышения производительности труда обеспечить дальнейший мощный рост всех отраслей народного хозяйства, осуществить крутой подъем сельскохозяйственного производства и на этой основе добиться значительного повышения материального благосостояния и культурного уровня советского народа.

Из проекта Директив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 годы.

ВЕЛИКАЯ

В проекте Директив XX съезда КПСС говорится: «Советская страна располагает теперь всеми необходимыми условиями для того, чтобы на путях мирного экономического соревнования решить в исторически кратчайшие сроки основную экономическую задачу СССР — догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения».

Шестой пятилетний план предусматривает новый мощный подъем народного хозяйства Советского Союза, и прежде всего тяжелой промышленности — основы социалистической экономики.

Трудящиеся нашей страны горячо поддерживают и единодушно одобряют разработанный Центральным Комитетом КПСС проект Директив XX съезда партии.

О могучем развитии народного хозяйства в ближайшие пять лет говорят цифры, названные в проекте Директив. Ниже мы приводим некоторые из этих цифр, показывающих объем производства важнейших видов промышленной и сельскохозяйственной продукции в 1960 году, а также рост материального благосостояния и культуры трудящихся к концу шестой пятилетки.

Челябинский металлургический завод. Мощная доменная печь № 4, вступившая в строй в канун нового года.
Фото Г. Кабакова.

Беспрерывно идут эшелоны с подмосковным углем.
Фото И. Тункеля.

Атомная электростанция Академии наук СССР.
Фото М. Уварова.

На строительстве Братской ГЭС. Первая очередь этой станции должна быть введена в действие в шестой пятилетке. Полная проектная мощность Братской ГЭС составит 3 200 тысяч киловатт.
Фото В. Темина.

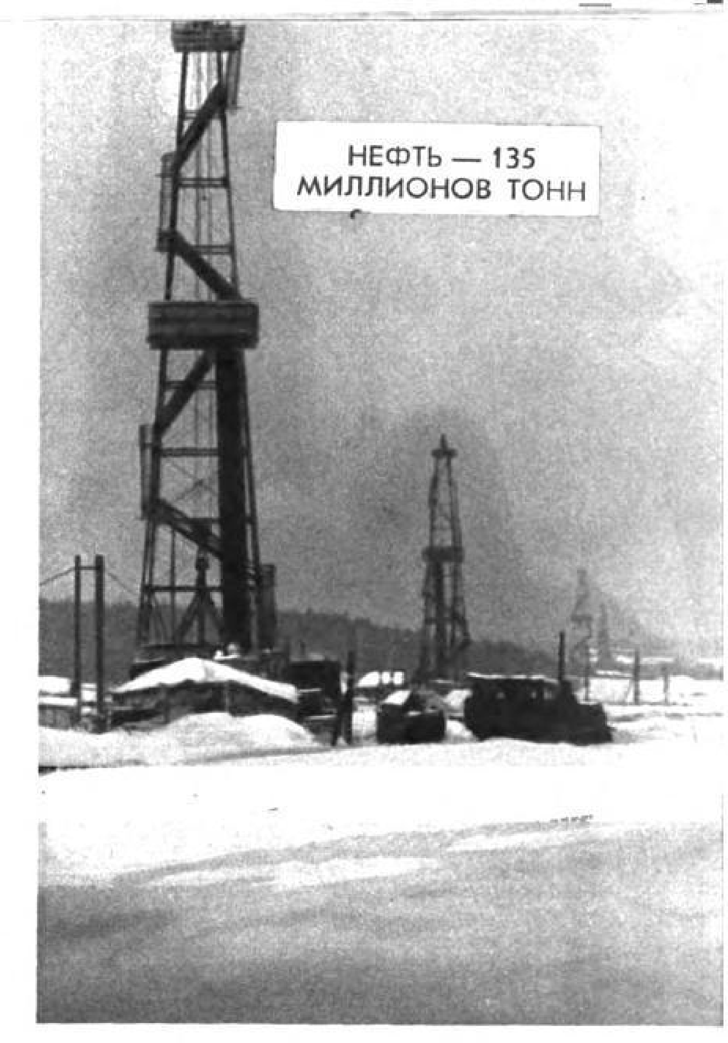

Передовая бригада 1-й Урта-Сарайской МТС Ташкентской области.
Фото Г. Графкина.

ПРОГРАММА

Балхаш. Новые дома на улице Мира.
Фото Я. Босина.

Нефтяные вышки в Татарской АССР.
Фото И. Тункеля.

Электровоз «Н-8».
Фото Е. Умнова.

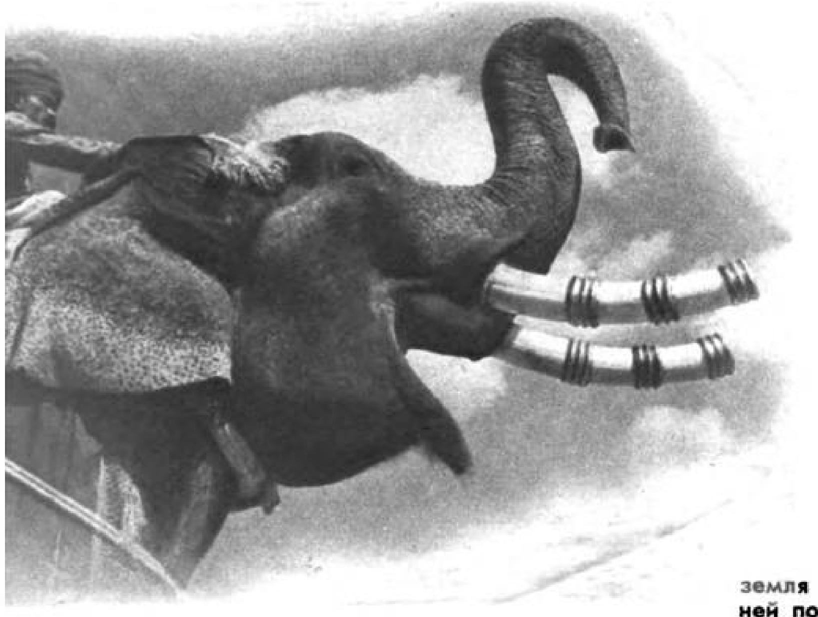
Новый магазин в Комсомольске-на-Амуре.
Фото М. Кузнецова (ТАСС).

Новая средняя школа в Уфе.
Фото Г. Ефимова (ТАСС).

Санаторий ВЦСПС в Боржоми-Ликани.
Фото В. Джейранова.

МОЯ ИНДИЯ

Кришан **ЧАНДАР**,
индийский писатель

Я далеко от родины, но воспоминания о ней овевают меня, как аромат цветов.

Они заполняют мой ум, согревают сердце. Цветы лотоса, что тихо покачиваются на груди болот и озер... Лесные розы, весной чарующие своим запахом долину Гульмарг... Цветы жасмина в садах Нового Дели, прелестные, как невеста в лунном свете...

Природа Индии прекрасна, прекрасна, как строки ее поэтов.

Я далеко от родины, но воспоминания о ней шелестят страницами ее мудрых, древних книг...

Я думаю и о тех цветах, которые создала не природа Индии, а ее народ. Цветы, высеченные из камня! Тадж-Махал! Разве может природа создать что-нибудь равное по красоте Тадж-Махалу! Взгляните на него, когда он залит лунным светом. Кажется, что любовь всей Индии, подавляемая столетиями, надела сверкающие одежды из белого мрамора и гордо возвышается на земле! Кажется, что земля не была совершенной до того, как на ней построили Тадж-Махал.

Тадж-Махал, Элура, Красная крепость, изумительные храмы Южной Индии!

Каждое из этих творений — прекрасный цветок из камня, медленно встающий с каменных страниц Тадж-Махала!

Я далеко от родины, но нетерпеливые и требовательные воспоминания о ней все время зовут меня...

Мой ум заполнен и теми цветами, которые до сих пор продолжают оставаться мечтой, которых нет еще на свете, но которые прекрасней всего сущего! Индия — это не только страна славного прошлого, но и страна надежд для детей будущего. Несмотря на всю свою отсталость и нищету, моя родина смело смотрит вперед, потому что сыны ее трудолюбивы, честны и талантливы, потому что они любят красоту и мир. Только шесть лет прошло с тех пор, как Индия стала независимой Республикой, и то, что сделали незаметные, но великие труженики моей страны за тот период, который прошел со времени Освобождения, достойно всяческой похвалы...

Новый промышленный район в долине Дамодара, на стыке Бихара и Западной Бенгалии... Гудки локомотивов, созданных руками индийцев в Читтаранджане... Величественные очертания плотины в Бхакре, откуда потекут по стране потоки электричества... Каналы для полей, истосковавшихся по влаге... Колледжи и школы, где юность страны готовит себя к светлой жизни.

Железо плавится и становится мягким, как воск, в руках человека. Будущее будет прекрасным для народов Индии!

Я далеко от родины, но мысли о ней приходят ко мне, как старые друзья, и нежно обнимают меня...

Я думаю о миллионах людей, моих соотечественниках,— это они настоящие цветы Индии. Это они оказали триумфальный прием руководителям Советского Союза, показав всем странам свою волю к миру.

В садах цветут разные цветы, разные по окраске, по величине, по аромату. Но все они цветут в одном саду. Ни один цветок не враждует с другим.

Я хотел бы, чтобы все народы жили, как эти цветы!

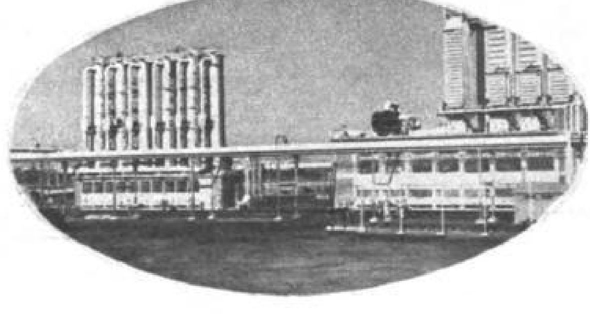

Шар-Минар. Хайдерабад.

Зима в Гульмарге. Кашмир.

Коксохимический завод в городе Синдри.

Народный танец. Штат Пепсу.

Лотос.

Белый павлин.

Это говорю не только я, это говорит мой народ — свободная Индия.

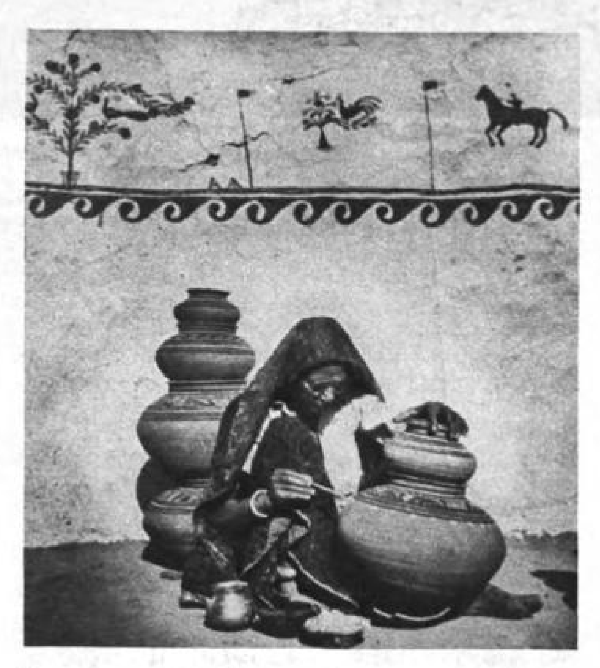
В День провозглашения Республики я, гражданин Индии, передаю сердечный привет советским друзьям, тем людям, которые, защитив человечество, своей кровью вспоили его свободу, как прекрасный цветок.

Да цветет дружба между СССР и Индией!

Да будет мир!

Да воцарится дружба между всеми народами мира!

Москва.

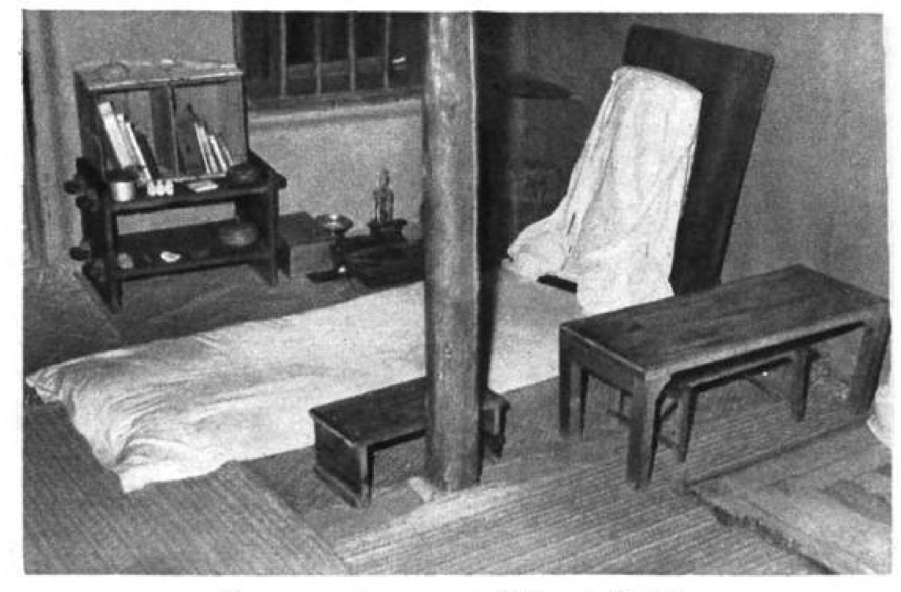

Роспись гончарных изделий — одно из прекрасных ремесел старой Индии.

Синдри. Завод искусственных удобрений.

На слонах через реку Брамапутру.

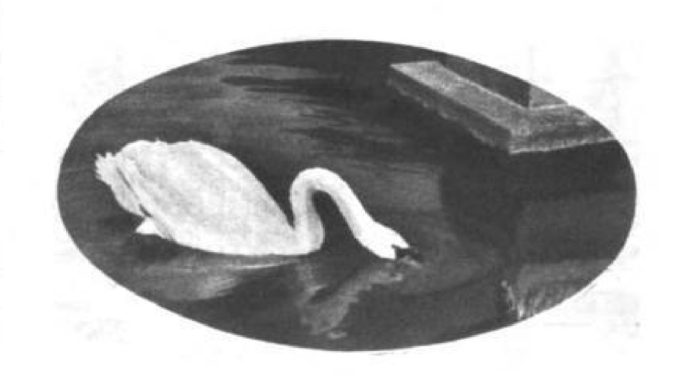

Севаграм. Здесь жил Махатма Ганди.

Плотина в Тилайя — одна из семи, предназначенных для экономического развития долины Дамодара.

← Мадрас. Студенты технологического института на практических занятиях.

Фото корреспондентов Информационного бюро Индии.

Двойные посевы

Георгий БЛОК

Эта неожиданная памятная встреча произошла жарким летним днем 1946 года. Молодой агроном Петр Васильевич Юрин ехал на двуколке, когда его окликнул знакомый лесник Федор Антонович Петухов.

Поздоровались, закурили, перемолвились незначащими словами. Юрин собрался уже распрощаться, тронуть лошадь и ехать дальше, когда Петухов объявил, что с ним приключилась, как сказывали в старину, какая-то чертовщина, вроде нечистый попутал, не иначе, и ему нужно посоветоваться с образованным человеком.

Не дожидаясь вопросов, он торжественно выпалил:

— Посеял овес, а выросла рожь! Вот тебе загвоздка.

Прошлогодней весной, охотно рассказывал старик, он распахал клочок земли на опушке леса, благо подвернулась ладная целинная полянка. И посеял самый обыкновенный овес. Летом не уследил — стадо, видно, забрело, вытоптало посев. Убирать, оказалось, было нечего, семян своих не вернул. Обидно, конечно, но не в том суть.

Весной этого года участка не трогал: прихварывал. Долго не выходило случая побывать там. А два дня назад ненароком туда завернул, да так и обмер: на опушке шумит рожь, ровная, густая, чистая, будто ее кто тайно посеял. Однако сеять было некому. Да и земля стоит непаханная, видать, с той весны.

Откуда рожь принесло? Овес под снегом переродился, и из корней его рожь вымахала? Чертовщина, да и только!

— Не может такого быть,— усомнился агроном. — Напутал, брат.

А тот гнет свое:

— Съездим, осмотрим, воочию убедишься, оно и наглядней. Такто толочь воду в ступе будем...

На опушке соснового леса под порывами теплого ветра действительно колыхалось ржаное поле. Не обманул Петухов и насчет того, что осенью землю не вспахивали,— кое-где уцелели жухлые овсяные стебли. Поковырялись в корнях. Старик опять за свое:

— Гляди: корень овсяный, а колос ржаной, значит, произошла рожь из прошлогодних корней овса.

Долго ходили по полю, горячо спорили, но к согласию не пришли. Юрин, поразмыслив, сказал, что, по всей вероятности, семена, которые лесник бросал в землю, не были чистыми, а с примесью ржи, килограммов примерно десять на центнер. А он, Петухов, ее попросту не заметил. Эта рожь — озимая культура — выстояла под снегом, а весной нормально двинулась в рост. И корни у нее обыкновенные, ржаные.

Такое объяснение задело лесника за живое, и он мрачно побрел в свою сторожку.

Проехав с километр, Юрин поймал себя на том, что думает о странном случае. Встреча не на шутку взволновала. Самое простое — на первом лесном повороте вышвырнуть ее из памяти— оказалось неосуществимым. Во-первых, обидно — он ни в чем не разубедил старика: одними словами немного докажешь. Во-вторых, случай и на самом деле попался весьма примечательный.

Лесника занимает одно: утвердить «чудо с овсяной рожью», да еще на целом поле. Его же, агронома, волнует не победа в споре — хотя, конечно, приятно доказать свою правоту! Его, словно вспышка молнии, озарила мысль: да ведь лесник упустил возможность снять два урожая с одного посева! Сеял-то он однажды, и если бы не потрава, то собрал бы с поля сначала овес, а затем, спустя год, и рожь.

Заманчивая перспектива! Юрин— агроном не только по призванию, но и по рождению — не чуждался мечты. А в этой, пожалуй, есть и рациональное зернышко. Вот бы ее претворить в жизнь!

Мысленно Юрин попытался представить себе, как бы поступил на его месте отец, родоначальник династии агрономов. По наследству Петр Васильевич приобрел и его неистовую, преданную, нежную любовь к матери-земле.

Отец — Василий Петрович — горбом завоевал право на образование. Простой крестьянин, он пробил себе дорогу и в конце прошлого века стал агрономом. То, что было великим испытанием для отца, оказалось простым и доступным для его многочисленного потомства. Дети — шестеро братьев, за исключением одного, и четверо сестер—избрали своей специальностью специальность родителя — агрономию.

Все они получили образование, кто высшее, кто среднее. Одни, подобно отцу, сделались садоводами, другие — полеводами, третьи — механизаторами.

В семье чтили Тимирязева и Мичурина. «Другого нет у вас, у Юриных, пути,— шутливо говаривал Василий Петрович,— кроме как в сельское хозяйство». Только один уклонился, да и то нельзя уверенно сказать, что насовсем.

В 1933 году, семнадцатилетним юношей, Петр окончил Орловский садово-огородный техникум и с путевкой в кармане перебрался на Алтай. На первых порах в колхозе к нему относились прохладно, недоверчиво: был мал ростом, всего ста пятидесяти пяти сантиметров, безусым, мальчишески озорным.

Юноша делом защитил честь агрономической фамилии, доказал, что юность и малый рост не помеха, если есть знания, есть желание и упорство. Его оценили по заслугам, повысили «в чине»— он стал участковым агрономом Чесноковской МТС. Кстати, за три года алтайского периода он прибавил к своим 155 сантиметрам еще почти двадцать пять. И нажил первый опыт.

С тех пор много воды утекло. В высоком светловолосом человеке с обветренным и опаленным солнцем лицом алтайцы вряд ли узнали бы шустрого малыша.

За эти годы вырос он не только внешне, но и внутренне. Попрежнему главная страсть в жизни — агрономия. Ей Юрин не изменил, куда бы его ни забрасывала судьба.

Война отвлекла братьев Юриных от мирного труда. Все шестеро сражались за свободу и независимость Родины. Двое пали смертью храбрых...

Демобилизованного Петра Юрина мы застаем под Москвой колхозным агрономом в Щелковском районе, где вскоре и приключился «овсяно-ржаной» случай.

Этот случай заставил его задуматься всерьез и надолго. Но позвольте, могут нам возразить, с незапамятных времен существуют смешанные посевы растений различных видов. Есть основание думать, что вообще культурное земледелие зародилось именно таким путем.

Следует отметить интересные опыты, проводимые на протяжении многих лет в Институте зернового хозяйства нечерноземной полосы кандидатом сельскохозяйственных наук С. С. Праксиным. Он сеял весной озимую пшеницу вместе с бобовыми. В первый год экспериментатор получал два укоса отличного сена, а во второй — хороший урожай зерна.

Сущность идеи Юрина, как он позже ее сформулирует, принципиально иная. Заключается она в том, чтобы совместить на одном поле посевы растений, различных в стадийном, возрастном, сортовом отношениях, но принадлежащих к одному виду.

Еще впереди годы размышлений и поисков, опытов и споров, трудностей и удач. Еще впереди учеба на биологическом факультете Московского университета, куда зрелым тридцатипятилетним агрономом поступил Юрин. Совмещая работу в колхозе имени Чкалова с занятиями, за два с половиной года он «перемолол» курс наук, рассчитанный на пять лет. Еще впереди диплом с отличием и приглашение в аспирантуру.

У Юрина необычный, трудный и почетный путь в науку. Свою диссертацию он готовил на поле, в колхозе. Фактически он начал писать ее еще до того, как сделался студентом. И главное для него не кандидатская степень (он ее успешно защитил в декабре прошлого года), главное—претворить в действительность идею, неожиданную и плодотворную, которая родилась после разговора с лесником.

Весной он заложил крошечное опытное хозяйство. На одной площади в один день посеял две культуры — яровую пшеницу совместно с озимой. Одобрит ли природа смелый почин? Следовало запастись терпением: опыт длится почти полтора года. Если он будет удачным, сельское хозяйство кое-что приобретет. Отпадет, например, надобность в августовской вспашке перед севом озимых, которая производится в разгар уборки, когда и без того много хлопот.

Первая робкая попытка совместных, как их впоследствии назовут, посевов, первые волнения. Участок разделен на квадраты, где проводились различные варианты опыта. Тут же контроль — раздельный посев: весной — яровых, осенью — озимых, чтобы было с чем сравнивать.

Летом, когда приблизилась пора уборки, на делянки с удивлением поглядывал каждый, кому доводилось пройти мимо. Растения располагались как бы в два этажа. Первый — на высоте в полметра — занимала густая, сочная зелень озимой, а второй — вдвое выше — золотой лес колосьев яровой пшеницы.

Скошен первый хороший урожай, занесено в толстую тетрадь первое неоспоримое достоинство: солома перемешана пополам с сеном, качеством лучше лугового. Естественную мешанку охотно поедает крупный рогатый скот, лошади, овцы. И тут же червячок сомнения: не окажется ли это достоинство единственным, той самой трын-травой?

Вот пушистая белая шуба прикрыла ежик зеленых побегов. Невзирая на стужу, Юрин частенько заглядывал к своим подопечным: а может, они замерзли? Не только бродил он кругом, но нередко копался в снегу, на крошечной площади разгребал его и вырубал монолит — кусок мерзлой земли со всем, что он содержал,— и бережно относил в колхозную лабораторию. Здесь землю постепенно оттаивали. Ее ставили поближе к окну, к свету. Прорастут ли растения? Через несколько дней с радостью убеждался: живы, растут!

Новая весна, пригрело солнце, побежали веселые ручьи. Старики

Профессор Б. А. Рубин и кандидат биологических наук П. В. Юрин (слева) в лаборатории кафедры физиологии растений МГУ.
Фото Б. Кузьмина.

удивлялись, осматривали делянки, где чудак-агроном не пахал, не сеял, и неодобрительно качали головой: не убирать ему, не веять.

Словно наперекор мрачным прогнозам «годовалые» стали быстро тянуться вверх. Обгоняя своих соседей обычного посева, они пышно кустились, входили в трубку, выбрасывали стебли, на верхушках закачались колосья. Урожай поспел на две недели раньше контрольных.

С опытных и контрольных делянок собран хлеб. Подбиты и записаны в тетрадь итоги за два лета. С делянок обычного посева — весеннего и осеннего — снято в пересчете на гектар тридцать два центнера зерна, совместный дал за тот же срок пятьдесят три. Двадцать один центнер — солидная прибавка!

Разглядывая и взвешивая отборные золотые зерна, выращенные на опытном участке, агроном улыбался — ему не придется краснеть: зерно крупнее и тяжелее обычного. Озимая пшеница весеннего посева не росла вхолостую, не обернулась она и яровой. Наоборот — и это подтвердили последующие эксперименты,— приобретенные ею новые свойства большей озимости прочно закрепились в потомстве.

Миновало несколько лет напряженных исследований. Одним из первых поверил в перспективность начинаний руководитель кафедры физиологии растений МГУ профессор Борис Анисимович Рубин. Он взял шефство над студентом-агрономом, помог ему разобраться в сложной картине взаимоотношений между озимой и яровой пшеницей, изучить физиологические основы совместных посевов.

Прежде всего выяснилось, что вовсе не безразлично, как и какими семенами сеять. Если сразу бросать в бороздки сухие семена озимой и яровой пшеницы на одинаковую глубину, то они прорастают почти одновременно, отвоевывают друг у друга почвенную влагу, что не очень желательно, особенно в засушливую весну.

Неоднократно испытывались различные варианты. Наивысший урожай приносит, если можно так выразиться, двойной посев на хорошо удобренной и вспаханной осенью почве.

Весенним утром на глубине семи — восьми сантиметров сеются семена озимой, а днем поперек первой, крест-накрест, вдвое ближе к поверхности, заделываются наклюнувшиеся смоченные семена яровой пшеницы. Таким образом, яровая уже опережает свою «компаньонку», которая развивается как подпокровная культура. Корневые системы размещаются в два яруса, одна над другой, и не мешают друг другу.

Вскоре Юрин обнаружил, что не все растения озимой выходят после зимовки здоровыми. Некоторые — пять — десять на сотню — дряхлеют (старятся) и засыхают. Неужели нельзя предотвратить это явление, омолодить растения? Можно, и очень несложным способом. В августе подросшую зелень низко выкашивают, подобно тому, как стригут машинкой волосы школьника, сразу подкармливают минеральными и органическими удобрениями и боронуют.

Этот прием производит буквально магическое действие. Растения начинают буйно куститься и образуют не два — три побега, как обычно, а во много раз больше. Весной встречаются кусты с пятнадцатью — двадцатью стеблями от одного корня. И почти каждый увенчивается тучным колосом, зерен в нем больше, нежели в колосе осеннего посева.

Такая удивительная кустистость поразила опытного агронома-аспиранта, разбудила его фантазию. Ведь это сулит в будущем неслыханные урожаи. Пока, конечно, это только мечта, но самые осторожные подсчеты ошеломляют. Можно будет собирать урожай зерна не в полтора раза больше по сравнению с тем, что уже завоевано совместными посевами, а во много раз больше.

Двести центнеров с гектара станут не исключением, а заурядным явлением. Такой урожай — заветная мечта Юрина. Понятно, это потребует высокого агрономического «фона», или, проще говоря, отличной агротехники, какую осуществляют передовики сельского хозяйства.

Как тут не вспомнить о пресловутой выдумке кабинетных затворников псевдозакона убывающего плодородия! Сейчас настала эпоха, когда надо говорить не о двух колосьях там, где рос один. Подлинный закон природы — возрастающее плодородие.

Совместные посевы обладают важными качествами. Например, при посеве необходимо значительно меньше семян озимой пшеницы. Не двести килограммов на гектар, как предусмотрено нормой, а сто тридцать — сто сорок. Сколько ныне расходуется на два гектара, хватит на три!

И такая экономия не отражается на урожае отрицательно, не снижает его. Наоборот, растения прекрасно себя чувствуют, лучше кустятся, их не стесняют соседи. А разветвленные корни позволяют извлекать нужные питательные вещества и в изобилии снабжать ими многочисленные колосья.

И еще одно преимущество. Посев, особенно в первый год жизни, радует чистотой всходов. Его словно покидают сорные травы, точно они не находят себе здесь места. Почему? У каждой культуры есть свои, приспособленные именно к ней враги.

Одни поселяются и благоденствуют только в яровой, другие — в озимой пшенице. А когда они растут вместе, то сорняки отступают: такое содружество им не по вкусу. Прополка не нужна.

Благодаря тому, что поле совместного посева ежегодно не пашут, пшеница приняла на себя обязанности многолетних трав. Пласт накапливает запасы перегноя, восстанавливается структурность почвы, повышается ее плодородие. И вместо того, чтобы отдыхать под паром, поле приносит урожай.

Высказывались опасения, что сочная зелень помешает механизировать уборку ярового хлеба, что машина не сладит с переработкой столь большого количества массы, к тому же наполовину сырой. Однако практика опровергла сомнения, страхи оказались напрасными. Комбайн справился с поставленной задачей.

Чем больше Юрин экспериментировал, тем дальше и шире раздвигалась перспектива. Наступил день, когда он решил испытать новый метод и на других культурах, например, на картофеле, овощах и травах.

На «домашней» делянке он посадил одновременно ранний проращенный и поздний сорта.

Идея по-настоящему полюбилась двум бригадирам колхоза имени Чкалова — Клавдии Гавриловне Сафоновой и Анне Васильевне Дмитриевой, увлекла их. Они сделались первыми рачительными помощниками агронома, первыми судьями нового способа и, забегая вперед, его верными сторонниками и последователями.

Выбрали поле, несколько гектаров, засадили его строгими густыми рядами, через один, раннего яровизированного и позднего картофеля. В июле на диковинное зрелище сбегались смотреть любопытные соседи: полоса ботвы с бутонами сменялась полосой с увядшими цветами. Вырыли куст-другой наудачу — клубни с кулак величиною. Конным плугом, через полосу, выворотили из земли картофель и отправили его на весы. Сто центнеров с гектара!

Поздний подкормили удобрениями и окучили. Картофель протянул корни на свободное пространство, завязал новые клубни, ботва разрослась. Осенью посторонний человек не догадался бы, что с этого поля однажды уже урожай сняли. В сентябре выкопали вторую «очередь» — еще двести центнеров с гектара.

На следующий год сдвоенную посадку успешно повторили на большой площади. Колхоз имени Чкалова полностью выполнил годовой план поставок картофеля до 1 августа.

Петр Васильевич Юрин убежден, и, по мнению авторитетных ученых, вполне резонно, что за счет таких посадок города и промышленные центры могут быть в изобилии обеспечены ранним картофелем, без ущерба для основного осеннего сбора.

Совместные посевы яровой и озимой пшеницы, раннего и позднего картофеля выдержали экзамен и в опыте откликнулись высоким урожаем. Несомненно, что к ним примкнут капуста, морковь и огурцы, помидоры, кукуруза и клевер. Конечно, речь идет о принципе. Каждая культура обладает своей индивидуальностью и требует персонального подхода в зависимости от климатических, почвенных и иных условий.

Напоследок хотелось бы поведать об одном примечательном событии прошлого лета. Под Москвой, на знаменитой Грибовской селекционной станции, где работает родная сестра Юрина — Ольга Васильевна, автор новых сортов арбузов и дынь,— состоялся слет агрономической фамилии. Со всех концов страны съехались все члены семьи, братья и сестры.

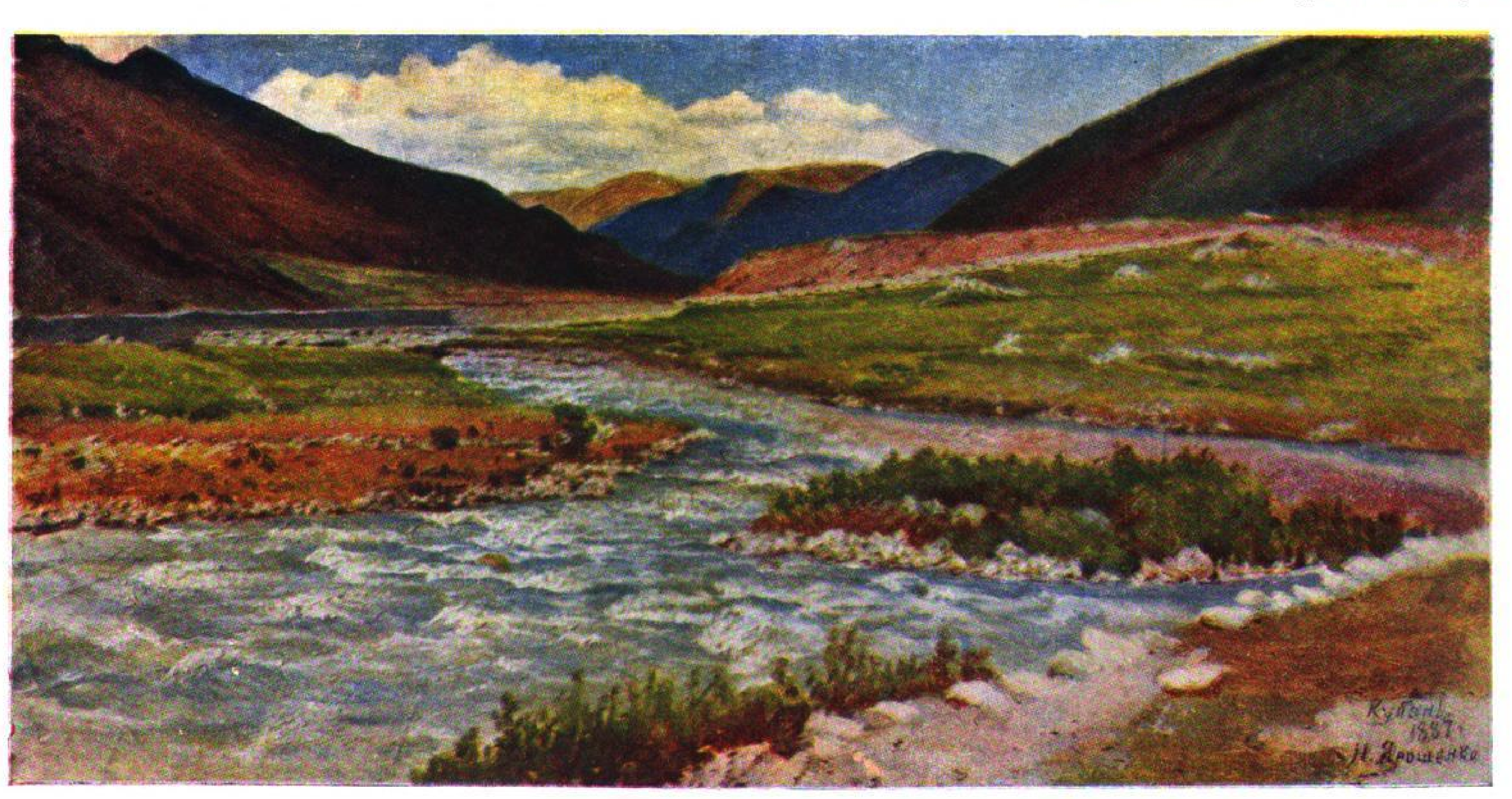
На повестке дня один вопрос — юбилей — 85-летие со дня рождения основателя династии Василия Петровича, который прибыл на семейный ученый совет — так было сказано в телеграмме — из Белоярского района, Свердловской области, где он трудится над книгой, посвященной северному садоводству.

Однако юбиляр — председательствующий — по-своему повел «заседание». Он попросил, чтобы каждый рассказал о себе и своих успехах. Пришлось подчиниться. Взял слово и Петр Васильевич. Отец внимательно слушал, выспрашивал сына и под конец сказал:

— Знаю твое дело, Петр, сам видел в натуре. Сдается мне, что напал ты, по-уральски скажу, на жилу. Восемь лет опытничаешь, результаты подходящие, мичуринские: не ждешь милостей от природы, хочешь взять их. Бери, народ оценит, поможет.

М. В. Нестеров (1862—1942). ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА Н. А. ЯРОШЕНКО.

Полтавский областной художественный музей.

Н. А. Ярошенко (1846—1898). КУБАНЬ.

Полтавский областной художественный музей.

С. И. Васильковский (1854—1917). ПЕРВАЯ БОРОЗДА.

Полтавский областной художественный музей.

Из фондов Полтавского музея

Немало прекрасных живописных произведений хранится в Полтавском государственном художественном музее.

Создание музея связано с именем известного художника Н. А. Ярошенко, который свое собрание картин завещал городу, где родился и провел юношеские годы.

В этот же музей М. В. Нестеров передал выполненный им портрет Ярошенко. Оба художника, несмотря на 17-летнюю разницу в возрасте, были большими друзьями.

Нестеров вспоминал позже, что Ярошенко «слыл самым свободомыслящим художником; безупречный, строго принципиальный, он был как бы «совестью» художников... Николай Александрович понравился мне с первого взгляда; при военной выправке в нем было какое-то своеобразное изящество, было нечто для меня привлекательное. Его лицо внушало доверие, и, узнав его позднее, я всегда верил ему (бывают такие счастливые лица). Гармония внутренняя и внешняя чувствовалась в каждой его мысли, слове, движении».

В последние годы жизни Ярошенко тяжело болел. За несколько месяцев до его смерти Нестеров написал портрет своего друга. Художник впервые создал законченный портрет. Хотя Нестеров и раньше много раз обращался к портретному жанру, но все это были лишь этюдные работы.

Однако взыскательный художник сам не был удовлетворен живописным портретом Ярошенко и незадолго до смерти как бы дополнил этот образ литературным очерком о своем друге, который в 1942 году был напечатан в журнале «Октябрь».

В конце XIX века в русской живописи появляется много жанровых и портретных произведений, рассказывающих о жизни крестьян, раскрывающих их образы. Этому посвятил свое творчество выдающийся украинский живописец С. И. Васильковский. Примечателен и портрет пастуха, написанный А. Е. Архиповым. Умный и напряженный взгляд крестьянина говорит о сильной воле, незаурядном характере.

Ярошенко, который первым запечатлел образ русского индустриального рабочего, собирал материалы для своих социальных произведений во время поездок по России. Кроме жанровых этюдов и зарисовок, он писал и пейзажи. Из последней поездки на Кубань он привез серию произведений; одно из них напечатано на вкладке.

Полтавский музей обладает интересными пейзажными произведениями. В. Д. Поленов представлен здесь сочной по живописи картиной «Осень в Абрамцеве». Большой мастер пейзажа, Поленов оказал значительное влияние на развитие русской живописи. Многим обязан ему и один из его талантливых учеников, И. И. Левитан, который в своих пейзажах сумел передать, кроме красот природы, что так проникновенно делал Поленов, богатую гамму человеческих чувств.

Н. СВЕТЛОВА

16 января в Москву по приглашению Верховного Совета СССР прибыла делегация Народного Собрания Народной Республики Болгарии, возглавляемая Председателем бюро Народного Собрания Народной Республики Болгарии Ф. Козовским. 17 января делегацию приняли в Кремле Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР В. Т. Лацис и заместитель Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР А. А. Лебедев, После приема делегация осмотрела Кремль. На снимке: В. Т. Лацис и А. А. Лебедев показывают гостям зал заседаний Верховного Совета.

Фото А. Гостева.

Новый посол Франции

14 января Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов принял в Кремле Чрезвычайного и Полномочного Посла Франции в СССР М. Дежана, который вручил свои верительные грамоты. К. Е. Ворошилов и Посол М. Дежан обменялись речами.

Климент Ефремович Ворошилов в своей ответной речи заверил Посла, что со стороны Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства ему будет оказана всемерная поддержка и содействие в его деятельности, направленной на укрепление дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Францией.

Русский язык в Англии

Всесоюзное общество культурной связи с заграницей устроило вечер, посвященный итогам месячника англо-советской дружбы. С большим интересом было выслушано выступление профессора Н. К. Гудзия.

— Повсюду в Англии, — сказал Н. К. Гудзий, — мы ощущали огромный интерес к нашей стране.

В дорогих для каждого из нас местах, связанных с памятью великого шотландского поэта Бёрнса, во всех городах Англии, которые мы посетили, простые люди приветствовали нас как посланцев мира и дружбы. Никогда не забуду хранителя музея Бёрнса. Когда мы прощались, этот старый человек сказал: «Передайте привет маршалу Булганину и мистеру Хрущеву. Когда они приедут в Англию, пусть заглянут к нам, в домик Бёрнса!»

Естественно, что меня интересовало преподавание и изучение в Англии русского языка и литературы. Я беседовал на эту тему со многими англичанами и по их просьбе прочел несколько лекций в университетах Оксфорда, Кембриджа, Глазго и Эдинбурга. Это были лекции проблемного характера, посвященные творчеству Льва Толстого и древней русской литературе. Читал я их на русском языке без переводчика. На одной из таких лекций присутствовало около 100 человек.

Русский язык и литература преподаются в десяти университетах; наиболее основательно, мне кажется, в Лондонском, Оксфордском и Кембриджском. Студенты учатся переводить не только современных писателей и классиков, но и древнерусские тексты. В экзаменационных билетах рядом с абзацами из «Поднятой целины» и «Русского леса» идут отрывки из «Слова о полку Игореве» или «Жития протопопа Аввакума».

Еженедельно студенты пишут по-русски сочинения, часто на сложные и разнообразные темы. Они также изучают историю русского языка.

К услугам тех, кто занимается русской филологией в Оксфордском, Кембриджском и Лондонском университетах, в библиотеках имеются редкие издания памятников древнерусской письменности.

В Оксфорде и Лондоне выходят научные журналы, посвященные славянской истории и филологии, в данный момент составляется этимологический словарь русского языка.

Вообще, у меня создалось впечатление, что английские студенты изучают русский язык и литературу с большой охотой и интересом. В Кембридже, например, студенты ставят на русском языке «Бориса Годунова», «Ревизора», пьесы Чехова.

Русским языком занимаются не только филологи, но и студенты других специальностей. Их пока еще сравнительно немного, но будет, несомненно, больше. Русский язык введен недавно и в некоторых средних школах. Это вполне понятно: в Англии неуклонно растет интерес к Советскому Союзу.

А. ЛАРИН

ЧТО УДИВИЛО ГАРОЛЬДА ВИЛЬСОНА В МОСКВЕ?

Группа английских промышленников, посетившая Москву на прошлой неделе, успешно вела переговоры с советскими внешнеторговыми организациями. Все они, в том числе Гарольд Вильсон — видный общественный деятель, член парламента и бывший министр внешней торговли,— не впервые посещают нашу страну.

Накануне отъезда на родину Гарольд Вильсон был принят Н. С. Хрущевым и А. И. Микояном.

— Я получил большое удовольствие от этой поездки в Москву,— заявил корреспонденту «Огонька» Гарольд Вильсон,— такое большое, что можете не сомневаться, скоро я буду здесь снова! Тем более,— продолжал он, — что я научился переносить московские морозы не хуже любого москвича...

— Каковы перспективы советско-английской торговли в начавшемся году?

Прежде чем ответить на этот вопрос, Гарольд Вильсон говорит о том, что две вещи особенно поразили его в Москве 1956 года. Он провел в Москве всего три дня; все же он хотел бы сказать о том, что ему бросилось в глаза: во-первых — большой размах строительства, гораздо больший, чем в 1954 году, когда он также приезжал в Москву, и, во-вторых, продолжающееся улучшение снабжения населения товарами широкого потребления.

Гарольд Вильсон и его спутники посетили многие московские магазины, и они пришли к выводу: количество и качество товаров широкого потребления, поступающих в продажу, чрезвычайно выгодно отличается от того, что они видели два — три года назад.

— Расширения англо-советской торговли, связанного с ожидаемым ослаблением контроля над продажей так называемых стратегических товаров,— продолжал Вильсон,— к сожалению, не произошло в последнее время. Будем надеяться на лучшее.

— Торговые отношения между нашими странами должны улучшаться, и они будут улучшаться,— вступил в беседу Дж. Фишбейн, представитель фирмы «Интернейшнл пластик».— Мы надеемся,—заявил Фишбейн,—что 1956 год будет годом широкой англо-советской торговли. Мы верим, что торговые отношения между нашими странами будут развиваться на взаимовыгодной основе!

Все представители деловых фирм, гостившие в Москве, заявили, что им, как всегда, был оказан радушный прием.

ВСТРЕЧА В СТЕПИ

Из романа «Орлиная степь»

Михаил БУБЕННОВ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

При полном безветрии солнце плавило снега. Начиналось степное половодье. В степи, до жути просторной и безлюдной, всюду виднелись стаи пролетной птицы. На солонцах, где снег пропитался грязной желтизной, озабоченно, всполошенно гоготали гуси и неумолчно, без всякой нужды, перекликались непоседливые, верткие чибисы. По всем горчицам — мелким озеркам, отороченным бурой колючкой и почерневшей кугой,— царственно проплывали, блистая зелено-сизым брачным оперением, кряковые красавцы-селезни. На просторной открытой воде отдыхали табуны голубой чернети. Словно бы разминаясь перед дальнейшим полетом, нырки поочередно приподнимались над водой и, трепеща, ослепительно сверкали на солнце белыми зеркальцами крыльев, а потом охорашивались, чистили и укладывали плотное перо. Не меньше, чем на земле, было пролетных стай в воздухе; торопясь, они шли на север одновременно в несколько ярусов, и от их неумолчной тревожной разноголосицы стоном стонала степь...

Бригада Леонида Багрянова двигалась на Лебяжье старым трактом вдоль кромки соснового бора. Головной трактор вел Корней Черных. Он все время зорко поглядывал вперед, стараясь своевременно обойти опасные места: снежницы, где могли быть любые ямы, с виду небольшие, но глубокие ярки и особенно солонцы. Иногда он останавливал трактор, вылезал из кабины, оглядывался на колонну, осматривал степь в больших черных плешинах и, возвращаясь на свое место, задумчиво произносил:

— Да, припоздали...

На полпути к Лебяжьему показалась отара овец, рассыпанная по большой проталине правее тракта, а на снежном фоне степной дали — журавель колодца и приземистые, с раскрытыми крышами кошары. Среди овец передвигались, иногда зачем-то нагибаясь, две женские фигуры, а у самого тракта, вероятно, поджидая бригаду, стоял всадник на пегой лошади.

Поровнявшись с всадником, Корней Черных остановил трактор и вылез из кабины.

Перед ним был чабан лебяженского колхоза калмык Гашута. Он был очень стар, но еще крепок на ногу и ловок в седле. На его маленькой ястребиной голове возвышалась островерхая шапка, отделанная полуоблезлой лисицей-огневкой. Из-под меха, прикрывавшего лоб и даже брови, казалось, совершенно безразлично смотрели на мир красноватые, мутные, слезящиеся глаза. Все лицо Гашуты, сухое, прочерневшее, изрытое глубокими морщинами, имело равнодушно-покорное выражение, лишь слегка освещенное слабенькой, виноватой улыбкой. Гашута был в грязном, замызганном и покоробленном шубняке, засаленных ватных штанах и в стареньких, надетых поверх войлочных чулок сапогах из яловой кожи. Он восседал на пегом, точно в заплатах, унылом мерине с отвислой, старческой губой. Казалось чудом, что мерин не только держится на ногах, но еще и держит на себе всадника. У него сильно выгнулась под седлом спина, с кожи клочьями сползала шерсть, под ней, как обручи, торчали ребра и шишковатые мослы, холка, вытертая догола и иссеченная в кровь, была залита березовым дегтем...

— Здрассь,— первым сказал Гашута, увидав старого знакомого, и опустил поводья на луку седла.— Лебяска пошел?

— В Лебяжье,— сдержанно ответил Корней Черных.

Гашута выехал к дороге, видимо, только из любопытства, отдавая дань древней степной привычке. Указав черенком плети, сделанным из таволожника, на трактор, он сказал:

— Новый машина! Селина пойдет?

— Да, на целину...

— Слыхал наша, слыхал!

Корней Черных вдруг недружелюбно спросил:

— Ты чего ж это, Гашута, залез на эту клячу?

— Какой кляч? Моя кляч?

— Он же едва стоит! Того и гляди, упадет.

— Худой лошадка!— охотно подтвердил Гашута.— Совсем худой! Кожа, кости... Овес нет, соломка нет... Дохнет скоро лошадка!

— Слезь, пусть отдохнет,— предложил Черных.

— Это можно, можно,— покорно согласился Гашута, слез с лошади, оставив поводья и плеть на луке седла, подошел к Черных и сунул ему в руки свою сухую, заскорузлую, негнущуюся ладонь.— Здрассь...

— Когда отару-то сюда выгнал?— спросил Черных.

— Вчера гнал.— Гашута вздохнул.—Пропадал барашка!

— Много?

— Ой, много пропадал! Сам гляди!

Последние три года Алтай жестоко страдал от засухи. Нынешней зимой в степных колхозах особенно рано вышли скудные корма и начался падеж скота. На спасение его были брошены все силы. Колхозники повсюду раскрывали соломенные крыши, обшаривали остожья и тока, разыскивали под снегом забытые копешки соломы и сена, везли из боров на фермы мелкий осинник и сосновые ветки, вырубали на болотах травянистые кочки... Сотни тракторов развозили с железнодорожных станций по колхозам хлопковые жмыхи, полученные из Туркмении, которыми на фермах приправляли сечку из соломы и пойло; сотни тракторов таскали по степи огромные снегопахи, разгребая ими снег до земли; тощий, обессилевший скот брел следом, еле переставляя ноги и подбирая одинокие сухие былинки... Точно назло, на редкость запоздала весна, и скот пришлось лишний месяц держать на фермах. Но только появились проталины, на них повсюду выгнали большие стада костлявых, медлительных коров и отары слабеньких, падающих на каждом шагу овец с малыми ягнятами... Но какой подножный корм мог найти скот в степи, которую три года подряд выжигало нещадное солнце?!

Уже много лет старый Гашута вместе со своей дочерью и снохой работал на овцеферме в лебяженском колхозе; сын его Нимгир был трактористом, а жена, старая, измученная разными недугами, занималась только домашними делами. Чабанская работа тяжелая, но выгодная: заработок постоянный и большой. Поэтому семья Гашуты держалась места на ферме крепко, работала хорошо и получала немалые доходы: ежегодно глубокой осенью в виде премии за прирост поголовья ей передавалось с полсотни овец. Одну часть из них Гашута продавал на рынке, другую — резал для еды и оставлял на приплод. Своего дома Гашута не имел, а жил всегда в сторожках на кошарах, ближе к делу, и по причине своей бездомности, с согласия руководителей колхоза, держал своих овец в колхозной отаре. Это вполне устраивало Гашуту. Ему не приходилось думать о крыше и корме для своих овец, он мог, считая своими, продать или прирезать любые головы из отары, не боясь при этом сбиться со счета, наверняка зная, что все само собой благополучно покроется осенью; его овцы всегда ягнились двоешками, их не валили с ног никакие болезни, их боялись трогать даже волки... В колхозной отаре всегда — по бухгалтерской книге — значилась его маленькая отара. Конечно, она была гораздо меньше той, что держал Гашута до колхозов на Черных землях, но все же нельзя было гневить небо: он жил любимой, полукочевой, безбедной единоличной жизнью. Бывали счастливые минуты, когда ему с седла казалось, что перед ним не колхозная, а его собственная отара и вокруг не алтайские, а приволжские степи...

Когда кто-нибудь из колхозников заговаривал о жизни Гашуты, председатель колхоза Степан Родичев одергивал такого:

— Ты Гашуту не тронь! Он вон как работает! У кого отара лучше? Ишь ты, овец своих держит! А ты не держишь приусадебный участок? Он овцами только и живет. Понимать надо.

Отара Гашуты славилась своей выносливостью, плодовитостью, прибыльностью. Но теперь и на нее нельзя было смотреть без горечи. Алтайские мериносы с густой, грязной, свалявшейся шерстью передвигались редко, а чаще стояли, опустив головы, обнюхивая, но не трогая сухие, жесткие стебли степных трав, не помятые снегом, или едва-то-едва шевелили непослушными губами, подбирая былинки с земли. Очень часто овцы, точно спотыкаясь, вдруг падали на колени и так стояли подолгу, точно молясь. Многие спокойно, в разных позах лежали на талой, холодной целинной дернине. Дочь и сноха Гашуты только тем и занимались, что ходили по отаре и, хватая лежавших овец за шерсть, поднимали их на ноги и заставляли стоять. Но разве заставишь стоять того, кто сам не может стоять на земле? Только женщины отходили, овцы тут же падали замертво.

— Ягнят много?— спросил Черных.

— Много, много! Все пропадал!

Гашута искренне страдал, видя гибель отары.

— Мало овечка — всем плохо,— пояснил он.— Колхоз плохо, моя тоже плохо...

К отаре подтянулась вся колонна. Желая поразмяться и узнать причину остановки, молодые новоселы шумно покинули машины и сани. Только Феня Солнышко, к удивлению девушек, не двинулась с места.

— А чего на него глядеть?— сказала она о Гашуте.— Черная душа — вот и всё...

Окинув быстрым взглядом Гашуту, его коня и бродившую поодаль собаку, Леонид Багрянов с недоумением спросил своего помощника:

— Что случилось, Корней Степаныч?

— А ничего особого,— ответил Черных.— Степная привычка. Встретились, вот и хочется ему поговорить, узнать новости. Это чабан из Лебяжьего.

— Значит, первая встреча на лебяженских землях?

— Точно.

— Здрассь,— сказал Гашута, делая шаг вперед, с заискивающей улыбкой подавая Багрянову руку.— Мы тебя знаем. Москва пришел? Ай-ай, далеко ходил!

— Откуда вы меня знаете?— спросил Багрянов.

— У него сын тракторист,— ответил Черных.— Нимгир... Черный такой...

— Верна, верна,—подтвердил Гашута.— Черный.

— А-а, знаю, знаю!

— Его трактор ломался. Старый трактор.

— Нимгир уже закончил ремонт,— сообщил Багрянов.— Сегодня будет дома, ждите!

— Ждем, ждем!

Леонид взглянул на отару и вздохнул. Как и все новоселы, он с первого дня приезда на Алтай знал, в каком тяжелом положении здесь оказался нынче скот. В Залесихе Леонид однажды был на фермах и видел, что наделала бескормица, но только теперь ему стало ясно, какое бедствие постигло колхозы...

— Смотреть горько,— проговорил он тихо и сокрушенно.

Невдалеке лежала на боку, судорожно вытянув ноги, крупная матка, а перед ней стоял, подрагивая, худенький курчавенький ягненок. Крестьянская душа Леонида дрогнула от боли. Он подошел к матке и, коротко взглянув в ее холодные, стеклянные глаза, присел на корточки около ягненка, бережно потрогал его шелковистую шерстку, а потом вдруг взял его, как покорного малыша, на руки...

— Сирота,— сказал Леонид сдавленным голосом, когда к нему подошли ребята из бригады.

Светлану многое поразило в эту минуту: и то, что Леонид, не брезгая, ласково держал на руках грязного, мокрого ягненка, и его голос, и его взгляд... Только сейчас, увидав Леонида вот здесь, в степи, задумчиво смотрящим вдаль, с ягненком на руках, Светлана впервые отчетливо поняла, почему он внезапно решил уехать в деревню.

— Что же с ним будет?— спросила она тихонько, несмело касаясь рукой ягненка.

— Пропадал барашка!— сказал со стороны Гашута.

— Но неужели ничего нельзя сделать?

Леонид Багрянов осторожно опустил ягненка на землю.

— Ничего, Света...

— А если поить молочком?

— Их много, гляди! Да и где взять молочко?

Леонид направился было к тракторам, но его остановил Гашута. Он спросил:

— Любишь барашка?

— Люблю,— ответил Леонид.

— Любишь, тогда скажи: как барашка жить будет?

— Не понимаю...

— Три года плохой трава родился наше место,— сказал Гашута и провел рукой по степи.— Сам гляди, голый земля. Барашка кушать надо,— чего кушать? Новосел везде пошел, везде селинка пахать будет, барашка гулять куда пойдет? Совсем пропадай барашка!

— Вон в чем дело! Вот вы о чем хотели говорить!— воскликнул Багрянов.— Беспокоишься, отец? Ничего, сберегай барашков нынче, а потом они не пропадут! Здесь степи вон какие, глазом не окинешь! И пшеницы насеем, и скот пасти места хватит...

— Какой место? Соленый земля!

Леонид Багрянов все последнее время жил мыслями о работе на целине, но пока мало думал о том, какие перемены повлечет за собой уничтожение целинных степей. Он знал, что конец целины — это конец отсталого, отжившего свой век, малодоходного пастбищного животноводства. Он слышал, что в здешних местах находится немало людей, которые боятся начинать жизнь без целины. Чабан Гашута, несомненно, был из числа таких людей, и это вполне естественно: давно ли старый степняк-скотовод перестал кочевать по степям?

— Наша Лебяска много земли совхоз-та брал,— продолжал Гашута.— Слыхал? То место самый сладкий трава. Типчак. Совхоз-та пахать будет. Наша Лебяска опять же новый агроном пришел. Девка. Бойкий девка.

— Знаю,— почему-то улыбаясь, сказал Леонид.

— Девка собрание собирал, карта показывал,— продолжал Гашута.— Всем говорил: везде, везде селинка пахать будут! Правда сказал девка?

Не подозревая того коварства, с каким Гашута затеял разговор о целине, Леонид весело и простодушно подтвердил:

— Правда, отец, правда! Всю целину запашем!— Он обернулся к бригаде и, подмигивая, спросил.— Верно, ребята? Запашем?

Новоселы с озорством зашумели в ответ:

— Клочка не оставим!

— Держись, целина, знай наших!

Но Гашута внезапно помрачнел и опустил глаза.

— Думал, обманул девка,— признался он и опять завздыхал.— Ах, беда, беда! Пропадал барашка! Какой трава соленый земля? Корова ферма стоять будет, туда трава везем, арбуз, силос... Барашка гулять надо. Много гулять! Куда пойдет гулять барашка?

И вот здесь-то Леонид, неизвестно отчего повеселевший, вдруг необдуманно воскликнул:

— Ничего, отец, барашка не пропадет! В горы пойдет гулять твой барашка!

— Какой горы?— помедлив, очень тихо переспросил ошарашенный Гашута.—Алтай-горы?

— Ну да, Алтай-горы!

— Так, понимаем,— сквозь стиснутые зубы заключил Гашута.

Увидев, что старый чабан не на шутку встревожен, Леонид подошел к нему и, намереваясь успокоить, положил руку на его плечо, но вдруг произошло неожиданное. Черная собака Гашуты, крупная дворняга, напоминавшая волкодава, молча и остервенело кинулась на Дружка, который только что пролез сквозь множество ног к Леониду и оказался впереди. Ребята и девушки с визгом бросились врассыпную, а две собаки, сцепившись, яростно рыча, взвизгивая и взлаивая, завертелись разношерстным клубком по земле. Гашута и Леонид, пытаясь разнять собак, закричали на них в разные голоса. Но это не помогло. Собаки

грызли друг друга обезумело, насмерть,— от вертящегося по земле клубка летели клочья шерсти. Тогда Гашута схватил с луки седла свою сыромятную плеть с малиновым черенком из таволожника и, ощерясь, как рысь, несколько раз со всей силой огрел ею осатаневших собак. Заголосив, они бросились в разные стороны.

Только бы и всего, но Гашута почему-то на этом не успокоился. Он властно крикнул что-то своей собаке, и та, вдруг припав брюхом к земле, вся дрожа, нервно повиливая хвостом и жалобно поглядывая вверх, покорно поползла к ногам хозяина. Гашута вновь выкрикнул что-то гортанное и, кряхтя, прыгая, начал так жестоко, так больно хлестать собаку свистящей плетью, что она заголосила на всю степь потерянно, безысходно, со смертной тоской.

Не зная, что делать, Леонид некоторое время оторопело, с холодеющим сердцем смотрел на прыгающего вокруг собаки Гашуту; у старика хищно сверкали зубы. И вдруг точно обожгло Леонида изнутри. Он бросился к Гашуте, одним разом вырвал у него плеть, а самого вгорячах так толкнул от стонущей собаки, что старый чабан отлетел в сторону и распластался навзничь на целинной дернине.

— Ты что, гад, делаешь?— подступая к Гашуте, в бешенстве закричал Леонид.— Ты зачем так собаку бьешь? Зачем?

Гашута медленно поднялся, сказал хмуро и твердо:

— Собака учить надо! Я хозяин!

Смерив Леонида с ног до головы недобрым, примеривающимся взглядом, он добавил:

— Ты моя собака жалел, меня бил. Зачем бил? Тебе кто велел бить простой чабан? Дай плеть!

Несколько секунд Леонид растерянно вертел в руках плеть, точно рассматривая ее таволожковый черенок, а потом молча, с отвращением бросил ее под ноги Гашуте.

Метнув на Леонида темный, зловещий взгляд, Гашута поднял плеть, посвистал и, не оглядываясь, пошел по направлению к кошарам; следом за ним двинулся, неловко переставляя лохматые, шишкастые ноги, пегий мерин, а затем, хромая, пришибленно поплелась собака.

Леонид долго смотрел на удаляющегося калмыка. В центре проталины Гашута остановился, и там к нему подошли обе женщины. Видимо, рассказывая им о том, что произошло у дороги, старик несколько раз потрясал в воздухе плетью.

— Поехали,— оборачиваясь, мрачно сказал Леонид.

Дождавшись Леонида, Феня Солнышко сказала со вздохом:

— Дурная примета!

— О чем это вы?

— О собаках я, о собаках...

— Собаки всегда грызутся! Правильно, Дружок?

А Светлана неожиданно спросила, смотря в степь:

— Леонид, здесь уже целина, да?

Вопрос был наивен, но Леонид помедлил с ответом. Только не спеша осмотрев даль, поласкав руку Светланы, он ответил негромко:

— Целина, Света, целина...

35 лет борьбы

Лючано ГРУППИ

Итальянские коммунисты и весь трудовой народ Италии с законной гордостью отмечают 35-ю годовщину своей коммунистической партии. Ее славное боевое прошлое дает им право уверенно смотреть вперед, в завтрашний день, который не обещает быть легким, но, несомненно, несет с собой новые успехи в борьбе за дело социализма в Италии.

Коммунистическая партия была создана 21 января 1921 года в Ливорно. К тому времени стало очевидным, что правящие круги Италии не в состоянии разрешить насущные проблемы страны.

В дверь повелительно стучалась необходимость нового строя, социалистического. Вождь нашей партии Антонио Грамши предвидел в тот исторический момент две возможности: либо победа рабочего класса, либо еще более жестокая и неистовая буржуазная реакция. Ошибки старого социалистического движения, оппортунизм, которым оно было заражено, разобщенность рабочего класса привели к тому, что в Италии установилась фашистская тирания.

...Коммунистическая партия не только указывала народу правильный путь в антифашистской борьбе, но и была единственной партией, которая никогда не отказывалась от сопротивления. Она понесла в этой борьбе большие жертвы: из четырех с половиной тысяч человек, осужденных фашистским Особым трибуналом, свыше 4 тысяч были коммунисты. Они были приговорены в общем к 25 тысячам лет каторги.

Без упорной борьбы и самопожертвования коммунистов, без их настойчивого стремления осуществить самое широкое единство антифашистских сил была бы невозможна национально-освободительная война (сентябрь 1943 года — апрель 1945 года), в которой боролись за освобождение родины 250 тысяч партизан.

Перелистывая славные страницы истории национально-освободительной войны, вспоминая замечательную победу, демократическое единство, которое она принесла, республику и конституцию, явившиеся ее следствием,

Генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти беседует с руководящими деятелями партии — Луиджи Лонго и Челесте Негарвилле.

трудящиеся и все демократически настроенные итальянцы сегодня не могут не испытывать чувства горечи: надежды на национальное обновление в большей своей части кончились разочарованием. Присутствие англо-американского империализма в Италии оказалось на пользу лишь капиталистическим монополиям и крупным землевладельцам, этой опоре фашизма. Либеральная партия и в особенности партия христианских демократов были использованы для того, чтобы расколоть единство демократических сил. Присоединение Италии к Североатлантическому блоку свело на нет провозглашенные конституцией принципы государственного суверенитета и политики мира. Оскорблением демократических основ конституции явилась и политика дискриминации в отношении итальянцев, разделяющих прогрессивные взгляды.

Все эти годы отмечены застоем в экономической жизни страны, углублением социальных противоречий. Масса постоянных безработных превышает 2 миллиона человек.

Влияние и авторитет Итальянской коммунистической партии в широких массах росли с каждым годом, несмотря на злобствование реакции. На выборах в июне 1946 года компартия получила около четырех с половиной миллионов голосов, а в июне 1953 года 6 миллионов 120 тысяч 809 итальянцев отдали ей свои избирательные бюллетени. Демократический фронт коммунистической и социалистической партий и их союзников увеличил число голосов с 8 миллионов в апреле 1948 года почти до 10 миллионов на последних выборах в 1953 году. Усилия американского империализма, христианско-демократической партии, монополистов, аграриев и Ватикана кончились провалом.

В истекшем году, который предшествовал 35-летнему юбилею нашей партии, преследования коммунистов и всех демократов не ослабевали. Репрессии на заводах, преследования кооперативных обществ трудящихся, выселение местных органов коммунистической партии и профсоюзов из их помещений, непрерывная грязная кампания клеветы...

Однако уже в начале нового года с новой силой показала себя прочная, неразрывная связь коммунистической партии с самыми широкими массами итальянского народа. В ходе кампании по обмену партийных билетов 65 тысяч трудящихся вновь вступили в ряды партии. Двести тысяч юношей и девушек состоят в рядах итальянской молодежной коммунистической федерации, из них 25 тысяч человек вступили в федерацию впервые. Крупные успехи одержаны во время профсоюзных выборов на заводах Милана, Неаполя и других городов.

Ныне и в среде господствующих классов высказывается мнение, что нельзя продолжать прежнюю политику открытого антикоммунизма на маккартистский манер, что эта политика обречена на провал. Наметившееся смягчение международной напряженности, осуждение всей мировой общественностью политики «с позиции силы», рост движения сторонников мира — все это не могло не повлиять на банкротство старой, реакционной политики в Италии. Однако, хотя политика де Гаспери и Шельбы провалилась, пока трудно заметить какой-либо новый курс.

Начавшийся новый год выдвигает на арену итальянской политической жизни проблему сдвига влево, новые соотношения политических сил. Сдвиг влево означает: уважение конституции, политику мира и независимости, начало проведения наиболее неотложных социальных реформ.

Из 35-летнего опыта борьбы своей партии, из примера и опыта Советского Союза, из растущей мощи всего социалистического лагеря коммунисты Италии черпают непоколебимую уверенность в том, что политика мира, демократии и социализма победит.

Рим.

Участники совещания беседуют с М. Шолоховым. Слева направо: поэт М. Ефимов (Якутия), прозаик Г. Ходжер (Хабаровский край), драматург Ф. Алиева (Дагестан), Михаил Шолохов, поэтесса А. Тарасова (Москва), критик В. Поп (Закарпатье).

Фото Я. Рюмкина.

СОВЕЩАНИЕ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

16 января в Москве закончило свою работу III Всесоюзное совещание молодых писателей. В нем приняли участие 356 молодых прозаиков, поэтов, драматургов, критиков—представители свыше 50 национальностей Советского Союза. На семинарах, в работе которых приняли активное участие А. Сурков, Л. Леонов, В. Катаев, С. Васильев, Ф. Панферов, Л. Соболев, П. Нилин, Б. Галин, С. Смирнов, С. Антонов, Л. Кассиль и другие писатели, разбирались произведения молодых литераторов. Молодых писателей приветствовал Михаил Шолохов. С заключительным словом на совещании выступил первый секретарь правления Союза писателей СССР А. Сурков.

А. Сурков с молодыми писателями из Донбасса. Слева направо: А. Сурков, прозаик Г. Володин, поэт Н. Анциферов и детский писатель А. Чепижный.

В редакции журнала «Огонек» состоялась встреча с участниками III Всесоюзного совещания молодых писателей. В ней приняли участие В. Мазаев (Сталинск), И. Лавров (Чита), В. Логинов (Краснодар), Н. Воронов (Магнитогорск), М. Ганина (Москва), А. Пасенюк (Краснодар), А. Володин (Ленинград), М. Рощин (Камышин), С. Никитин (Владимир), П. Реутский (Иркутск), В. Понизовский (Нукус), Г. Бакланов (Москва), Вл. Черкасов (Шахты), В. Комиссаров (Липецк), П. Карякин (Омск), В. Коновалов (Сочи), Б. Анашенков (Москва), Р. Тухватуллин (Татарская АССР), Г. Падерин (Новосибирск), Ст. Мелешин (Свердловск).

На снимке: молодые писатели в редакции журнала «Огонек» беседуют с редактором отдела литературы писателем Т. Семушкиным.

Фото А. Гостева.

Юбилей художника

В залах Академии художеств СССР. Слева направо: писатель Л. М. Леонов, народный художник РСФСР С. В. Герасимов, народный художник Киргизской ССР С. А. Чуйков.

Фото Г. Санько.

Юбилейная выставка произведений народного художника РСФСР Сергея Герасимова привлекает большое число любителей живописи. И это не случайно. Выставка лишний раз убеждает в большом и разностороннем таланте этого замечательного художника-реалиста. Он автор исторических картин, портретов, пейзажей, акварельных зарисовок, книжных иллюстраций.

Во всех его произведениях одна, всеодолевающая черта — правда жизни. В этом убеждает нынешнее собрание его картин в залах Академии художеств СССР. Здесь мы видим «Восстание Пугачева» и полотно, рисующее борьбу крестьян в революции 1905 года. Патриотична и глубока по смыслу картина «Мать партизана». Великолепны зарисовки, сделанные художником в Узбекистане.

Но особое место в творчестве Сергея Герасимова занимает пейзажная живопись. Художник — певец природы средней полосы России. Выросший на окраине маленького Можайска, он с детства полюбил и нежный цвет березовой листвы весной, и кудрявость ивы, и мягкий колорит зеленеющих полей, на горизонте которых темной полоской тянутся леса. Сергей Васильевич Герасимов тонко понимает природу, ее колорит, чистый, прозрачный ее свет. В пейзажах сказывается богатая палитра художника, чувствуется поэтическое восприятие им жизни.

Особое впечатление оставляют «Ива цветет», «Снова весна», «Начало весны», «Цветет сирень», «Зима» и некоторые другие. Они написаны мастерски.

Кто-то из посетителей выставки, глядя на пейзажи, сказал:

— Картины Герасимова поют...

Нельзя умолчать об иллюстративной деятельности художника. Каждая из его работ — к романам «Дело Артамоновых» и «Капитанская дочка», к драме «Гроза» — самостоятельное художественное произведение, рисующее правдивые картины русской жизни.

Ученик С. Иванова и К. Коровина, Сергей Герасимов сложными путями пришел к реалистическому искусству. Об этом говорит выставка, посвященная семидесятилетию со дня его рождения и полувековой его творческой деятельности.

М. М.

Девяностолетний ученый

Герой Социалистического Труда М. А. Шателен в кабинете за работой.

Фото М. Лаврухина.

На Выборгской стороне, в тихом живописном уголке среди высоких сосен, стоит «первый профессорский дом» ленинградского Политехнического института имени М. И. Калинина. Из различных городов Советского Союза и зарубежных стран в эти дни идет сюда поток телеграмм, писем, приветственных адресов. В этом доме живет старейший русский ученый, заслуженный деятель науки и техники РСФСР и Узбекской ССР, член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии, доктор технических наук Михаил Андреевич Шателен. Ученые, инженеры, строители гидроэлектростанций, студенты сердечно поздравляют девяностолетнего ученого с присвоением ему почетного звания Героя Социалистического Труда.

Кипучая жизнь М. А. Шателена неразрывно связана с крупнейшими высшими учебными заведениями. В конце прошлого века им была создана первая в стране кафедра и лаборатория электротехники. Он был тогда первым в России профессором электротехники. Но в 1901 году М. А. Шателена по приказу министра внутренних дел увольняют «за проявление сочувствия к революционно-демократически настроенному студенчеству».

В дальнейшем ученый активно участвует в создании Политехнического института, чтобы инженерные кадры готовились на широкой практической основе.

Когда свершилась Великая Октябрьская революция, профессора Шателена избрали первым советским ректором института. В годы Советской власти ученый проявляет кипучую энергию: он создает первую в стране высоковольтную лабораторию, лабораторию по исследованию молний, оснащает новейшей техникой лабораторию общей электротехники.

Сочетая научную работу с общественной, Михаил Андреевич участвует в комиссии по составлению ленинского плана электрификации страны — ГОЭЛРО. Взволнованно вспоминает ученый о своих встречах с Владимиром Ильичем Лениным, который живо интересовался успехами ученых. Шателен входит в наблюдательный комитет за стройкой Волховской ГЭС, участвует в комиссии по приемке Днепрогэса. Имя одного из пионеров электрификации страны, М. А. Шателена, становится известно не только в нашей стране, но и за рубежом. Ученый принимает участие в международных конгрессах, съездах, конференциях.

Сейчас девяностолетний ученый руководит ленинградской лабораторией Энергетического института имени Г. М. Кржижановского Академии наук СССР и кафедрой общей электротехники в Политехническом институте имени М. И. Калинина. В кабинете ученого на столе лежит объемистая книга. Это новый большой труд М. А. Шателена «Русские электротехники XIX века», только что вышедший из печати. Автор посвятил его студентам ленинградского Политехнического института имени М. И. Калинина, в котором он работает пятьдесят пять лет.

К. ЧЕРЕВКОВ

Здесь будет поселок Мирный

Евгений РЯБЧИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Девять дней продолжались рекогносцировочные полеты над побережьем заснеженной Антарктиды в секторе, отведенном для работы советской научной экспедиции. Частые бури прерывали полеты, задерживали наземные партии. Тогда приходилось терпеливо ждать погоды, чтобы возобновить обследование берегов. Взору открывались повсюду мрачные картины хаотического нагромождения льдов. В мглистом море хмуро сияли айсберги, на берегах поднимались обледенелые купола, за которыми лежали такие же угрюмые вершины. Думалось, природа сделала все, чтобы сюда не пришел человек.

Действительно, как штурмовать ледяной барьер, если к нему нет никаких подходов, на пути зияют глубоченные трещины? Как плыть кораблю, если стеной поднимаются ледяные горы? Как садиться самолету, если все искорежено ледниками, разбито, вздыблено?..

Но вот на запад от бухты Депо, за ледником Елены, были замечены в районе острова Хасуэлла темнокоричневые выходы материка. Для изучения на месте не раз летали туда на биплане летчика А. А. Каша начальник экспедиции М. М. Сомов, И. И. Черевичный, И. А. Ман, научные консультанты экспедиции.

После многократного обследования приглянувшегося района, вечером 13 января, состоялось заседание Ученого совета экспедиции. Председательствовал М. М. Сомов. Пришли к выводу: найденный участок является лучшим — там есть земля. Но условия для работы авиации чрезвычайно сложны, опасны подходы для кораблей.

На следующий день в намеченный район был выброшен «полярный десант». Мы летели над хаосом льдов вздыбленного ледника Елены. Под крылом проплывали «зубы дракона» — так прозвали отвесные ледяные скалы, чередующиеся с глубокими трещинами. Море было усеяно айсбергами. Каждый, поглядывая в самолетное окошко, думал: как же пройдет среди этого скопления ледяных гор «Обь»?..

Но вот среди неожиданно выросших скал показалась белая ложбина. Летчик Каш круто развернул самолет. Черная тень скользнула по слепящим снегам. Толчок — открыта дверца, мы около темнобурых скал. Каждый спешит потрогать камни, убедиться, что это настоящий материк, а не валуны.

Начальник поселка Мирный Харитон Иванович Грецку надевает темные очки, ходит среди камней, указывает, где нужно ставить палатки. Затем начинается выбор площадки для поселка. В снег забивают колышки, по льду и камням тянут стальную ленту. На бумаге появляются наброски плана Мирного — вытянутая параллельно бухте центральная улица длиной примерно сто семьдесят метров, с двусторонней застройкой, место для электрической станции, для радиоцентра. В это же время устанавливают антенну, налаживают связь с кораблем и с базой. Начальник транспорта экспедиции М. С. Комаров выбирает место для гаража, мастерских, складов, ищет удобную дорогу через трещины, уже прикидывает, где будут работать тракторы. Тем временем летчик Алексей Каш доставляет с флагманского корабля все новых людей. С каждым часом становится оживленнее на скалах. Уже разместились геодезисты, на ледяном припае гидрологи определяют глубины для встречи корабля.

Закончив установку палаток, мы пошли вместе с партией под руководством Андрея Федоровича Пинежанинова на прибрежный припай. Мы перевалили через скалу, вышли на снежную толщу, стали спускаться по заливу. Вдруг налетела стая черных птиц, молча, без крика, они бросились на нас. Пришлось отбиваться чем попало. Только отогнали стервятников — путь преградила широкая трещина; перекинули лыжи, держась друг за друга, заглянули в бездну. Там на большой глубине словно раскидали синьку, а вблизи все было нежноголубое. Разбежавшись, перепрыгиваем через трещину, а тут вторая, затем третья. Находим удобный спуск, выбираемся на лед. Вскоре припай покрывается множеством лунок, в которых гидрологи определяют глубины. Оказывается, большие глубины чередуются с подводными скалами, делающими район крайне опасным для плавания. Со всех островов стаями бегут к нам пингвины. Они так торопятся, что падают. Наблюдают за нами и ленивые пятнистые морские леопарды, и морские львы, и ко всему равнодушные тюлени.

Совсем рядом с бухтой, на скале, названной Огонек, колоссальный птичий базар. Мы забираемся на камни, и нам кажется, что находимся в фантастическом лесу. Здесь тысячи черно-белых пингвинов. Вот он, заповедный край, неведомый людям!

Наступает вечер. Солнце коснулось обледенелого купола. Все стало сиреневым. Никогда в жизни не приходилось видеть столь удивительного света. Только заполнился окружающий мир сиреневыми красками, как вспыхнули алые, а затем зеленые, голубые краски...

Коротка летняя ночь. Солнце уже взошло, взору открылась поразительная картина. В зеленом море выросли алые айсберги, потом они стали золотыми, белыми, слепяще-серебряными. Широкая полоса приближалась от горизонта к бухте и охватила птичьи базары острова. Все вокруг заискрилось брильянтами, вспыхнуло, запламенело. Среди ярко освещенных айсбергов показался корабль. Бинокль приблизил знакомые надстройки, мачту, трубу с голубой лентой.

Капитан Ман вместе со всем экипажем снова блеснул высоким мастерством: выполняя сложные маневры среди айсбергов, он осторожно, сопровождаемый промерным катером, провел судно среди подводных скал, ввел его в Зеленую бухту и таранным ударом направил корабль в ледяное поле. Льды затрещали, вздыбились. Литой форштевень дробил поля, мял, крушил, резал лед, отбрасывал прочь со своего пути. Вот уже «Обь» рядом. Мы бежим по льду, поднимаемся по отвесному штормтрапу палубы и оттуда смотрим на берег. Вот оно, место, где вырастет южно-полярная обсерватория Мирный, где взовьется советский красный флаг.

На лед вышли строители, спустили трактор, прокладывают дорогу, засыпают трещины, наводят мосты. Всем давно хотелось скорее приняться за стройку, и этот день пришел.

Когда вы будете читать эти строки, уже поднимутся первые дома Мирного, уже прозвучит салют в честь советского поселка, его обитателей. То, что было мечтой, станет явью.

ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ

А. СОФРОНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Я никогда в жизни не писал детективных произведений. И совсем не потому, что не любил этот жанр. Как и все мальчишки, я увлекался в детстве похождениями Шерлока Холмса и читал пестрые выпуски, повествующие о Нате Пинкертоне.

Но я не могу сказать, что не сталкивался никогда в жизни с детективами. Напротив. Находясь в 1954 году в Англии и путешествуя по стране, я неоднократно был сопровождаем полицейскими детективами, следовавшими обычно за нашей машиной на коротком расстоянии. Если шофер-англичанин сбивался с дороги и сворачивал не в тот переулок, с сопровождающей машины слышались резкие гудки. Мы останавливались. Высунувшись из машины, детектив махал рукой, показывая верное направление. Однажды мы разговорились, и детектив спросил, нет ли у нас советских почтовых марок. Он оказался филателистом. Мы записали адрес и честно прислали ему марки. Все-таки культурное развлечение. Но это было в Англии. Более близко мы столкнулись с детективами в Америке, а еще точнее — в городе Сан-Франциско.

Как и всякая детективная история, рассказ требует планомерного развития. Началось все в столице штата Калифорния городе Сакраменто. Наше пребывание в нем было кратковременным. Приехав вечером автобусом, мы переночевали, а в полдень должны были улететь в Сан-Франциско. Наутро была запланирована встреча с губернатором штата мистером Найтом.

До встречи мы решили погулять по городу. Ярко светило солнце. Перед гостиницей «Сенатор», в которой мы остановились, рабочие прокладывали дорогу. Ползая на коленях, они деревянными щитками приглаживали цементный раствор.

Возле одного из магазинов, привязанная к столбику автомата-счетчика, поставленного для взимания мзды за стоянку автомашины, сидела понурая собачонка с длинными ушами.

На улицах было почти пустынно. Тишина стояла даже в круглосуточно работающих игорных домах и варьете, на витринах которых для приманки красовались фотографии обнаженных женщин. Словом, город имел абсолютно солидный американский вид.

Мы шли по улице, рассматривая витрины и редких прохожих, совершенно не рассчитывая на то, что эти прохожие с любопытством рассматривают нас. И вдруг к нам подошел с газетой в руках пожилой человек и спросил:

— Russian?

— Yes, yes [1],— отвечали мы.

Прохожий показал нам газету «Сакраменто Би», в которой был напечатан снимок, сделанный накануне, в момент нашего появления в гостинице «Сенатор».

Американец ласково улыбался, пожимал нам руки и говорил:

— Very good! [2]

[1] — Русские? — Да, да.
[2] Очень хорошо.

Известно, что человеческому тщеславию нет предела. Попрощавшись с незнакомым человеком, сердечно приветствовавшим наш приезд, мы немедленно закупили газету «Сакраменто Би» по числу личностей, изображенных на снимке, и отправились в гостиницу на встречу с губернатором. Но нас ждало разочарование. Мистер Найт срочно вылетел в Сан-Франциско на похороны своего друга. Нам ничего не оставалось, как только выразить свое соболезнование губернатору. Сделали мы это через пресс-секретаря губернатора, пришедшего в гостиницу с извинениями. У нас оказалось свободное время. Мы занялись чтением газеты, чтобы составить какое-либо представление о Сакраменто.

«Удушения, пожары, взрывы являются обвинением старым постановлениям о прокладке трубопроводов в зданиях». Под таким заголовком была напечатана статья некоего Эрнеста Кокса. В ней сообщалось о том, что: 1. Семья из пяти человек погибла от удушья из-за плохой вытяжки в печи. 2. Дом сгорел дотла, так как не было сделано пожарных кранов. 3. Пожар в бакалейном магазине был почти потушен, но неожиданно ужасный взрыв разрушил здание. Взорвался аммиак в холодильнике. Пожарные не могли найти кран, чтобы выпустить аммиак и предотвратить взрыв. 4. Лаборатория обнаружила загрязнение питьевой воды, потому что из соседнего плавательного бассейна часть воды поступала обратно в водопроводную сеть: в бассейне не было каналов, перекрывающих обратный ток воды...

Статья кончалась оптимистически. Под шапкой «За лучшее будущее» сообщалось, что «главный строительный инспектор округа Уильям Дж. Хесс и инспектор по надзору за прокладкой труб Рональд Дейл работают над новым постановлением в течение 10 месяцев».

Подивившись оперативности сакраментских коммунальников, мы перевернули страницу.

«Девушки в общежитиях орегонского университета окатили мужчин-налетчиков водой».

Эта заметка носила уже почти юмористический характер: около 200 студентов вчера вечером совершили налет на женское общежитие. Но двери оказались запертыми. Женщины, как сообщает газета, «с ликованием выливали на мужчин из окон верхних этажей ведра воды. В одной из комнат девушки пустили в действие садовый шланг».

Как сообщил несколько позже декан университета, «мужчинам удалось проникнуть внутрь одного здания, но они не прошли дальше лестничной клетки. Появились сотрудники, и мужчины убежали».

— Этот эпизод, по-моему, заслуживает кисти художника. Я представляю себе что-то вроде картины «Похищение сабинянок»... Но, конечно, на современный американский лад,— сказал Виктор Полторацкий, перелистывая страницу, и вдруг воскликнул:— Еще одно!

— Что?

— Убийство! — Полторацкий указал на жирный заголовок, перерезавший страницу, и передал газету Валентину Бережкову.

«Лесоруб сообщил, что он видел труп в автомашине Аббота».

— А кто такой Аббот?

— Тут разные сообщения. Написано, что он студент Калифорнийского университета.

— Калифорнийского университета?! — удивился Аджубей. — По-моему, он должен заниматься совсем другим!

— Можешь передать ему свое мнение, когда мы будем в Калифорнийском университете, — спокойно резюмировал Бережков. — Впрочем, здесь есть некоторые подробности. Слушайте: «Аббот, 27 лет, обвиняется в похищении и убийстве 14-летней Стефани Брайан из Беркли...» — Бережков остановился на мгновение. — Обратите внимание: это город, где расположен Калифорнийский университет...

— Читай, читай...

— Ну, здесь уже подробности...

— Нас как раз подробности и интересуют.

— Пожалуйста... «Хейтман встретил Аббота на узкой дороге в Бигам, к западу от Ред Блафф, в 14 милях к востоку от хижины Аббота в округе Тринити, приблизительно в 10 часов утра 29 апреля. Аббот был вынужден съехать на обочину и пропустить тяжело нагруженный лесовозный грузовик Хейтмана, так что у Хейтмана было достаточно времени выглянуть из кабины и увидеть лежащую на заднем сиденье девочку, полузакрытую одеялом. Он думал, что она спит, но его поразило то, что Аббот глядел прямо перед собой, судорожно вцепившись руками в баранку, вместо того, чтобы помахать рукой или приветствовать, как это принято на узких горных дорогах». Вот и все, друзья мои, — сказал Бережков.

— Долго расследуют. Преступление совершено в апреле, а только в конце октября зацапали этого Аббота, — произнес задумчиво Грибачев. — Шерлока Холмса бы сюда... Он бы навел порядок!

— Шерлоку Холмсу было бы очень трудно. Он бы не справился с порученной ему работой, — загадочно улыбаясь, произнес Борис Изаков.

— Это почему же?

— Слишком много работы. Сам начальник ФБР господин Гувер сообщил в печати, что за этот год в Соединенных Штатах Америки совершено более двух миллионов тяжелых уголовных преступлений. Займитесь статистикой... Если в Америке, включая младенцев, сто шестьдесят шесть миллионов жителей... Подсчитайте, на сколько человек падает одно тяжелое уголовное преступление...

— Что же, это очень легкая задача. Ее можно включить в учебник Шапошникова и Вальцева, — сказал Аджубей.

В это время в комнату вошел Фрэнк Клукхон.

— Господа, пора ехать на аэродром.

Через четверть часа мы прибыли в аэропорт. Самолет запаздывал. В синем небе, невидимые для глаза, носились реактивные самолеты, оставляя белые хвосты. Наши знания американского быта пополнялись. Мы бросили в автомат по одному центу, и каждый получил по две жевательные разноцветные резинки. Обеспечив себя таким образом питанием на время полета, мы через тридцать минут, перелетев реку Сакраменто, коричневые горы и белые цистерны и увидев с высоты голубеющий в дымке Тихий океан, приземлились на аэродроме в Сан-Франциско. Одна из газет отчет о нашем прибытии в Сан-Франциско начала так: «Из самолета высыпалось семеро русских, похожих на дружную футбольную команду, загоняющую мяч в ворота противника».

Нам, конечно, было очень лестно, что репортер сравнил нас с футбольной командой, это свидетельствовало о нашей молодости. Но остальное было все неточно. Ни футбольных, никаких других ворот не было. Самолет посадили специально, чтобы скрыть нас от публики, в дальний угол аэродрома. Особых противников мы тоже не заметили. Встречали нас президент сан-францисского клуба прессы, несколько фоторепортеров, работник госдепартамента Эдмунд Глен, сопровождавший нас из Нью-Йорка, но отправившийся из города Солт-Лайк-Сити для подготовки нашей встречи в Сан-Франциско. Были еще какие-то два плотных высоких человека в легких серых костюмах. Кто они такие, мы узнали несколько позже.

Так и не увидев здания сан-францисского аэропорта, мы отправились в город. Фрэнк Клукхон предупредил:

— До гостиницы сорок пять минут езды.

— Очень хорошо, больше увидим.

Мимо нас замелькали дома. Маленькие, сельского типа. Многие из них — с облезшей краской, дырявыми крышами. Здесь же шло интенсивное строительство коттеджей.

— Кто же строит дома?

— Частные компании, имеющие землю. Дома эти они потом продают.

На некоторых участках зданий еще не было, но уже асфальтировались дороги и тротуары. Скоро строительные участки остались позади. Дорога пошла в гору. Заголубела вода. Перед нами открылась сан-францисская бухта с перекинутым через пролив большим мостом. Мы вышли из машины. Остановились на краю крутого обрыва. По заливу в легкой дымке шел белый пароходик.

— Это знаменитый мост Золотые ворота, — сказал Клукхон.

— Мы, конечно, сумеем прокатиться по нему? — обратились мы к Эдмунду Глену.

— Нет, господа, к сожалению, вам нельзя.

— Почему?

Глен с притворным сожалением вздохнул:

— Для вас есть ограничения...

— Ограничения? Ну, что ж... Тогда покатаемся на катере по заливу.

— И это нельзя...

— А что же льзя?

— Все остальное...

— Недалеко от Сан-Франциско есть Лунная долина, место, где жил и писал Джек Лондон.

— К сожалению...

Мы посмотрели на Глена. Он улыбался.

— Поедемте, господа. Вас ждут корреспонденты в гостинице.

Мы снова сели в машины. Проехали красивый парк с искусственными озерами. По воде плавали утки и чайки. На берегу одного из озер сидели мальчики с удочками в руках.

Среди автоматически вертящихся поливочных приспособлений, которые разбрызгивали радужно сверкающую под солнцем воду, бегали ребятишки, играя в ловитки. Возле японской чайной, окруженной карликовыми деревьями, стояло десятка два военных японских моряков.

Кончились зеленые дорожки парка. Мы въехали в город.

Сан-Франциско расположен на крутых холмах. Машина то словно падала вниз, то казалось, что она оторвется передними колесами от мостовой и опрокинется. Посреди улицы бежали маленькие открытые трамвайчики фуникулерного типа. Бросался в глаза разнобой в архитектуре. Кварталы современной, конструктивистской архитектуры сменялись зданиями с узкими дверьми и небольшими колоннами, какие можно встретить в Лондоне. Промелькнула увитая плющом, сложенная из серого камня часовня, и показалось, что машина едет кварталами Парижа. Удивляло на фоне многоэтажных каменных зданий обилие небольших деревянных домов. Как нам объяснили, дома эти построены после землетрясения 1906 года, сильно разрушившего город.

В шумной и многолюдной гостинице «Сен-Френсис», в специально отведенной для таких процедур комнате, нас действительно ожидали репортеры. Встретили они нас как-то испуганно. Среди них, как пастух среди стада, ходил Эдмунд Глен, обогнавший нас по пути в город. Началась пресс-конференция. Корреспондентка одной из газет, с ярко накрашенными губами, вертела в руках какую-то бумагу, все время заглядывая в нее. И вдруг, обращаясь к Валентину Бережкову, она спросила:

— Из этой бумаги я вижу, что вы настроены антиамерикански?

Как сообщил потом корреспондент газеты «Сан-Франциско экзамайнер»: «Семь пар бровей удивленно приподнялись». Пресс-конференция прервалась. Борис Изаков, обратившись к корреспондентам, сказал:

— Разрешите посмотреть этот документ.

Растерявшаяся женщина протянула бумагу.

— О, да здесь целый ряд открытий! — воскликнул Изаков.

Возле каждой из наших фамилий была краткая характеристика. Изаков и Бережков были зачислены в антиамериканцы, Грибачев — в выдающиеся деятели партии, остальные еще куда-то, около моей фамилии значилось: «Автор раскритикованной пьесы». Вот какая осведомленность! Изаков вернул бумагу корреспондентке. Сидевший позади журналистов Фрэнк Клукхон, бросив гневный взгляд на Глена, как тигр, метнулся и выхватил бумагу из рук совсем растерявшейся журналистки.

— Откуда это? Откуда это? — закричал он. Журналистка выронила изо рта перепачканную губной помадой сигарету. Клукхон, обратившись к нам, нервно проговорил, пряча злополучную бумагу в карман:

— Господа, я заверяю вас, что никто из лиц, связанных с государственным департаментом Соединенных Штатов, не издавал никаких заявлений или биографических заметок, объявляющих кого-либо из группы гостей антиамерикански настроенным. Прошу мне поверить.

Мы, конечно, поверили. Пресс-конференция продолжалась. Уже позже в номер к Борису Полевому зашел Клукхон.

— Я надеюсь, господа, вы не обратили внимания на этот досадный эпизод?

— Конечно, нет.

— Забудем его?

— Забудем.

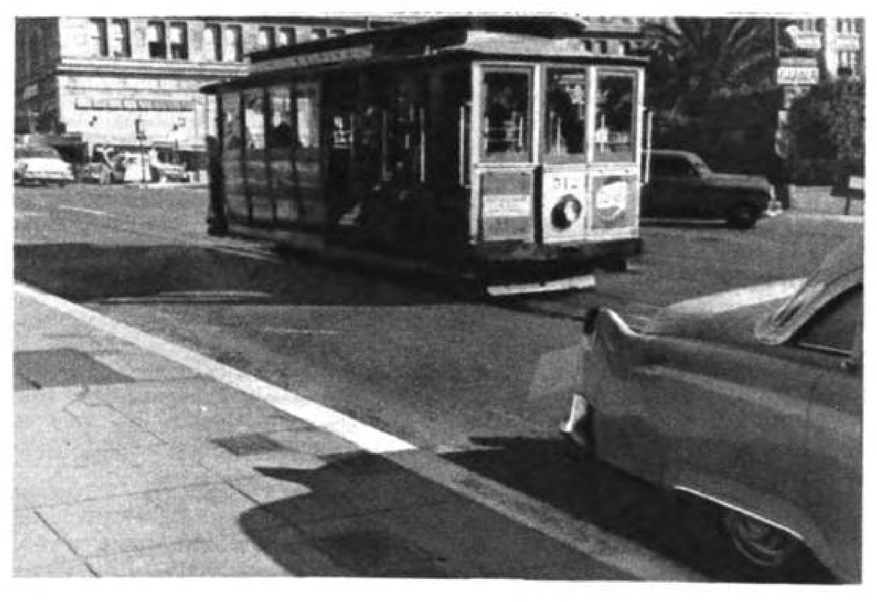
Клукхон вытащил бумагу из кармана, показал ее нам, разорвал на мелкие части и бросил в корзину.

На другой день все в той же газете «Сан-Франциско экзамайнер» под заголовком **«Веселые советские журналисты проведут пять дней в Сан-Франциско»** сообщалось, что «среди трех листов «фактических материалов» (кавычки автора заметки Вильяма Маккея), сшитых вместе, которые были посланы из приемного центра госдепартамента, помещающегося в правительственном здании Сан-Франциско, находилась копия биографий, изданных «Экзамайнером» и содержащая ссылку на «антиамериканизм» гостей».

Неизвестно по какой причине, готовивший нам встречу Эдмунд Глен, сославшись на болезнь, почти не бывал с нами в Сан-Франциско и дальше нас не сопровождал. Встретились мы с ним снова уже на обратном пути, в Вашингтоне.

Но в Сан-Франциско мы не остались одни.

Прохладным вечером, возвращаясь в гостиницу с обеда, устроенного в честь нашей делегации журналистами в «Пресс энд Юнион Лиг-клубе», мы обратили внимание на то, что нас сопровожда-

Трамвай в Сан-Франциско.

Лос-Анжелос. Детский городок кинорежиссера Диснея. Пароход «Марк Твен». Такие пароходы ходили в прошлом веке по Миссисипи.

Фото А. Софронова.

Вид на Сан-Франциско.

Сан-Франциско. Острый разговор.

Лос-Анжелос. Американская семья на прогулке в детском городке Диснея.

Одна из улиц Сан-Франциско.

Лос-Анжелос. Советские журналисты в детском городке Диснея беседуют с индейцами.

У Тихого океана.

ют два высоких, плотных человека. Присмотревшись, мы узнали их. Это были те самые люди, которых мы видели среди толпы фоторепортеров на аэродроме.

— Слушайте, уж не от Аббота ли они нас оберегают? — возмутился Виктор Полторацкий.

— Чудак,— сказал Николай Грибачев,— ты должен быть горд. Тебя сопровождает охрана.

— Или меня от кого-то охраняют, или кого-то от меня охраняют. В этом надо разобраться.

Что бы там ни было, но с этого момента, куда бы мы ни направлялись — пешком или машиной,— два детектива, Большой Том и его напарник, всегда сопровождали нас. Вместе с ними мы приехали и в торговую палату. Беседовал с нами генеральный управляющий палатой Г. Л. Фокс. Это был человек с резким, скрипучим голосом, в очках с золотой оправой.

— Я уроженец штата Калифорния,— неизвестно для чего начал он рассказывать свою биографию.— В моей крови есть частицы немецкой и французской крови и немного шотландского виски...

Мистер Фокс был явно в хорошем настроении. Он подробно излагал нам структуру торговой палаты, принципы ее деятельности. Он привел цифры роста активов тридцати крупных корпораций, находящихся в Сан-Франциско: с 26,5 миллиарда долларов в 1953 году активы возросли до 28,6 миллиарда долларов в 1954 году. Говоря о различных сторонах деятельности торговой палаты, мистер Фокс вскользь упомянул о том, что не отрегулированы отношения между сельскохозяйственными рабочими — батраками, и фермерами.

— А в чем именно не отрегулированы эти отношения? — спросили мы.

— Ну, там они о чем-то никак не могут договориться между собой,— небрежно ответил он.

— А о чем именно? — допытывались мы.

— Не найдут общего языка.

— А в чем, в чем?

— В чем? Ну, по-разному смотрят на заработную плату...

— Но как по-разному?

Мистеру Фоксу надоели наши вопросы. Так и не ответив, он, как говорится, пошел дальше.

Да, сложно отвечать лидерам торговых палат, когда дело касается резких противоречий между миллиардными прибылями крупных корпораций и заработной платой батраков и различных категорий рабочих. Либо надо не «замечать» этих противоречий, либо изобретать какие-либо термины — фиговые листки,— вроде «народного капитализма», предложенного недавно заместителем руководителя информационного агентства США Уошбэрном, выступившим с речью в клубе «Бедного Ричарда» в Филадельфии и пытавшимся доказать, что американский капитализм — «это не тот капитализм, о котором говорил Маркс». Мистер Фокс, не обладающий, как видно, ни терпением, ни изворотливостью Уошбэрна, решил просто пропустить наши вопросы мимо ушей. Он легко соскользнул на проблемы внутригородского транспорта и долго говорил об улицах с односторонним движением, о размерах автомобильных стоянок и о системе оттаскивания машин с недозволенных мест.

— У нас поздно попадают продукты на рынки. К рынкам трудно добраться. Они находятся в беспорядке, антисанитарны.

Тут Фокс остановился, поняв, видимо, что снова «заехал не туда». Он вздохнул и сказал, выручая престиж Сан-Франциско:

— Это не только у нас... Это является несчастьем сорока с лишним других американских городов.

Детективы ждали нас на улице. Поощрительно подмигнув нам и пересчитав нас указательным пальцем правой руки, Большой Том пошел чуть впереди, держась ближе к мостовой. Его напарник, высокий голубоглазый парень, пошел за нами. Так мы и шествовали по улицам Сан-Франциско, рассматривая этот город.

Улицы в Сан-Франциско живут шумно. Многие жители города — уроженцы Южной Америки, Италии, Испании, Японии.

Мы проходили Филиппинский квартал. В ящике для мусора рылся какой-то человек. Скрюченными руками он достал недокуренную сигарету, закурил и вороватo оглянулся по сторонам. На углу, покачиваясь, с окровавленным лицом и безумными глазами стоял, держась за столб, оборванец. В этих кварталах немало всяких злачных мест, где продают наркотики, курят опиум.

Здесь же вы можете встретить различные ресторанчики, в частности итальянские, где подают знаменитое итальянское блюдо «пицца» и красное сухое вино кьянти.

На углу, возле кирпичного дома, повитого плющом, собралось несколько женщин. Одна из них, в роговых очках, держала в левой руке маленькое черное евангелие. Другая, в темносиней, похожей на берет шляпке, ехидно улыбаясь, что-то говорила такое, отчего женщина с евангелием вытягивала шею, словно гусыня, и шипела от ярости. О чем шел спор, установить было трудно, но одно казалось ясным: встретились давнишние противницы, и у них шел «острый разговор».

Большой Том, остановившийся на мгновение с нами, пожал плечами: дескать, женщины, что с них взять!

Через несколько кварталов мы услышали резкие звуки духовых инструментов. Возле одного из магазинов расположился небольшой оркестр. Музыканты были в шотландских юбках. Вокруг толпилось несколько человек, шныряли мальчишки.

— В чем дело? — спросили мы Клукхона.

— Магазин справляет какую-то годовщину. Попутно зазывает покупателей.

— И успешно?

— А вы загляните.

В магазине было пусто.

Мы сели в машины и поехали к берегу Тихого океана. Океан накатывал волну за волной на песок. Возле самой воды старый, согбенный годами человек в высоких рыбачьих сапогах разматывал рыболовные снасти. Мы подошли к нему.

— Что ловится здесь?

Не поднимая головы, старик ответил:

— Морской окунь, иногда попадается лосось.

— Хорошо ловится в такой прибой?

— Прилично.

— Знаете ли, кто мы?

Старик поднял на нас глаза.

— Нет.

— Мы советские журналисты. Приехали познакомиться с вашим городом.

— Что же, это хорошо.— Старик продолжал разматывать снасть.

— Нам бы хотелось знать вашу фамилию.

— Пожалуйста... Вильям Эллен.

— И профессию...

Эллен положил спиннинг на стоящий рядом раскладной стульчик.

— Я корабельный инженер... Отслужил тридцать пять лет... Сейчас на пенсии.

— Что вы слышали о Советском Союзе?

Эллен, прищурив глаза, смотрел на нас. Откуда мы появились на берегу Тихого океана? Стоит ли с нами вступать в разговор? Потом он решился.

— Я мало знаю о Советском Союзе... Мне не удалось доплыть до него.

— Как доплыть?

Эллен покачал головой.

— Во время войны я в качестве корабельного инженера плыл к Мурманску на транспорте с оружием. Но транспорт наш был торпедирован немецкой подводной лодкой и затонул. Сорок пять моряков и солдат погибли... Я и еще семь человек спаслись на шлюпке...

Вот действительно неожиданность! Мы подошли к этому человеку потому, что в руках у него увидели спиннинг. И вдруг такая судьба!

— Что же вы думаете о войне и мире, мистер Эллен?

Старый инженер посмотрел на нас.

— Что же тут думать? Хватит с нас двух войн. Я предпочитаю это оружие,— он указал на спиннинг,— всякому другому.

Мы пожелали бывшему корабельному инженеру, нашему случайному знакомому, старому рыбаку Вильяму Эллену хорошего улова и доброго здоровья.

— И вам также,— сказал Эллен.

Мы оставили старика с его спиннингом. Отойдя немного, обернувшись, мы увидели, как старик размахнулся и бросил в волну снасть. В эту минуту для него уже больше ничего не существовало.

Чуть в стороне, на мокром песке, глядя на бегущие к берегу океанские валы, стояли юноша и девушка. Они смотрели вдаль, словно ожидая появления чего-то нового, необычного.

...До сих пор детективы держались от нас на почтительном расстоянии. Возможно, все осталось бы и дальше так, если бы не футбол.

В субботний день мы отправились на стадион Стенфордского университета. Перед футболом заехали в ресторан позавтракать. Вокруг сновали фоторепортеры, выжидая момента, когда кто-нибудь из нас окажется в смешной позе.

Отмахиваясь от них, как от надоедливых мух, оглядываясь всякий раз перед тем, как положить кусок в рот, мы питались пресной американской пищей. И вдруг к нам подошла незнакомая женщина с букетом цветов. Разыскав глазами Бориса Полевого, она подала ему букет.

— Примите от жителей Сан-Франциско.

Полевой поднялся и принял букет.

— Почему вы приехали без жен? — спросила она.

— Сначала решили проверить, как примут нас.

Женщина оглядела стол, за которым мы сидели.

— Мы очень рады вашему приезду. Извините, не буду мешать завтраку.— И отошла от столика.

С места поднялся Фрэнк Клукхон. Он подошел к Полевому.

— Зачем эта демонстрация?

— Какая?

— Ну, вот эти цветы.

— Но ведь не мы подносили цветы...— ответил Полевой, раздавая каждому из нас белые гвоздики.

— Это может повредить вам же... Скажут, что вы вызываете симпатии...

— Симпатии всегда лучше антипатий.

Вильям Эллен, бывший корабельный инженер.

— Как для кого.

Клукхон казался растерянным. Опять неприятность! Если в гостинице эта размалеванная журналистка, сама того не подозревая, и открыла грубую проделку с нашими характеристиками, то сейчас эти цветы...

Завтрак кончился, мы отправились на стадион. Детективы шли рядом, зорко следя, не потерялись ли мы в густой толпе.

Большой стенфордский стадион оказался незаполненным. Играли команды университетов «Стенфорд» и «Сан Хосе стейт».

Мы расположились на верхних скамьях одной из трибун, рядом с ложей прессы. Мы раньше много слышали об американском футболе, но никогда еще не видели его собственными глазами. Что же это такое, американский футбол?

Оказавшийся рядом с нами Большой Том давал пояснения:

— Играют по одиннадцать человек. Начинают игру броском руки. Мяч, как видите, похож на дыню... Мяч нужно пронести за черту, наиболее близко расположенную к воротам противника. За это записывается шесть очков. Если еще ударом ноги забивается мяч в ворота, прибавляется одно очко...

Как и каждую игру, теоретически, с одного объяснения, воспринять трудно. Начался матч. Здесь уже объяснений не требовалось. Команды становились друг против друга, касаясь двумя руками земли. Центральный нападающий перебрасывал мяч своему игроку. Начиналась свалка. Игроки хватали друг друга за ноги, за туловище. Валили игрока с мячом на землю, прыгали на него. На траве образовывалось то, что у нас называется «куча мала». Раздавался свисток судьи, игроки становились в позицию, летел мяч — и начиналась новая свалка. Время от времени менялись игроки. Время от времени на поле появлялись носилки...

Стадион ревел. Сторонники «Стенфорда» сидели на противоположной трибуне. На нашей трибуне сидели «болельщики» команды «Сан Хосе стейт». Им приходилось солоно. «Стенфорд» выигрывал. Детективы сияли. Они были за «Стенфорд». Скинув пиджаки, забыв про нас, они кричали, хлопали в ладоши. Наступил первый перерыв. Загремели оркестры. Большой Том обернулся к нам.

— Нравится? — спросил он.

— Любопытно.

Перед трибунами танцевали девушки в спортивных костюмах. Стенфордские — от радости, сан-хосестейтские,— вдохновляя своих неудачливых игроков.

Нас все время теребили из своей ложи журналисты: нравится ли игра? Они совали нам в руки бутылочки с «кока-кола» и бутерброды,— после сильных переживаний надо подкрепляться, говорили они, уплетая сандвичи за обе щеки.

Начался второй период. Детективы снова забыли о нас...

У каждого, конечно, свои вкусы, свои привязанности. Свой, американский, футбол в Соединенных Штатах очень популярен. Болельщиков много. Газеты и журналы посвящают футболу много страниц. Фамилии популярных игроков у всех на языке... И все же, не желая говорить ничего плохого об американском футболе, могу сказать, что европейский футбол более увлекателен, я бы сказал, артистичен, требует большого мастерства. И у нас, конечно, игроки падают и получают травмы, но это далеко не то, что бывает на американском стадионе, когда на лежащего внизу игрока наваливается сверху добрый десяток других. Игра останавливается, игроки разбираются, где свои, где чужие руки и ноги... Можете представить себе бегущего, как заяц, по окраине поля игрока, прижавшего к груди мяч. За ним мчится противник, он падает, стараясь зацепить бегущего впереди руками за ноги, тот падает, и снова свалка... Ничего не хочу сказать плохого. У каждого свой вкус. Я лично за московскую команду «Динамо».

...Мы ушли со стадиона после второго перерыва, когда счет стал 27 : 0 в пользу команды «Стенфорд». Детективы нехотя покидали насиженные места.

Мы направились в Стенфордский университет. Несколько часов провели, осматривая книжные фонды библиотеки, организованной, как нам сообщили, президентом Гувером. Надо сказать, что интерес ко всему, что выходит на русском языке, здесь большой. На пыльных полках душного книгохранилища можно увидеть и мемуары Деникина и Краснова, и журналы «Аполлон» и «Русская мысль», и номера журналов «Новый мир» и «Октябрь» за 1955 год...

Обед был устроен в «Придорожном трактире», хозяином которого был подвижной полный человек, происходивший из Швейцарии, Рики. Ресторан — полутемный, освещаемый свечами, стоящими на столах. На стенах много картин. Здание, как нам сказал Рики, построено целиком из красного дерева. Впрочем, последнее не столь удивительно — в Калифорнии красное дерево растет в изобилии. Большое количество картин, скульптур и дорогих безделушек в ресторане объяснялось еще и тем, что картины и драгоценности не облагаются налогом. Подсевший к нашему столику Рики сказал:

— Послезавтра вылетаю в Вену. Там можно кое-что купить из картин, не очень дорого... Вообще, если поискать, в Европе можно еще найти некоторые ценные вещи...

Невидимый нам пианист играл на электророяле вальс из «Лебединого озера». Пообещав нам на десерт какое-то особое блюдо, называемое «швейцарский поцелуй», Рики ушел.

А за столом неожиданно разгорелся спор. Еще в Стенфордском университете к нам пристроился некий молодой субъект, назвавшийся адвокатом, изучающим русский язык. Еще там, во время беседы, он настойчиво задавал нам вопросы о свободе печати, критике и самокритике в Советском Союзе. Каким образом он попал к нам за стол, неизвестно. Детективы, коим было положено охранять нас от посторонних, и глазом не моргнули, когда этот адвокат оказался с нами. Вначале беседа шла довольно мирно. Адвокат, которому было 28 лет, коротко поведал свою биографию: в 1933 году его отец, коммерсант, вынужден был со всей семьей, спасаясь от Гитлера, эмигрировать во Францию. В 1939 году он переехал из Франции в Америку, где данный молодой человек и получил образование. Сомневаясь во всех наших ответах и отвергая их, адвокат вдруг сказал:

— И вообще, мы считаем, что строй у вас следовало бы изменить.

— Кто это «мы»? — впился в адвоката Николай Грибачев.

— Ну, мы, здесь, в Америке.

И вдруг перед носом адвоката появилась известная комбинация из трех пальцев.

— Что это? — спросил адвокат.

У стадиона Стенфорд. В центре — один из детективов, сопровождавших советских журналистов.

— Шиш! — сказал Алексей Аджубей, покраснев от ярости и не убирая руки.— Шиш!

— Но это не способ вести спор,— заерзал на месте адвокат.

— Способ! И передайте вашим знакомым, пусть они введут в программу изучения России и эту фигуру!

Детективы безмолвствовали.

Так мы и жили в Сан-Франциско, посещая заводы, редакции журналов и газет и ковбойские игры, на которых чилийские скотоводы ломают себе хребты. Город жил своей жизнью. Горели рестораны, и, спасая их, обгорали пожарные. Сержанты военно-воздушных сил симулировали самоубийство, бросаясь в воду с моста Золотые ворота, и приговаривались к тюремному заключению за дезертирство. Бандиты грабили таверны. Устраивались художественные выставки. Газеты удивляли нас сообщениями о разводах: «Сегодня Честер Рэй Гиллиганд подал заявление о разводе с 74-летней богатой наследницей, которая в прошлом году швырнула 30 тысяч долларов на званый вечер, где он был представлен в качестве ее нового мужа. Гиллиганд, нефтепромышленник в Лос-Анжелосе и Палм Спрингсе, обвиняет Эльсионару Махрис Гиллиганд в жестокости и требует половину ее 15-миллионного состояния».

Однажды Клукхон объявил:

— Господа, сегодня мы едем в Калифорнийский университет. Только у нас есть просьба. На территории университета держаться вместе, не сворачивать в переулки, не заходить в дома,— напутствовал нас Клукхон.

Мы вышли из отеля «Сен-Френсис». На этот раз детективы поехали впереди нас. Сидевший с нами в машине Клукхон нервно курил сигарету за сигаретой. Мы молчали, поддавшись странной настороженности, распространяемой нашими провожатыми.

Калифорнийский университет расположен рядом с Сан-Франциско — в Беркли. Открыт он в 1860 году. Учится в нем 15 тысяч студентов. Здесь одна из лучших университетских библиотек в Америке. Многие студенты являются членами студенческого общества «Калифорнийские воспитанники». При университете есть богатый ботанический сад и лекционное общество, ставящее себе задачи: «Помочь мужчинам и женщинам повысить свою квалификацию, повысить их чувство гражданского долга и помочь путем интеллектуального развития в их стремлении к более приятной жизни».

Принимали нас на кафедре русского языка и литературы. Первым мероприятием был ленч. Всех нас усадили за длинный, узкий стол, во главе которого сидел вице-канцлер Калифорнийского университета мистер Дэвис. Он приветствовал нашу делегацию. Борис Полевой произнес ответное слово. Завтрак начался.

Рядом со мной оказался еще не старый человек, назвавшийся профессором Ледницким.

— Знаете ли вы академика Виноградова? — спросил он меня.

— Да, конечно.

— Передайте ему от меня привет. Мы с ним несколько раз встречались. Последний раз в 1955 году в Риме. Я неоднократно пользовался его работами. Цитировал его... Я, видите ли, славяновед, пушкинист. Скоро выйдет моя монография о «Медном всаднике». Сейчас под моей редакцией вышла книга «Мицкевич в мировой литературе». В 46-м году я выпустил книгу «Очерк о прозе Пушкина».— Ледницкий на мгновение замолчал, потом снова обратился ко мне: — А скажите, профессор Тимофеев вам знаком?

— Знаком... А что?

Ледницкий вздохнул:

— Хоть бы вы ему передали — почему он, как только коснется моих трудов, говорит, что я «представитель лживого буржуазного литературоведения», «лжеученый» и всякие такие слова... Можно же вести серьезный научный разговор без таких политических обертонов.

— Я не знаю ваших работ, господин Ледницкий...

— Я могу вам прислать.

Напротив меня сидел профессор Масленников.

— Изучается ли у вас Александр Блок? — спросил он меня.

— Еще бы! Один из любимых у нас поэтов.

— Странно...

— Почему странно?

— У вас любят Блока? Не могу понять.

— Вы, вероятно, пользуетесь неточной информацией, господин Масленников.

— Возможно, возможно... А с Брюсовым как у вас?

— И с Брюсовым хорошо у нас.

— Да, а я вот Брюсова не люблю... Моя любовь — Андрей Белый. А у вас как с ним?

— Меньше поэт — меньше знают.

— Да-а, да-а,— проговорил Масленников, и пелена грусти легла на его глаза.

У меня собеседники оказались тихие... У Полевого сосед был другой — Глеб Струве. Надо сказать, что матушка-природа добилась в его образе полного единства формы и содержания. Сморщенное лицо, почти прикрытые глаза, улыбка, открывающая в оскале желтые зубы. Что-то жабье было в лице Струве. Он читал в Калифорнийском университете современную советскую литературу. Сидя с Полевым, он все время бубнил ему о том, что он очень не любит советскую литературу. Полевой терпеливо, с вежливой улыбкой слушал Струве, а затем не вытерпел и сказал:

— Вы понимаете в советской литературе так же, как евнух в женщинах.

Позже Полевой говорил нам, что вместо «евнух» он произнес какое-то другое слово... Какое именно, он не вспомнил, но Струве замолчал. На другой день в интервью, данном одной из сан-францисских газет, Струве заявил, что «остался неудовлетворенным ответами Полевого на его, Глеба Струве, вопросы».

Нам показали отделение журналистики, библиотеку, читальню, стадион, на каменной стене которого была прикреплена мемориальная доска с надписью: «Памяти калифорнийцев, отдавших свою жизнь в 1914—18 годах». Стадион был большой, но только с футбольным полем. Сопровождавший нас юноша-спортсмен сказал:

— Это тот самый стадион, где наша команда была разбита шесть раз подряд.

На лифте мы поднялись на стометровую колокольню. Большие и малые колокола звонят три раза в день. Здесь же под колоколами пюпитр для нот, какие-то деревянные ручки и педали — довольно сложное сооружение. Девушка-студентка сказала нам:

— Вы знаете, в прошлом году наши студенты загнали на самый верх колокольни зайца и зазвонили. Заяц забился на самый верх, и его никак не могли оттуда снять.

Мы долго бродили по территории университета, встречая одиноких студентов, но ни с кем из них не беседовали. Проходя мимо большой открытой комнаты, в которой шумно разговаривало несколько десятков юношей и девушек, мы спросили:

— А что здесь помещается?

— Редакция студенческой газеты.

Мы посмотрели друг на друга: зайдем? И шагнули через порог. Шум сразу прекратился. Несколько десятков глаз устремилось на нас. Мы попросили представить нас студентам. Все придвинулись к нам. В центре оказалась розовощекая, в очках девушка в красной полосатой кофте.

— Это редактор газеты Алис Болен,— сказал сопровождавший нас студент.

Алис Болен протянула нам руку. Она была очень серьезна. Кто-то из нас сказал:

— Первый раз вижу такого очаровательного редактора.

Алис Болен покраснела:

— Мне, конечно, приятно это слышать, но прошу вас так не шутить.

Все засмеялись, и это явилось как бы сигналом к тому, чтобы студенты окружили нас тесным кругом и засыпали вопросами. Наши провожатые нервничали. Это был первый и последний наш разговор со студентами Америки.

Клукхон настаивал:

— Пора, господа. Пора, вас ждут преподаватели.

Мы попрощались. Тогда русоголовый юноша что-то шепнул своим соседям, они повернулись к нам, юноша махнул рукой, и мы услышали:

— До-сви-да-ни-я!

Обернувшись у порога, мы сказали:

— Гуд бай!

Когда после короткой беседы с преподавателями отделения журналистики, на которой снова оказался в качестве переводчика Глеб Струве, мы вышли на улицу, первыми, кого мы увидели, были два детектива. Они тревожно оглядывались по сторонам. Со мной поровнялся переводчик Чихачев. Я спросил его:

— Что это вы все сегодня такие тревожные?

Чихачев ответил:

— Только доверительно... Видите ли, по имеющимся у нас сведениям, здесь существует троцкистская группировка... На вас готовилось покушение... Но, кажется, его не будет.

— Спасибо,— сказал я Чихачеву.

Мы сели в машины. Было ли это все разыграно для того, чтобы нас сковать во время посещения университета, или и в самом деле что-то «готовилось», для нас осталось неизвестным.

Впереди нас мчались детективы. Над сан-францисским заливом догорал красный закат.

— Друзья,— вдруг прервал молчание Полторацкий.— А ведь мы так ничего и не узнали об Абботе?

— О каком Абботе?

— Ну, этом... как его... Помните, мы читали в Сакраменто... убийце, одним словом?..

— А зачем он тебе? — удивился Грибачев.

— Все-таки всегда интересно знать, как кончаются всякие такие происшествия,— задумчиво сказал Полторацкий, стряхивая пепел с сигареты.

— А ты Струве видел? — коротко спросил Аджубей.

— А при чем здесь Струве?

— Аббот убил одну школьницу. И это еще надо доказывать... А Струве ежедневно отравляет десятки девушек и юношей. Ты видел, среди них есть хорошие ребята. Но ты не знаешь, какими выйдут они после лекций господина Струве.

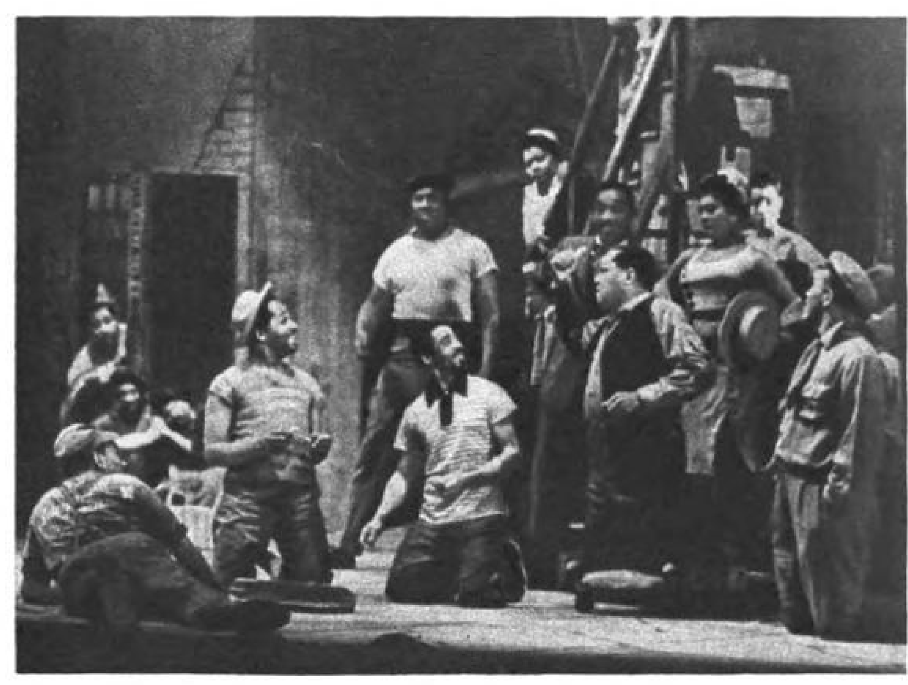
— Алеша, а ведь это не лишено основания.

— Младенец твой Аббот по сравнению со Струве! — заключил Аджубей.

Машины подъехали к отелю. Мы вышли на тротуар. Около подъезда уже стояли Большой Том и его товарищи. Большой Том указательным пальцем правой руки сосчитал нас. Все семеро были налицо. Детектив дружески подмигнул нам. Трудовой день у него кончился.

...Вот, собственно, и вся детективная история. И если в ней нет динамически развертывающегося действия и стремительного сюжета, то это только потому, что я никогда не писал детективных произведений.

«ПОРГИ и БЕСС»

Сцена из спектакля «Порги и Бесс».
Фото Е. Тиханова.

В Ленинграде и в Москве проходили гастроли американской труппы «Эвримен-опера». Артисты-негры показали на советской сцене музыкальную драму Джорджа Гершвина «Порги и Бесс». Это — выдающееся произведение американской музыки. Действие происходит в небольшом портовом городе одного из Южных штатов. Грузчики, рыбаки, мелкие уличные торговцы, нищие — герои этого спектакля. Основу музыкальной драматургии «Порги и Бесс» составляют народные негритянские мелодии.

Зрители тепло принимали эту интересную постановку.

Г-жа Юбанкс — учительница. Она занимается с юными артистами «Эвримен-опера» в поездках по разным странам. На снимке: Гэйл и Джордж учат географию.

На репетиции спектакля «Порги и Бесс». Репетицию проводит художественный руководитель Роберт Брин.

Артисты побывали в гостях у московских писателей. Гости смотрят сценку, показанную им Сергеем Образцовым.

Милая фрекен и господский дом

Повесть

Халлдор ЛАКСНЕСС

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Naturam Expellas Furca... [1]

Время шло. Раннвейг миновал уже тридцать седьмой год. Как мы уже знаем, она приобрела большую известность своим рукоделием и пользовалась всеобщим уважением. После беды, которая стряслась с Раннвейг, прошло семь лет, и все ее знакомые говорили, что она глубоко спрятала и вечно будет хранить в своей груди любовь, давшую ей радость материнства и превратившую во мрак самый светлый день ее жизни. Говорили, что она после магистра Богелуна никого больше не полюбит, что это в память о нем она так добра ко всем, к людям и животным. Для людей она как бы стала символом страдания, которое несет с собой любовь; потерянное счастье превращается в мечту, которой суждено осуществиться лишь в потусторонней жизни. Все относились к ней с уважением, и в глазах многих молодых людей она была воплощением неприступности.

Нет ничего удивительного в том, что, когда до жителей поселка дошли новые слухи, которые опрокидывали вверх дном их представления о фрекен Раннвейг, укоренявшиеся из года в год, они пришли в ужас. Неужто люди сразу поверили слухам и их вера в фрекен Раннвейг поколебалась? Нет, конечно, но слух продолжал распространяться, ползти, сначала исподтишка, а затем все более настойчиво. «Она носит кого-то под сердцем. Слышали вы что-нибудь подобное? И вольно же людям болтать такой вздор! Правда, фрекен Раннвейг за последнее время пополнела в талии, но всем известно, что это результат сидячей работы. Если подолгу неподвижно сидеть за работой, то неизбежно раздашься в бедрах». Все в поселке могли засвидетельствовать, что за все эти годы имя Раннвейг не упоминалось в связи с именем какого-либо мужчины. Не было и намека на поклонника. Если, конечно, не считать тех воображаемых женихов, которые, быть может, виделись ей при гадании на кофейной гуще. Но кто поверит, что она могла пополнеть от такой забавы? Уж не от святого ли духа? Ну и люди! Да полно выдумывать! В поселке днем и ночью обсуждалось это непонятное явление. Дни и ночи превращались в месяцы, и развитие событий положило конец всяким сомнениям. Дочь пробста, фрекен Раннвейг, была беременна.

Таковы капризы природы. Каждому известно, что стоило фрекен Раннвейг поманить пальцем любого жениха, и он был бы к ее услугам. Но она была так далека от этого, она всецело ушла в свое рукоделие. И даже если предположить, что Раннвейг была из тех девиц, которые жаждут легкомысленных забав, у нее не было никаких к тому возможностей. Стоило появиться малейшему поводу к подозрению, как мать и старшая сестра тотчас подсылали к ней компаньонку, сторожившую каждый ее шаг. И все же природа сыграла шутку над тщательно охраняемым целомудрием фрекен Раннвейг и над ее компаньонкой.

Когда начинают доискиваться до причин таких явлений, оказывается, что народная молва на чем-нибудь да основана. Подтверждается старинная поговорка: нет дыма без огня. Теперь вспомнили, что однажды осенью видели какого-то мужчину, пробиравшегося от овечьего загона пробста к берегу. С ним была женщина. Они промелькнули в ночи, как тени. Их видели несколько раз. Некоторые уверяли, что это был столяр Андрес. Но никому не удалось узнать женщину. Она была закутана в шаль. Об этом случае вскоре забыли. Но теперь в поселке ходили нелепые слухи. Мало того, что фрекен была беременна, оказалось к тому же, что виновником был не кто иной, как столяр Андрес.

Ни из дома пробста, ни из господского дома долго не поступало официальных сообщений по этому поводу. Обитатели их держались особняком, говорили, что жена пробста тяжко болела всю зиму и ей даже запретили нюхать табак. В начале декабря школа рукоделия закрылась по той причине, что фрекен Раннвейг приходилось ухаживать за больной матерью. Жена управляющего тоже прихварывала, она безвыходно сидела в комнате и виделась только с экономкой. Одни говорили, будто она страдает от каких-то внутренних недугов. Другие утверждали, что ее болезнь не что иное, как приступы истерии. Она плачет и сокрушается над своей судьбой.

Плохое здоровье, душевное расстройство скрываются за четырьмя стенами. Это часто бывает в тех домах, где стены особенно крепки и добротны. А внешне все обстоит благополучно. Рыбацкий сезон начался во-время, треску безжалостно вытаскивают на борт, все идет в Ейвике своим чередом.

Тут нам придется рассказать о молодом моряке Гисли Гислассоне с островов. Этот парень, человек без роду и племени, по внешности был довольно приятен, любил петь, умел играть на фисгармонии, был более отесанным и причастным к культуре, чем другие моряки. Он пользовался успехом у женщин. Многие считали, что он ошибся в выборе жизненного пути. Этот молодой человек и раньше нанимался рыбачить к пробсту. И вот сейчас, в самый разгар лова, его вызвали к проб-

[1] Гони природу в дверь... (лат.).

Окончание. См. «Огонек» №№ 2, 3.

сту, и пробст поведал ему, что управляющий просил его найти приказчика для фактории. Пробст сказал, что музыкальное дарование молодого человека и прочие таланты дают ему право рекомендовать Гисли Гисласcона на это место, на более высокую ступень общественной лестницы.

Не удивительно, что молодой человек воспринял это известие с неописуемой радостью. Но он пришел в еще больший восторг, когда пробст предложил Гисли поселиться в его доме и даже обещал оборудовать для него комнату внизу. До сих пор Гисли приходилось ютиться в крошечной каморке у родственников, а в дни лова делить кровать еще с двумя рыбаками.

Лов этого сезона был вполне обычный. Он не принес фактории новых забот, и никто не мог понять, к чему понадобился управляющему еще один служащий в магазине. До сих пор приказчик Ханс вполне справлялся с обслуживанием покупателей, а в те бойкие дни весной и осенью, когда съезжались крестьяне, ему помогал бухгалтер. Нет ничего удивительного в том, что Ханс с некоторым удивлением смотрел на нового пришельца, который, как ему казалось, посягал на его исключительное право царить за прилавком. Еще большее удивление вызвали слухи, будто Гисли поселили в мастерской, где прежде работала дочь пробста,— в комнате, выходившей в коридор. Надо сказать, что дочь пробста не могла попасть в свою спальню, не пройдя через эту комнату.

Не много понадобилось времени, чтобы еще одна весть облетела весь поселок: Гисли Гисласcон — будущий зять пробста и отец ребенка, которого ждет Раннвейг. Всем сразу стала ясна причина неожиданной головокружительной карьеры Гисли Гисласcона. И вмиг все сплетни о столяре Андресе и Раннвейг были объявлены чистейшей выдумкой. А того, кто выслушивал подобную ложь, не опровергая или даже распространяя ее, клеймили как подлейшего сплетника. А когда сам Андрес как-то в пьяном виде двусмысленно высказывался по этому поводу, один моряк подбил ему глаз. Моряк служил на одной из лодок пробста и защищал честь дочери хозяина.

На сей раз господа в Ейвике взялись за дело с еще большей энергией, чем обычно. Обручальные кольца были заказаны у ювелира в Адельвике, о помолвке было объявлено в марте месяце за чашкой шоколада в присутствии бухгалтера и его жены. Здоровье старой фру настолько поправилось, что она уже спускалась в гостиную и даже понемногу нюхала табак. А вот жена управляющего при помолвке не присутствовала. На следующее воскресенье обрученные под руку прогуливались по поселку. Мужчины, попадавшиеся на пути, раскланивались с ними, а женщины выходили из своих хижин, чтобы поцеловать дочь пробста. Молодые выглядели счастливыми, и все были рады. Понемногу здоровье двух дам настолько улучшилось, что они не только стали появляться в комнате и в кухне, но их часто встречали на пути между господским домом и домом пробста. Возникли заботы и задачи, о которых надо было посоветоваться.

Венчание было назначено на Иванов день. Сейчас торопились с постройкой дома для молодых. Разумеется, им полагалось иметь свой собственный дом неподалеку от господского, по ту сторону выгона, у той самой калитки, которая выходила на дорогу. Расстояние между ними было так незначительно, что обитатели двух домов могли переговариваться друг с другом. Можно подумать, что это строительство было на руку столяру Андресу, который со всем семейством с начала рождества жил на иждивении прихода. Что могла дать ему незначительная работа по починке лодок к сезону? В один прекрасный день прибыл пароход со строительными материалами. Пароход привез двух квалифицированных работников с севера — они-то и должны были строить дом. А как же Андрес?

— О, обо мне не беспокойтесь!— многозначительно прищуривая глаз, по своему обыкновению весело смеясь, отвечал Андрес.— Дела мои не так уж плохи.

И действительно, как-то в мае все его дети получили новенькие, с иголочки, костюмчики, жена — пальто, и Андрес со всем своим многочисленным семейством сел на пароход и покинул здешние места. Это напоминало великое переселение народов. Перед отъездом он поджег свою жалкую лачугу. Всем известно, что он поселился в Виннипеге и через двадцать лет стал богачом. Его иначе и не величали, как строитель Андресон.

И вот началось строительство. В эти солнечные весенние дни стук молотков слышен был на далекое расстояние. Он доносился через море до самых островов. Каждый вечер жених и невеста подходили к дому посмотреть, что сделано за день. И не успели они оглянуться, как дом уже был под крышей и над ним развевался флаг.

Мир чудесен.

Не зря мы упомянули о том, что стук молотков доносился через море до островов. Хотите знать, почему? Так слушайте, что произошло незадолго до Иванова дня. Пробст сидел в кабинете и обдумывал речь, которую он произнесет на свадьбе. Нелегкое дело—составить такую речь после всего, что было. И надо же случиться, чтоб именно в это время его вздумали побеспокоить. Ему доложили, что кто-то пришел и непременно хочет видеть его.

— Кто б это мог быть?— спрашивает пробст.

— Молодая девушка с островов. Она говорит, что должна обязательно поговорить с вами.

— Скажи ей, что мне сегодня некогда. Я занят срочными служебными делами. Пусть придет в другой раз...

Но девушка не уходила. Служанка вновь вошла в кабинет пробста и доложила ему, что посетительница уселась в кухне и не хочет уходить. Ей, видно, нездоровится.

— Нездоровится? Тут уж я ничем не могу помочь. У меня есть свои неотложные дела. Угостите-ка ее чашкой кофе, да пусть обратится к доктору.

Но девушка не уходила.

— Ну, ладно, ладно, пусть уж войдет,— сказал пробст.

Девушку впустили.

— Что тяготит твою душу, дитя мое? — спросил пробст и взглянул на девушку.

Он тотчас узнал ее: ведь он знал наперечет всех своих прихожан. Он конфирмировал ее. Сейчас ей должно быть уже двадцать. У ее отца, по прозвищу «Плодовитый», было шестнадцать человек детей. Эта семья жила в нужде и бедности. Отца два раза обвиняли в воровстве, а дети росли, как дворняги. Каждый пробивался в жизни, как мог. И вот девушка врывается к пробсту в то время, как он занимается сложнейшими деловыми вопросами. Беспокоит его по пустякам. Правда, она уже на сносях, видно, бедняжка унаследовала плодовитость своего рода. Девушка сидела неподвижно и упрямо молчала. Пробст начал терять терпение.

— Что это значит, дитя мое? Чего ты хочешь? Кто прислал тебя? Как случилось, что ты так располнела? Уж не одурачил ли тебя кто, дочь моя?

— Я знаю только одно, что мне придется скоро рожать. Господин пробст, наверное, это заметил, это видно без очков. Роды будут после Иванова дня.

— Скажи мне, пожалуйста, при чем тут я, дитя мое? Надеюсь, это не беспорочное зачатие?

— Беспорочное! Нет, черт возьми, конечно, нет!

— Кто же отец?

— Кто же иной, как не Гисли?— выпалила девушка.

— Какой Гисли?

— Этот проклятый органист, Гисли Гисласcон,— сказала девушка.— Хотя он меня теперь и знать не хочет. Но он собирается породниться с господами. А меня вот прогнали с места. Где же мне рожать? Не на свежем же воздухе, как овце? Может быть, прикажете мне травой питаться? У меня нет другого выхода, и я пришла к вам. И хотя дочь пробста тоже беременна, я могу поклясться всеми святыми, что Гисли тут ни при чем. Я хочу спросить вас — вы меня обучали катехизису,— по-христиански ли это: отбить у меня этого проклятого негодяя? У меня нет собственного угла, мне не к кому податься, а у дочери пробста есть квартира, есть господский дом и к тому же родные.

Красноречие непрошенной гостьи не осталось втуне. Спешно созвали совет, и всеми участниками было принято решение: без предупреждения изгнать Гисли Гисласcона из магазина и из дома пробста. Молодой человек был так ошарашен, что без всякого сопротивления согласился обвенчаться с дочерью

«Плодовитого» и отправиться с женой на острова с мешком ржаной муки, ящиком сахара и фисгармонией (одной из тех, которыми торговал управляющий) в возмещение понесенных убытков. Господа в Ейвике в случае необходимости действовали решительно. Только спустя два года молодой человек сообразил, что произошло в тот вечер, и тогда, покинув жену, уехал в Рейкьявик совершенствоваться в игре на фисгармонии.

Полная идиллия

Вы вправе спросить, что же случилось с дочерью пробста. Разве новый дом, построенный по другую сторону владений управляющего, пустует? Неужели, несмотря на все, она родила второго внебрачного ребенка?

Ни то, ни другое. Дом не пустует, ребенок фрекен Раннвейг отнюдь не явился на свет незаконнорожденным. Ничего непристойного не могло произойти в этой семье. Почему же? Да потому, что господа в Ейвике — благородные люди, самые благородные люди в этой части страны.

Хотя фрекен не вышла замуж за предполагаемого жениха, все же в назначенное время она вышла замуж. Долго ли девушке и мужчине найти друг друга? Правда, партия была не из завидных. Но если покопаться в прошлом, то жених происходил из хорошего рода, один из его предков был пастор, да и сам он получил образование, хотя и отличался большой скромностью. У него была во всех отношениях незапятнанная репутация, а в наше время это чего-нибудь да стоит. Итак, избранником явился приказчик Ханс.

Союз был скреплен в Иванов день в кабинете пробста. Кроме молодых и жены пробста, на бракосочетании никто не присутствовал. Жених, одетый в праздничный костюм, выбритый, приглаженный, внимательно прислушивался к словам пробста, исполнявшего ритуал. Он слушал с таким видом, будто улавливал за словами текста скрытые намеки. Рядом стояла невеста, цветущая женщина, воплощение плодородия, напоминающая дерево, которое гнется под тяжестью плодов.

В тот же день они переехали в новый дом, а еще через день Раннвейг родила маленькую Катрин Хансдоттир. Осенью, как и прежде, она вновь стала обучать молодых девушек ткацкому ремеслу, деля время между этим занятием и ребенком. А приказчик Ханс, который четырнадцать лет жил в сарае, оконопаченном смолой, на участке бухгалтера, и в темные осенние ночи заглядывал в окна чужих домов, теперь стал помощником бухгалтера, шурином управляющего, одним из столпов города, хозяином собственного дома, к тому же был женат на самой лучшей невесте в этой части страны.

Не удивительно, что пробст начал проповедовать с амвона смирение, он говорил о робких и униженных, но не теряющих веры, господь бог не забывает их, он их возвышает, ставит очень высоко, он благословляет их потомство, которое прославит имя господне во веки веков. Да славится имя господне!

Нельзя с уверенностью утверждать, что фру Туридур потерпела поражение в жестокой схватке за честь сестры, но в то же время нельзя сказать, что она одержала блестящую победу. Нужно признаться, что, хотя спасение и пришло в последний момент, все же это была вынужденная мера. Родство с приказчиком Хансом как-то снижало престиж дома. Хотя Гисли Гислассон не мог похвастаться своей родословной, все же он был многообещающим молодым человеком, к тому же музыкантом. Когда Гисли Гислассон выпал из игры, жене управляющего тем самым был нанесен жестокий удар. Что же прикажете делать, когда рушатся все планы? Пришлось прибегнуть к крайним мерам. Кипя от злости, Туридур в день свадьбы приказала заколотить калитку, соединяющую дворы сестер. Не ограничившись этим, она велела обнести ее колючей проволокой в знак того, что между ними нет ничего общего. Чтобы попасть из одного дома в другой, приходилось делать большой крюк.

Удалось ли жене управляющего восстановить здоровье после того, как заколотили калитку? Как ни странно, но эта мера не улучшила здоровья Туридур. Она не выходила из спальни, запретила прислуге поднимать занавеси, не выносила яркого света. А что же говорил доктор? Он сказал, что ничто, кроме поездки за границу, не поможет фру. И жена управляющего уехала за границу. Однажды ночью она села на пароход, и в доме управляющего были подняты занавеси.

Болезнь, должно быть, была серьезная, раз Туридур решилась оставить мужа и детей на долгий срок. Никто не знал лучше, чем она сама, что без нее дом напоминал ладью без ветрил. Тотчас после отъезда жены управляющий начал подолгу засиживаться в гостях то у врача, то у хуторян или у священников, а дом все более и более приходил в упадок. Экономка не могла справиться с детьми, а их было немало. Старшей дочери уже исполнилось четырнадцать, следующей — тринадцать, затем шли два мальчика — одиннадцати и девяти лет, и, наконец, еще две девочки — пяти и шести. Все дети, конечно, подавали большие надежды, хотя к книжной премудрости не очень тянулись.

Обе старшие дочки развились очень рано. Их можно было считать взрослыми девушками, хотя они и не были конфирмированы. Обе потеряли интерес к детским играм, предпочитая болтать со взрослыми девицами и мальчишками. К труду их не приучили. Это были упитанные девицы, брызжущие избытком физических сил, а волосы у них так и искрились; в общем, очаровательные девушки. По утрам сестры любили валяться в постели, придумывая веселые развлечения. Они тянули друг друга за пальцы до тех пор, пока не хрустнут суставы. И тогда пальцы почему-то назывались «незаконнорожденные дети». Игра очень нравилась девушкам, но забавлялись они ею только под одеялом, чтобы не заметила мать. Они успели начитаться легких романов. Сестры часто жаловались на нездоровье, и в результате доктор разрешил им посещать школу не каждый день.

Да и мальчишки были настоящие сорванцы, мечтавшие управлять лодками деда. Они научились у моряков сквернословить, позаимствовали у них разные крепкие словечки и уснащали ими свою речь. Они всячески увиливали от умывания, считая его посягательством на свободу человека, и уже совсем было невозможно заставить их вытирать ноги при входе в дом.

Мать всегда строго следила за поведением детей, она умела незаметно держать их в узде, особенно девочек. Она рано отправляла их в постель. Она тщательно следила за тем, с кем они дружат, а уж если замечала, что они разговаривают с молодым человеком, тут уж она им спуску не давала! Мать говорила, что такое поведение ничем не отличается от поведения девок, шляющихся по улице с рыбаками. Они не вышли еще из того возраста, когда можно угрожать розгой, хотя жена управляющего уже не отваживалась приводить в исполнение свою угрозу. Ведь «крошка» Гудлауг — старшая дочь — была на голову выше ее ростом. Девочкам строго приказали носить детские платья, хотя они давно уже выросли из них. Поэтому они часто капризничали, все естественные проявления их жизни подавлялись, им приказывали оставаться детьми, а вести себя, как взрослые. Ни шагу ступить самостоятельно! Зато мальчишки были еще малы, и мать великолепно справлялась с ними. Не проходило и дня, чтобы в доме не звенели пощечины. Но парней этим не проймешь, они и не думали плакать, они корчили гримасы вслед удаляющейся матери.

И вдруг Туридур уехала за границу. Дом остался без моральной узды, словно крыша слетела с него. Отныне он стоял незащищенный, доступный всем ветрам. Мальчишки и девчонки приглашали своих знакомых когда вздумается; мало-помалу друзья привыкли приходить и без приглашения. Во всяком случае, через черный ход. Вскоре господский дом превратился в арену самых шумных действий. Отсюда в поселок доносились завывание гармоники и пение, танцы и визг.

А однажды в разгар осеннего лова дом заполонили молодые матросы и девушки. Чтобы выпроводить все это собрание, экономке пришлось разбудить старого пробста и его жену. Не обошлось, конечно, без водки. Некоторые из молодых людей еле держались на ногах, и даже от дочери управляющего разило дьявольским духом. Сам же управляющий засел в конторе с пастором другого прихода и, не зная, как поступить, послал всех к черту. После этого происшествия жена пробста заболела, и теперь некого было звать на помощь, чтобы покончить с этими ночными развлечениями.

Жене же управляющий писал, что в доме господствует идеальный порядок, он просил ее не торопиться с возвращением, пока она не поправится как следует, а старуха-мать не осмеливалась откровенно написать дочери о том, что происходит в ее доме, считая, что правда убьет ее. Она писала, что все здоровы, и то слава богу!

Но как красноречиво эти письма говорили о том, что фру Туридур необходимо вернуться домой без промедления, особенно письма управляющего! Что могло свидетельствовать о его времяпровождении красноречивее, чем просьба не спешить с возвращением? А из письма матери она могла понять — она ведь была женщина с сильно развитой интуицией,— что не все ладно с ее детьми. И что же? Неужто она не поспешила домой, чтобы вновь взять в руки свой дом и все поставить на место? Нет. Она ответила, что ее радует полное благополучие в доме, она надеется, что и впредь будет не хуже. Иными словами, она ничего не поняла.

О себе она писала, что стала понемногу поправляться, из санатория переехала в Копенгаген, но все еще находится под наблюдением врача, а он настоятельно советует ей не возвращаться домой до весны, пока окончательно не окрепнут ее нервы. Да, любезной Туридур было уже за сорок, и предательская старость надвигалась с угрожающей быстротой. Быть может, она нуждалась в свободе, как и остальные в господском доме, в свободе, пока не поздно, хотя бы на годик: ведь живем-то мы один раз!

Итак, зима прошла в игривом веселье для всех. Удивительно, как могут распуститься благовоспитанные дети всего лишь за одну зиму! Девчонки стали на себя не похожи: они носили длинные платья, спали днем и танцевали по ночам, они так попирали христианские устои, что пробст был вынужден отправить их на пасху в деревню, к своему коллеге, на исправление. Но спустя два дня, несмотря на грязь и дурную погоду, они вернулись домой, промокшие до костей. Как же, ведь в поселке должен был состояться бал!

В мае жена управляющего вернулась домой. Она уже не выглядела болезненной, поблекшей. Поразительно, до чего она была хороша! Ее едва можно было узнать. Одета она была по датской моде, на шляпе красная лента. Когда она сошла на берег, дочери посмотрели на нее с большим удивлением. С тех пор она больше никогда не появлялась в этой шляпе. Выразительные глаза фру Туридур смутили многих, когда она проходила мимо, направляясь к дому. А какая величавая походка! Благородная женщина в полном расцвете сил, женщина, которой все дано; от суеты молодости она уже далека, но судьба преклонного возраста еще не коснулась ее. Всем стало ясно, что она вполне восстановила свое здоровье.

В тот же день фру Туридур сняла датское платье, надела исландский костюм и вновь как ни в чем не бывало взяла бразды правления в свои руки. Она действовала с прежней решительностью. Из мебели выколачивали пыль, изгоняли все соринки из дома, даже оттуда, где они незаметно притаились, до блеска начистили серебро, кухонную посуду расставили в строгом порядке на полках. Длинные платья дочерей были подшиты, бахрома снята, мальчишкам велено чистить ботинки перед входом в дом и мыть руки перед едой. Было приказано разгонять ватаги молодых людей, бродивших по вечерам вокруг дома, а дочерям — сидеть и читать пристойные датские романы для молодых девушек, которые мать привезла из Копенгагена.

Спустя две ночи после возвращения матери ее тирания показалась девчонкам нестерпимой. Было решено улизнуть из дома через

окно в полночь, но не тут-то было! Мать была начеку. Она стянула старшую дочь с подоконника и отхлестала, невзирая на ее возраст, по щекам. Но дело не ограничилось пощечинами. От матери так легко не отделаешься. Она прочла им скучнейшую проповедь о моральном облике и силе, а за окном в опьяняющем мраке весенней ночи пели птицы. Она усердно поучала их, и они узнали в эту ночь о многом, начиная от таких ценных человеческих качеств, как приличие и достоинство, до прелюбодеяния и сифилиса. Кончилось тем, что девчонки разревелись, а мать втолкнула их, как связанных ягнят, в комнату и заперла на ключ. Легкомыслие и ветреность основательно выкорчевывались из господского дома.

На второй день после приезда фру Туридур пригласила на чашку кофе несколько достойных дам, выказав им таким образом свое расположение; другим она нанесла короткий визит. Но единственной женщиной, которую она не пригласила и которой не нанесла даже самого короткого визита, была ее сестра, Раннвейг, жена приказчика Ханса. Туридур решила и на будущее лишить сестру своей благосклонности. Но не так легко победить легкомыслие. Не успеешь оглянуться, как легкомыслие, против которого так упорно борешься, водворяется в собственном доме.

Фру Туридур довелось познать справедливость народной мудрости. Легче справиться с сотней блох, нежели с двумя строптивыми девчонками. Постоянно следить за двумя молодыми девушками, которые добивались только свободы, в то время как их заставляли носить детские платья, из которых они давно выросли,— что могло быть мучительнее для нервов, если еще принять во внимание, что жена управляющего была в положении! Она уже давно должна была разродиться, но по причине какой-то странной болезни ее беременность тянулась удивительно долго.

— До чего же быстро развиваются дети в наше время! — говорила жена пробста.— Мои дочери даже в двадцать лет были недостаточно взрослыми для поездки в Рейкьявик. А любопытство какое, какие вопросы они задают! Ну и современная молодежь!

Жена управляющего не видела иного выхода, как отправить своих дочерей в школу для девушек в Рейкьявик, и в середине сентября они уехали. После их отъезда в господском доме и вокруг него воцарились тишина и спокойствие.

Пир у отца богинь

А годы мчались, подобно ночному ветру. Куда деваются свежесть и краски юности? Вдруг просыпаешься утром и обнаруживаешь, что волосы у тебя поседели, щеки поблекли, ямочка на щеке превратилась в морщину.

Так шли годы и в Ейвике. Последней службой, совершенной покойным пробстом, было венчание дочери управляющего Гудлауг с многообещающим юристом из Рейкьявика. Это была торжественная свадьба, но по роскоши она не могла сравниться с той, которую готовили несколько лет тому назад в Ейвике, когда собирались выдать замуж фрекен Раннвейг за магистра Богелуна. Свадьба эта, как вы помните, не состоялась. Спустя неделю после венчания Гудлауг старый пробст умер от разрыва сердца. А на следующую зиму за ним последовала жена. Имущество, немалое по тому времени, было разделено между двумя дочерьми. Незадолго до смерти пробст приобрел две моторные лодки, и теперь каждая дочь унаследовала по лодке.

На похоронах сестры не замечали друг друга, каждая в одиночестве оплакивала общее горе. Раннвейг не была прощена сестрой, хотя она и владела теперь состоянием и Ханс давно не работал в магазине. Для прощения этого недостаточно. Никаким богатством нельзя было смыть позора, которым Раннвейг запятнала честь семьи, забеременев несколько лет назад маленькой Катрин. Поэтому Раннвейг не была вхожа в господский дом и общалась только с бедняками.

Она с каждым годом все больше замыкалась в себе, здоровье ее пошатнулось, она давно перестала обучать девушек рукоделию, часто сидела, склонившись над станком, утомленная, и читала молитвенник, а вскоре и вовсе перестала ткать. Станок стоял заброшенный, покрывшись пылью и паутиной. Она состарилась прежде времени, мало заботилась о своей внешности, осунулась, поседела, лишилась зубов,— словом, мало чем отличалась от простой женщины, родившей на своем веку более десятка детей. О порядке в доме она заботилась мало, и некоторые находили ее странной. Это при ее происхождении! Быть может, она производила такое впечатление оттого, что плохо слышала.

Она была добра ко всем, в том числе и к мужу, но детей у них, кроме маленькой Катрин, не было. Разве она не любила маленькую Катрин Хансдоттир? Она обожала ее. Но она часто плакала над ней. Почему же она плакала? Когда начнешь плакать, то на память приходят одна за другой печальные мысли. Катрин была слабым ребенком. Стоило ей только простудиться, как ее сильно лихорадило, болезнь осложнялась и затягивалась надолго. Врачи говорили, что причина этого болезненного состояния — железки. А весной, когда маленькая Катрин выздоравливала и хотела играть с другими детьми, оказывалось, что те здоровее ее и она не может за ними угнаться. Тогда она ложилась на землю, будто упала и ушиблась, или усаживалась на пень поплакать. А когда ее начинали дразнить, она тоже ударялась в слезы и называла детей злыми; а если она защищалась, то они нападали на нее еще сильнее, и она уходила домой к матери жаловаться на них. Дети вскоре и вовсе не захотели с ней водиться, считая ее плаксой и ябедой.

Близнецы управляющего были примерно одного возраста с Катрин. По непонятной причине их окрестили датскими именами. Мальчика звали Альфред, а девочку Эдит. Очевидно, среди исландских имен не нашлось для них достаточно хороших. Таких красивых детей в этой части страны еще не видели. В один весенний день дети управляющего присоединились к группе ребят, среди которых была и маленькая Катрин Хансдоттир. Немедленно детей управляющего позвали в дом, и в тот день их больше не выпускали. Через несколько дней эта попытка повторилась, и на сей раз мать красивых близнецов задала им изрядную взбучку за то, что они осмелились нарушить ее приказание и играли с Хансдоттир. Жена управляющего не желала, чтобы ее «датские» дети (так прозвали их шутники, разумеется, за их имена) играли с ребенком, который фактически, официально, не существовал.

После этого случая дети управляющего стали прогонять маленькую Катрин, бросая в нее комки грязи и ругая. А так как дети управляющего во всех играх задавали тон, то другие ребята им подражали. Стоило еще вдали появиться маленькой Катрин, как ее шумно атаковали, закидывали комками грязи и кричали: «Ублюдок!». Маленькая Катрин приходила домой в слезах и рассказывала матери о своем несчастье. Мать тоже принималась плакать. Да, маленькая Катрин была очень несчастным ребенком.

Доброй Раннвейг довелось познать неблагодарность; дети тех бедных женщин, которых она больше всего одаривала, называли ее единственное сокровище ублюдком и бросали в нее грязь. И все же Раннвейг не ожесточилась на мир, она только плакала по самым пу-

стым поводам. Часто мать и дочь горько плакали в объятиях друг друга. И вот маленькая Катрин заболела вновь. Мать боялась, что девочка умрет.

Приказчик Ханс уже не работал в магазине. Если он не возился с курами — в хозяйстве их было семь штук,— он лежал в кровати, сплевывал табачную жижу в ночной горшок и читал фельетоны в исландско-американских журналах. Сейчас ему было уже за шестьдесят, он растолстел и обрюзг. Но с тех пор, как Ханс женился на Раннвейг, он избавился от вшей. В первый же год она энергично принялась их выводить, и таким образом она возместила ему однажды обещанное и невыполненное, ведь она забыла купить для него в Копенгагене сабадиловое семя. Ханс был одинаково равнодушен ко всем занятиям, на суше ли, в море ли; в хозяйстве его никогда не было более одной коровы и семи кур. А когда жена получила неожиданное наследство и он стал владельцем моторной лодки, он тут

же продал ее управляющему за баснословно низкую цену.

Управляющий убедил его, что моторные лодки здесь, в Исландии,— чистейшая лотерея. Они портятся и приходят в негодность, а содержать их стоит немалых денег. Он сказал, что такие лодки разорили не одного человека на юге. Если бы на старости лет добрейший пробст не впал в младенчество, он никогда не приобрел бы таких лодок. Приказчик Ханс был весьма рад отделаться от этого механизированного совершенства.

Как же складывалась их супружеская жизнь? Идеально. В доме не было слышно ни единого бранного слова. Вначале, пока Ханс еще работал, он проявлял живой интерес к жене. Он неожиданно приходил домой среди дня, когда Раннвейг меньше всего ждала его, заглядывал сквозь дверную щель в комнату, но если жена была не одна, боялся войти. Обычно он с нетерпением ждал ухода гостя: он не любил гостей. Когда жена выходила из дома, он следовал за ней на расстоянии двадцати шагов, а если она заходила в какой-либо дом, ждал ее на улице, поглядывал на облака, сплевывал. Стоило ей задержаться, как он стучал в дверь и заявлял, что ждет свою жену. С годами гости приходили все реже, да и Раннвейг реже отлучалась из дома.

Приказчик Ханс так и не расстался с привычкой бродить в одиночестве по вечерам. Когда спускались сумерки, он уходил, сказав жене, что идет посмотреть, какова будет погода, а сам, крадучись, пробирался через огороды к изгороди. Он часто возвращался домой грязный, с порванной о проволоку одеждой, в дождь — промокший до костей, а в холод — посиневший от мороза. Бывало, на него нападали собаки, и он приходил искусанным.

Весной, когда маленькой Катрин исполнилось десять лет, она серьезно заболела. Болезнь эта вряд ли была вызвана ее общей слабостью. Что-то неладное случилось у нее с головой. У девочки начались боли в затылке, они все усиливались, и наконец ее уложили в постель. От сильного жара Катрин очень страдала. Мать не отходила от дочери ни днем, ни ночью. И только изредка какая-нибудь услужливая простая женщина сменяла ее у постели. В маленьком городке болезнь — целое событие. Такая новость всегда вносит разнообразие в размеренное течение жизни. При встречах все участливо расспрашивали о самочувствии маленькой Катрин.

Однажды, в тихую весеннюю пору, врач проходил мимо господского дома. В тот день девочка, говорили, потеряла сознание. Жена управляющего выглянула из окна и спросила:

— Как чувствует себя маленькая Катрин Хансдоттир?

Надежды на выздоровление было мало, и врач решил пойти на крайнюю меру — сделать операцию. Послали за повивальной бабкой и за другой женщиной, умевшей ходить за больными. Врач усыпил Катрин и пробил череп за ушком; там оказалась опухоль, давившая на мозг, и ее удалили. Вечером на короткий миг девочка пришла в сознание и посмотрела на мать, а ночью ей стало хуже. Боли усилились, она опять погрузилась в беспамятство. Врач и женщины далеко за полночь сидели над ней, а обессиленная мать уснула. Наконец врач попрощался и попросил женщин зайти к нему утром. Ночь была страшная. Девочка металась в жару. К утру появились судороги. Послали за врачом. Когда он пришел, мать держала ее на коленях. Девочка была мертва. Врач вернулся домой.

Путь его лежал мимо господского дома. В этот ранний утренний час жена управляющего, выглянув из окна, спросила:

— Как чувствует себя сегодня маленькая Катрин Хансдоттир?

— Она умерла,— ответил врач, продолжая свой путь.

Тогда жена управляющего вошла в свою комнату и тщательно нарядилась. Она надела исландский костюм и черную бархатную шляпу с кисточкой. Фигурой она походила на мать; с годами она так же располнела, у нее заметно увеличился живот, каштановые волосы уже были тронуты сединой, но с каждым годом она становилась солидней и почтенней, и где бы она ни появлялась, сразу было видно, что идет настоящая благородная исландская дама.

Туридур послала в контору за мужем, она велела ему надеть визитку, крахмальный воротничок и черный котелок. «Умерла маленькая Катрин Хансдоттир». Затем она велела дворнику открыть калитку, ведущую во двор собственного дома и в дом Раннвейг, и снять заржавевшую колючую проволоку. Накинув черную шелковую шаль, жена управляющего взяла мужа под руку, и они вышли из дома. Они шли рука об руку через светло-зеленый выгон под лучами весеннего солнца, в трауре, молчаливые, чинные.

Приказчик Ханс открыл им дверь. Управляющий оставил шляпу и эбонитовую черную палку с позолоченным набалдашником на столе в передней и нерешительно последовал за женой в спальню. Раннвейг как раз кончила одевать покойную девочку. Она стояла у ее изголовья, заплаканная, убитая горем, когда на пороге появилась сестра, внушительная и важная.

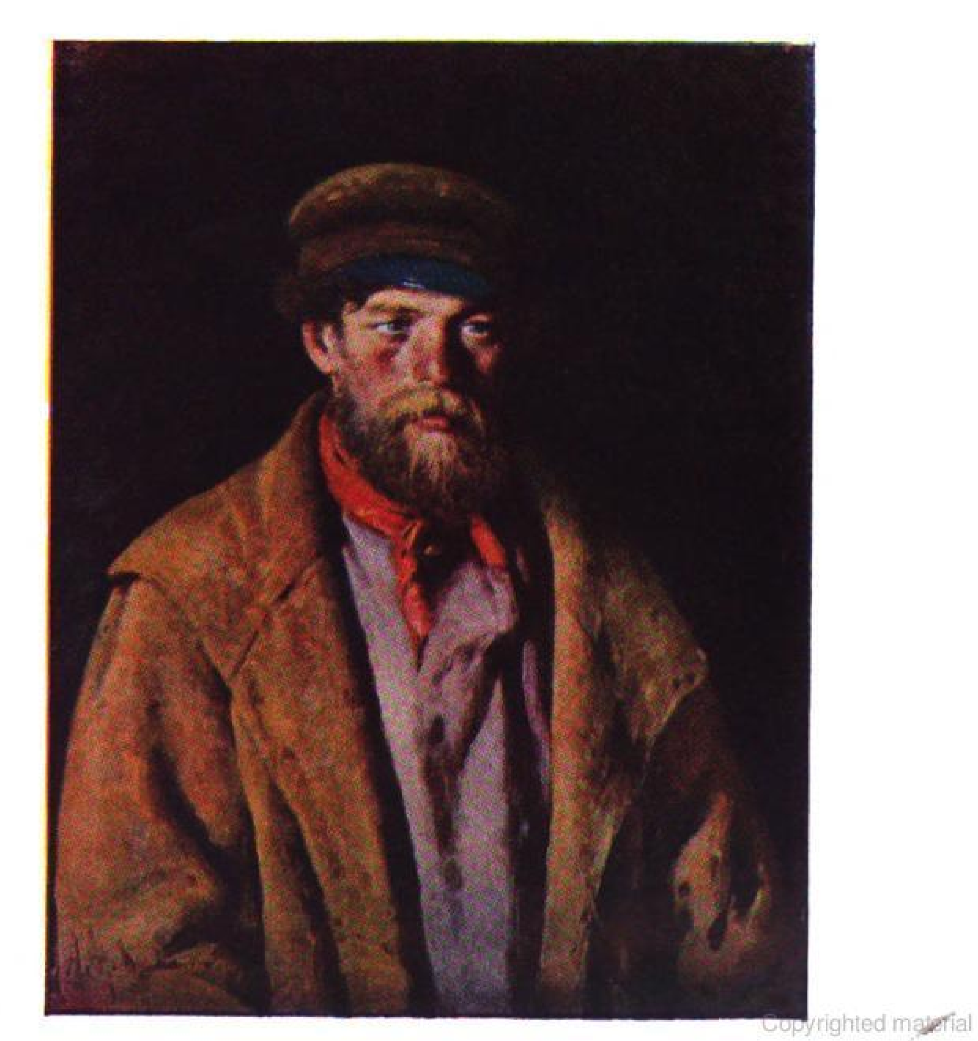
Говорят, что отец богов когда-то созвал к себе на пир богинь судьбы. Все они знали друг друга, за исключением двух, которые не встречались раньше. Кто были эти богини? Одну звали Искренность, а другую Приличие. Такой пир состоялся сегодня. Сегодня встретились эти две богини, они приветствовали друг друга поцелуем перед лицом всемогущего бога.

Труп маленькой Катрин Хансдоттир был залогом их примирения.

Перевели с исландского
В. МОРОЗОВА и А. ЭМЗИНА.

И. И. Левитан (1861—1900). ВЕСНА.
Полтавский областной художественный музей.

А. Е. Архипов (1862—1930). ПАСТУХ.
Полтавский областной художественный музей.

В. Д. Поленов (1844—1927). ОСЕНЬ В АБРАМЦЕВЕ.

Полтавский областной художественный музей.

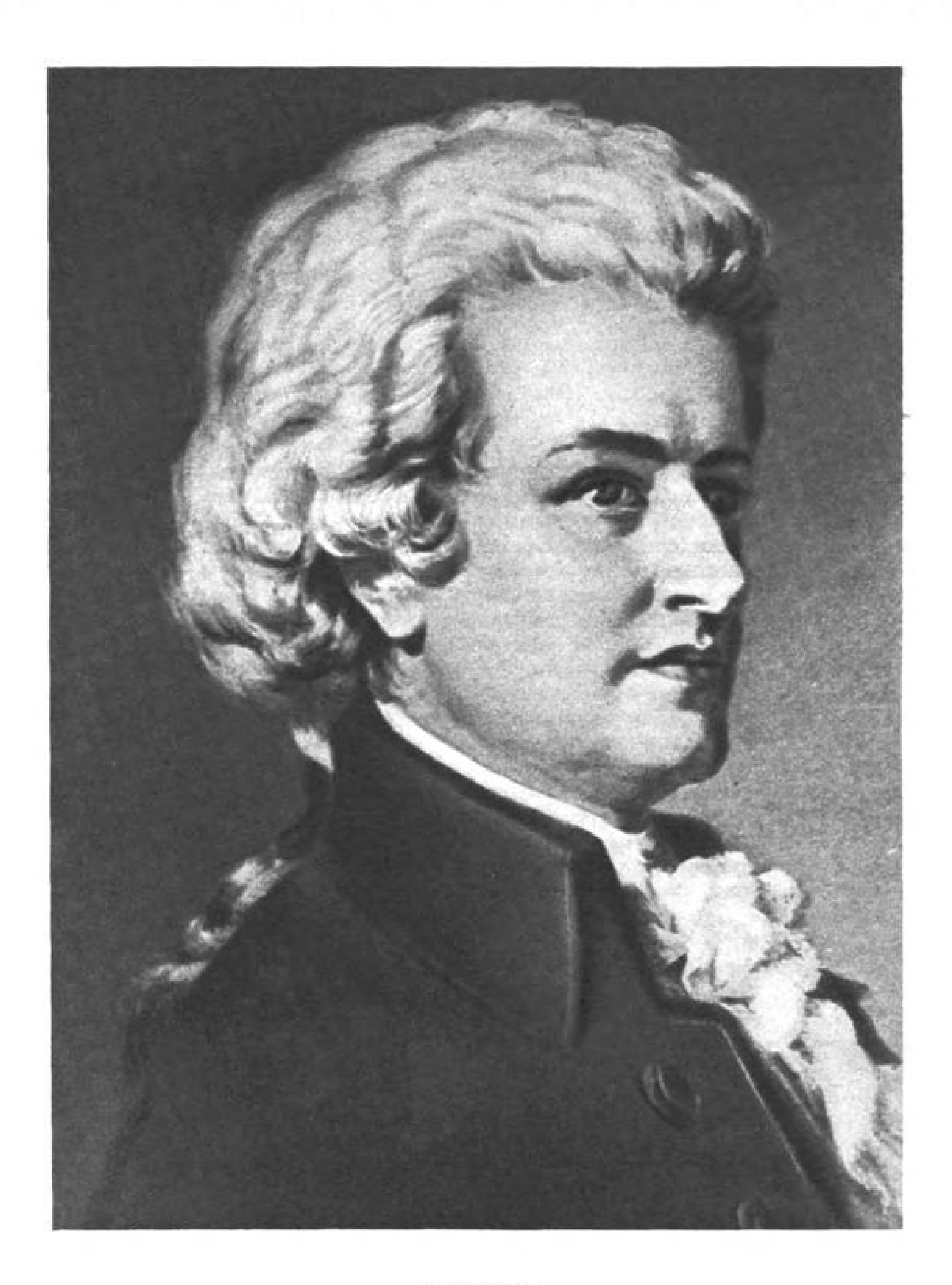
МОЦАРТ

К 200-летию со дня рождения

Мариэтта ШАГИНЯН

Биографы любят утверждать, что прелестная природа Зальцбурга, родного города Моцарта, не отразилась на его творчестве. Мне кажется, это совсем неверно. Кому приходилось на пути в Тироль проезжать живописным ущельем Зальцаха и слышать, как гремит и звенит льдисто-зеленый Зальцах, неся свои воды в Инн; видеть, как сдвигаются справа и слева от него горы, не похожие ни на швейцарские, ни на итальянские,— темнозеленые, острые тирольские горы с их зверем и птицей, с их серебристыми бубенчиками на зеленых пастбищах,— тому не могут не прийти на память моцартовские мелодии из «Волшебной флейты». И совсем неверно утверждать, что Моцарт «не любил природы, не совершал длинных прогулок за городом, как Бетховен», только потому, что Моцарт, дитя XVIII века, их не описывает и не упоминает в письмах. Мог ли не любить природы охотник? А Моцарт, житель тирольских предгорий, несомненно, еще мальчиком ходил с отцом на охоту, иначе он не написал бы домой из Неаполя четырнадцати лет от роду: «Пусть мама не забудет отдать вычистить оба ружья» (19 мая 1770 года). Есть и еще нечто в родном городе Моцарта, о чем следует помнить. За четверть века до рождения великого музыканта из узеньких средневековых улиц Зальцбурга потянулись со своим скарбом добровольные изгнанники. Свыше 30 тысяч немцев протестантской религии, не желая быть насильственно обращенными в католичество, ушло из Зальцбургской области на север; и с ними, кстати сказать, ушла та немецкая девушка, судьба и характер которой вдохновили Гёте на создание чудного образа зальцбургской беженки Доротеи в «Германе и Доротее». Зальцбургское епископство стало с тех пор оплотом реакционного католичества, и семья Моцартов считалась строго католической. Но было что-то в воздухе Зальцбурга... В Вольфганге Моцарте как будто остался след от свободного духа непокорившихся изгнанников, нечто независимое, светское, гражданственное. Оно остро проявилось в его смелых стычках с архиепископом, непобедимо резко встало во время окончательного с ним разрыва. И, читая замечательные письма Моцарта, одни из лучших писем в мире по своей прямоте и непосредственности, переживая его острую реакцию на всякое насилие, всякую обиду его чести и достоинству, невольно представляешь себе этого великого зальцбуржца не фанатичным католиком, а воинственным протестантом... Но начнем свой рассказ сначала.

27 января 1756 года в семье придворного музыканта Леопольда Моцарта родился седьмой ребенок, названный Иоганном Вольфгангом Готлибом (или, латинизированно, Амедеем). Из семи детей выжило только двое: старшая, Наннерль, и младший, Воферль. Музыкально одаренная девочка начала учиться пению и игре на клавесине. Брат, моложе ее на пять лет, жадно слушал, не отходя от нее на уроках. Когда клавесин освобождался, он завладевал им, без конца подбирая созвучия крохотными ручонками. На четвертом году он играл на клавесине, в полчаса выучивая наизусть менуэт. На пятом году стал сочинять сам. В зальцбургском музее «Моцартеуме» хранится тетрадь с этими первыми композициями Моцарта; ее подарила музею русская великая княгиня Елена Павловна.

В. Моцарт.

Леопольд Моцарт был хорошим музыкантом и первоклассным педагогом; он сразу почувствовал гениальную одаренность сына и стал серьезно с ним заниматься. Пятилетний Моцарт научился в совершенстве играть на скрипке и на органе; еще не зная нотописи, он диктовал свои сочинения отцу; овладев нотами, он сразу же сочинил концерт для клавесина с оркестром. Неисполнимый по своим трудностям, этот концерт пятилетнего композитора был написан, однако, по всем правилам настоящей партитуры для целого оркестра. Портили его только детские чернильные кляксы.

С шестилетнего возраста начались путешествия маленького Вольфганга. Леопольд Моцарт не был отцом-предпринимателем, выколачивающим деньги из своего «вундеркинда». Представить его многолетние разъезды с обоими детьми как нечто коммерческое было бы совершенно неверно. Европа двести лет назад была и очень маленькой и необъятно большой. Маленькой потому, что «общество» ее состояло из немногочисленных лиц, знавших друг друга; необъятно большой потому, что переезд из страны в страну на лошадях отнимал множество времени. И все же, чтобы образовать себя, найти правильную оценку своему дарованию, получить применение ему, нужно было выехать в широкий мир. Путешествия Вольфганга, прерываемые периодическими возвращениями домой, длились несколько лет. Они были и школой развития, и шлифовкой характера, и сказочным триумфом. Маленький Моцарт, непосредственный, живой и дружелюбный с людьми, делал невероятные вещи. Гримм, известный соратник энциклопедистов, пишет о нем из Парижа: «...Это феномен столь необычайный, что, глядя и слушая его, не веришь глазам и ушам своим. Он не только исполняет с безупречной чистотой отделки труднейшие пьесы своими ручонками... но еще (и это всего невероятнее) и импровизирует целыми часами, повинуясь влечению своего гения, внушающего ему вереницы музыкальных идей, которые он развивает со вкусом, изяществом и поразительной легкостью. Самый опытный музыкант не может обладать более глубокими познаниями в гармонии и модуляциях, чем те, с помощью которых этот ребенок открывает новые пути, вполне согласованные, однако ж, со строгими правилами искусства». Это пишется о семилетнем ребенке!

В Париже Моцарт играет в королевских дворцах, в Лондоне он становится предметом ученого академического исследования, в Голландии пишет концерт-симфонию в честь принца Оранского. Девяти лет он уже автор 12 напечатанных сонат, нескольких симфоний и итальянских арий. И эта профессиональная зрелость сочетается в нем с возмужанием характера. В одно из его возвращений в Зальцбург, когда Моцарты сделались предметом любопытства своих сограждан, какой-то знатный дворянин решил снизойти до их посещения, чтобы своими глазами увидеть десятилетнего «феномена». Однако обратиться к этому мальчугану из простого сословия на «вы» показалось ему невозможным; простое «ты» было бы чересчур грубым, и вельможа прибегнул к тогдашней снисходительной форме полувежливого обращения: «Ну, как **мы** попутешествовали?

Много почестей заслужили **мы?»** «Виноват, сударь, ...но я не помню, чтобы мы путешествовали и давали концерты вместе с вами. Кроме Зальцбурга, я вас нигде не видел», — ответил десятилетний Моцарт. И так он умел отвечать всякий раз, когда задевалось чувство его достоинства. Явление раннего развития Моцарта было настолько большим историческим событием, что оно врезывается в память современников. Гёте было 14 лет, когда он впервые увидел и услышал семилетнего Моцарта. Спустя 67 лет он как-то сказал Эккерману: «Я еще совершенно отчетливо помню маленького человечка в его парике и при шпаге», — и этой короткой фразой Гёте оставил нам зримый образ ребенка-Моцарта на эстраде.

Отношение к Моцарту как к чудо-ребенку продолжалось до его 14-летнего возраста. Двенадцати он написал в Вене первую свою оперу; тринадцати дирижировал торжественной мессой собственного сочинения и получил от Миланского театра заказ на новую оперу; четырнадцати поставил в Милане эту оперу — «Митридат», и в том, как ее приняли миланцы, прозвучало уже не только беспримерное удивление «чуду», но и уважение к профессионалу. На страницах Миланской газеты 2 января 1771 года появились, пожалуй, самые умные строки, которые были сказаны об особенностях Моцарта-творца:

Моцарт в последние дни жизни.

«Молодой композитор, не имеющий еще 15 лет, **изучает прекрасное с натуры** и изображает его с редкой грацией и умением».

Изучает прекрасное с натуры — значит выходит из рамок традиций, не довольствуется подражанием и перепевом, но питает свой огромный мелодический дар познанием природы, всем очарованием того, что естественно и исполнено красоты, то есть музыкой человеческих душевных движений, переживаниями и потребностями человека своей эпохи, своего времени и прежде всего передового, независимого, светлого, жизнеутверждающего мышления. Давая глубокое выражение этому в своем творчестве, Моцарт и глубоко зависел от своего слушателя. Он не мог ни сочинять, ни играть без адреса, только для себя. «Дайте мне самый лучший инструмент в Европе, но таких слушателей, которые ничего не хотят понять, ничего вместе со мной не переживают из того, что я играю, и я потеряю всякое удовольствие к игре», — писал он 22 лет отцу из Парижа. Часто, сталкиваясь с подобными слушателями, он начинал издеваться над ними в звуках, импровизируя пустые, модные формы им на потребу, а потом шел в трактирчик, к простым, бесхитростным людям, благоговейно воспринимающим его музыку, и часами играл перед ними, наслаждаясь бесконечно дорогим ему общением в звуках с откликнувшимся человеческим сердцем.

Но «изучать прекрасное с натуры» значило для Моцарта не только внутренне быть с людьми. Его непосредственный дар наблюдения и общения был отшлифован всем тем, что могло дать образование во второй половине XVIII века. Надо ясно представить себе характер этого образования, чтоб в полной мере оценить значение его для творчества Моцарта. В те годы еще жива была традиция «латинской школы», и Моцарт отдал ей дань (первое из дошедших до нас детских писем Моцарта заканчивается припиской по-латыни). Величайшей необходимостью для драматурга-музыканта было в ту эпоху знание многих европейских языков, итальянского и французского в особенности, поскольку оперный композитор работал с живыми певцами, приспособлял для них арии и должен был остро чувствовать возможности языков, на которых писалось либретто. И мы видим, как Моцарт с детства изучает итальянский, отлично знает французский, глубоко вникает в классический немецкий, хотя и переполняет шутливые страницы своих писем домой мешаниной из всех этих языков с неизменным австро-тирольским диалектом. Но Моцарт не только пишет и говорит — он жадно и много читает. В Болонье среди множества обязанностей он внимательно читает знаменитый роман Фенелона «Телемак» (переложенный на русский язык Тредьяковским); получив в подарок от своей хозяйки сказки «Тысячи и одной ночи» на итальянском языке, он погружается в них и сообщает в письме, что их «очень весело читать». День его насыщен и перенасыщен, и все же он урывает время для чтения. Вот страничка его письма из Маннгейма, дающая представление о том, как живет и работает Моцарт 21 года: «Раньше 8-ми мы не можем встать, потому что в нашей комнате (почти в уровень с землей) светлеет лишь с пол-девятого. Быстро одеваюсь. С 10-ти сажусь компонировать и до 12 или половины первого. Потом иду к Вендлингам (семейство маннгеймских музыкантов, у которых Моцарт столовался.— **М. Ш.**). Там еще немножко пишу до пол-второго, пока не сядем за стол. В три часа я должен быть в Майнцком Подворье (гостинице), чтоб преподать одному голландскому офицеру урок генерал-баса и галантности, за что, если не ошибаюсь, получаю 4 дуката за 12 уроков. В четыре — домой, чтоб обучать дочь хозяйки; начинаем мы не раньше пол-пятого, дожидаясь, когда зажгут лампу. В 6 часов — к Каннабиху (директору Маннгеймской капеллы.— **М. Ш.**), где даю урок мадмуазель Розе. Там же остаюсь ужинать, потом беседуем, немножко играем. Но я всегда вынимаю из моего кармана книгу и погружаюсь в чтение, как это привык делать в Зальцбурге».

Острое чувство языка в его музыкальном применении отличает работу Моцарта с либреттистами. Когда в одной из арий «Похищения из сераля» ему встретилась фраза «Фуй, как скоро!», он заменил слово «фуй» словом «но» и возмущенно написал отцу: «...О чем думают наши немецкие поэты? Если они высказывают полное незнание оперных условий, то хоть бы не заставляли людей говорить по-свински».

Воспринимая окружающих через их манеру говорить и строить речь, Моцарт остро чувствует внешнюю пластику и характер встреченного человека. Часто в письмах несколькими фразами он дает необычайно живые портреты. Мальчиком он описывает, например, свою встречу с одним доминиканцем, слывущим в Болонье святым человеком: «Я... имел честь кушать с этим святым, который здорово дул вино и напоследок — целый стакан крепкого, два здоровенных куска дыни, персики, груши, пять чашек кофе, полную тарелку гвоздичек, две полные тарелки молока с лимонами...» И перед нами чудовищный тип святого «постника», обладающего зверским аппетитом и пищеварением. А вот тонкий портрет Виланда от 1777 года, лучший из всех, когда-либо писанных с этого немецкого классика: «Он говорит немного натянуто, довольно детским голосом, постоянно поглядывая сквозь очки; некоторая ученая грубость сочетается временами с глупым снисхождением к собеседнику. Впрочем, меня не удивляет, что он (как в Веймаре, так и повсюду) и здесь ведет себя подобным образом, потому что люди глядят ему в рот, словно он свалился с неба. Порядком стесняются, не заговаривают, сидят тихо, внемля каждому его слову, что бы он ни сказал. Прямо жалко, до чего долго им приходится ждать,— ведь у него какой-то дефект речи, и, как бы медленно он ни говорил, через каждые шесть слов он заикается. За всем тем это замечательный умница, каким мы все его знаем. Лицо пребезобразное, все в рябинах, довольно длинный нос. Ростом немножко выше, чем отец».

Я останавливаюсь так подробно на словесных зарисовках Моцарта потому, что они сразу вводят во все приемы музыкальных характеристик гениального творца опер «Идоменей», «Похищение из сераля», «Свадьба Фигаро», «Дон Жуан» и «Волшебная флейта». Кто бы и где ни писал о великом искусстве Моцарта, почти всегда упоминает о его даре музыкального изображения человеческих характеров в опере. Будет ли это турок Осмин в «Похищении из сераля», весь переданный в отрывисто злобных звуках его слегка ориентализированных арий; или строгая, мрачная донна Анна с ее страстной жаждой отмщения за убийство отца («Дон Жуан»); или сам бессмертный Дон Жуан, «гуляка праздный», в распутном образе которого Моцарт сумел передать и ужас предчувствия гибели и всю глубину безвыходности перед судьбой, которую человек носит сам в себе; или полные юмора и трезвости характеры простых людей из народа в «Свадьбе Фигаро», — Моцарт умеет передать в музыке всего человека, в его жесте, говоре, выражении и судьбе. Спеть оперные образы Моцарта — значит увидеть их перед глазами. И больше того: увидеть вместе с их обликом то легкое, как дыхание, но неизменно выдающее себя в музыке **присутствие**

самого отношения автора к создаваемому им образу. Вся пластическая сила музыки «Дон Жуана», потрясающая своим совершенством слушателя, удваивается от этого авторского подтекста. Мы узнаем в ней Моцарта в окружении больших персонажей его авантюрного века. Легенда рассказывает о встрече его с Казановой, умным игроком и дипломатом, прославившим свои бесчисленные любовные похождения в знаменитых «Мемуарах». Моцарт знал и любил гениального чешского композитора Иосефа Мысливечека, человека больших и трагических страстей, прозванного итальянцами за прелестную музыку его опер «божественным богемцем» (Il divino Bohemo). И Моцарт мог подсмотреть в личности Казановы сквозь все его легкомыслие ту освежающую светскость, которая восстает против невежества и мракобесия; он мог почувствовать в трагической судьбе Мысливечека всеоправдывающую, фаустовскую страсть вечной погони за призраком идеального. Он думал и не мог не думать о характере и особенностях своей эпохи в целом, и эта глубина целостного охвата жизни и делает его «Дон Жуана» творением навеки бессмертным. Величайшие из современников понимали это. В глубокой старости, чувствуя все несовершенство музыки, писавшейся к его «Фаусту», Гёте сказал Эккерману: «Моцарт должен был сочинить Фауста». Не «иллюстрировать» своей музыкой Фауста, не написать музыку к Фаусту, не положить Фауста на музыку, а именно сочинить, создать Фауста! И Гёте сказал это не случайно. Творец «Дон Жуана», сумевший дать глубокий образ блудного сына своего века, был в силах гением музыки дать жизнь и образу вечного борца за будущее.

Последние годы короткой жизни Моцарта совпали с предгрозовыми годами наступающей Великой французской революции. Он не дожил до того времени, когда революция встала во весь свой рост и французские народные массы казнили на плахе изменника-короля; Моцарт умер через три месяца после того, как французский король присягнул на верность конституции Учредительного собрания. Но Моцарт пережил утро революции, празднование в Англии взятия Бастилии, когда для студентов Кембриджа это событие стало темой дипломных работ; он был свидетелем, как из самой Германии и других стран навстречу французской революции неслись приветствия Канта, Гердера, Вордсворта, Витторио Альфиери, еще не отшатнувшихся от ее грозного развития. Отразилось ли это на творчестве Моцарта, зависевшего в куске хлеба для своей семьи и себя целиком от королей и знатных мира сего?

За 7 лет до смерти, в декабре 1784 года, Моцарт вступил в венское масонское общество — сперва в маленькую ложу «Благотворительность», а потом, когда она была слита с другими, в ложу «Единодушия» и «Увенчанной надежды». Музыковеды Германской Демократической Республики начали внимательно изучать сейчас направление работ венских масонов. Существующее и поныне в Вене масонское общество издало в 1932 году даже специальный труд обо всем, что касалось Моцарта в масонских архивах. Сам по себе факт участия Моцарта в масонских ложах не очень примечателен: почти все, сколько-нибудь значительные, передовые люди того времени состояли в них. Масонами были и Гайдн и Сальери. Но в то время, как, например, Гайдн числился только номинально, ничего для масонов не делал и на собрания их не ходил, Моцарт проявил себя, как нынче сказали бы, удивительным «активистом». Он бывал на масонских праздниках и собраниях, прошел ступени подмастерья и мастера, написал для своих лож несколько кантат, втянул за собою в масоны отца, с большой серьезностью отнесся к их гуманистическим проповедям. В ту пору масонская организация была еще молода, проникнута живыми стремлениями помочь человечеству. В основу идей масонства были положены многие мысли из духовного наследия великого чешского педагога — гуманиста Яна Амоса Коменского. В венских ложах было немало чехов, вносивших в братство «вольных каменщиков» тайные мечты о возрождении родной культуры, об освобождении чешского народа. С некоторыми из них, например, с графом Туном, Моцарт не мог не общаться: ведь чехи и Прага были в то время лучшей музыкальной аудиторией в мире.

Но и кое-что другое могло привлечь Моцарта к масонам. Он с детства любил математику, страстно любил чтение, а у масонов имелась библиотека в 1 900 томов, был свой физический кабинет, устраивались лекции, показывались опыты. Вторым гроссмейстером ложи «Единодушие» был большой ученый, минералог Игнаций Борн, учившийся в Праге, работавший как геолог в окрестностях Карловых Вар, вывезший оттуда и подаривший венским масонам коллекцию минералов. В 1780 году имя Борна прогремело на всю Европу: он облегчил тяжкий труд рабочих-горняков, предложив новый способ обогащения руд, так называемую «амальгамацию в бочках». Способ этот был принят, и масоны отметили в Вене победу Борна большим празднеством. Моцарт написал для этого праздника первую свою масонскую кантату — «Радость каменщиков» на текст чеха-масона Патрана. Для исследователей Моцарта эта кантата и ее судьба имеют немалое значение. Все, что могло помочь бедным людям, всякое облегчение участи рабочего человека было для Моцарта радостным делом, которому он сочувствовал всей душой, и в музыке кантаты отразилось это высокое, бескорыстное чувство счастья за человека. Когда в августе 1791 года Моцарт в последний раз приехал в Прагу и посетил пражскую ложу «К правде и единству», навстречу славному гостю, любимцу пражан, неожиданно полились звуки его собственной кантаты «Радость каменщиков» в идеальном исполнении чешских музыкантов. Можно представить себе, как до глубины души потрясен был уже больной, измученный Моцарт собственной песней высокого и просветленного счастья, прозвучавшей для него как поддержка и призыв к мужеству! Третий раз протянула Прага руку помощи великому музыканту. Первый раз—восторженным приемом «Свадьбы Фигаро» после провала в Вене, во второй раз — блестящей постановкой «Дон Жуана» и в третий,— когда на лицо Моцарта уже легли смертные тени близкой кончины.

Игнаций Борн совмещал трезвость ученого с мистицизмом масонских мечтателей. Он напечатал в 1784 году в журнале масонов статью о мистериях у египтян с упоминанием об Изиде и Озирисе. Не без влияния этой статьи создавалось либретто последней оперы Моцарта, «Волшебная флейта», автором которого был тоже масон, Шиканедер. Если читать, только читать глазами, это либретто (как, впрочем, и другие либретто опер XVIII века), можно в отчаяние придти от всего того, что накручено там на удивление театральной публике: и птицы, и звери, и колокольчики, и волшебники, и Царица ночи, и маг Сарастро (списанный, как говорили тогда, с Игнация Борна и означавший Зороастра), и все это в хаотическом нагромождении, с едва различимыми в хаосе очертаниями сюжета. Но тот, кто умел быть прозрачным, как родничок, в немецких менуэтах; кто разворачивал целые миры мелодий в своих драматизированных серенадах; кто заставлял петь и петь каждый инструмент в оркестре, каждое действующее лицо в опере, дотронулся до этого хаоса магическим жезлом своего гения. «Волшебная флейта»,— пожалуй, самая глубокая опера Моцарта, и это опера философская. Все, чем жил дух Моцарта в последние годы жизни, вся система его тайных мыслей, его неотступных вопросов о цели жизни, его страстная попытка разрешить для себя, что же такое смерть, попытка принять ее как неизбежность, вместе со всею простой и мудрой природой,— все это вылилось морем звуков в «Волшебной флейте». Здесь уже нет обычных для него, остро индивидуальных характеристик — вместо них большие типовые обобщения, борьба вечной тьмы ночи с вечным светом дня — скрытого зла с откровением добра. И можно только догадываться, как через отвлеченные гуманистические аллегории масонов проникали в музыкальный мир Моцарта большие революционные идеи века — свобода, равенство, братство.

Музыку Моцарта, как и внутренний мир Моцарта, знают все еще недостаточно. Музыку его считают прозрачной и легкой, жизненный путь его — счастливым и беззаботным. Но жизнь Моцарта — это подвиг великого труда, а музыка — неисчерпаемый источник мелодий, из которого до сих пор и берут и будут брать музыканты всех стран и народов. За 35 лет жизни Моцарт создал свыше 600 произведений. Он писал их в ужасных условиях, постоянно давая уроки, которые изнуряли его и приводили в отчаяние, постоянно борясь с помехами, из которых пытался, как изо всех бед на свете, извлечь полезное для себя: «Над нами живет скрипач, под нами тоже, рядом за стеной — учитель пения, дающий уроки, а напротив — игрок на гобое. То-то весело заниматься композицией! Наводит на многие мысли...»

Он умер как подвижник. Отекший от водянки, зная, что минуты его сочтены, Моцарт с трудом объяснял своему ученику, Зюсмайеру, как надо закончить недописанные им части «Реквиема», над которым он трудился перед смертью. Врач, пытаясь облегчить страшный жар его пылающего лба, кладет ему холодный компресс на голову и вызывает мгновенный паралич. Моцарт уже не в силах издать звук. Но глаза его все еще обращены к ученику. Он складывает губы, словно подражая, как пишут исследователи, звуку литавр и указывая Зюсмайеру на нужное вступление инструмента...

Моцарт всю жизнь с великой гордостью приравнивал себя к беднякам. Издеваясь над знатью, нуждающейся в наследнике, чтоб передать ему свое богатство, Моцарт писал отцу в 1778 году из Маннгейма: «Наше богатство умирает с нами вместе, потому что мы носим его в собственной голове. И его у нас не может отнять никто, разве что снимут нам голову,— но тогда нам вообще ничего не будет нужно». Когда 5 декабря 1791 года сердце Моцарта перестало биться, у вдовы его не оказалось денег, чтоб купить ему отдельное место на кладбище. И тот, кто всю жизнь стремился быть в сердечной близости со слушателем, с простым народом, с бедняками, к которым так гордо себя приравнивал, был похоронен в общей могиле для бедняков.

А музыка Моцарта проникла в самые отдаленные уголки нашей планеты и сейчас, в 200-летие со дня его рождения, звучит и пленяет народы как светлая радость всего человечества.

Памятник Моцарту в Вене.
Фото Г. Костенко.

ВЕСЕННИМ УТРОМ

Рассказ

Сергей НИКИТИН

Рисунок И. ГРИНШТЕЙНА.

Весенним утром на крыльце правления колхоза сидели двое: молодой парень из соседнего села — Венька, по прозвищу Дикарь, и местный колхозник Евсей Данилыч Тяпкин. Оба они по своим делам дожидались председателя, который еще вчера уехал в дальнюю бригаду.

О деле Евсея Данилыча легко можно было догадаться, взглянув на его спутанную бороду, мутные глаза и водянисто-синие оплывы под ними. Конечно, сам он прямо ни за что не выдаст своего затаенного желания и будет уверять, что деньги нужны ему на «карасин», на мыло, на олифу, но всякому, кто хоть немного знал Евсея Данилыча, было без слов ясно, что мужик находится, по его собственному выражению, «на струе» и пришел просить двадцать пять рублей из колхозной кассы, чтоб опохмелиться.

Куря венькины папиросы, Евсей Данилыч часто поглядывал на свою избу. Делал он это неспроста, а потому, что, во-первых, опасался появления жены, а во-вторых, уж очень ветха была эта изба и, очевидно, говорила что-то неприятное остаткам его хозяйского самолюбия. Печально глядя на мир из-под осевшей крыши двумя мутными окошками, она словно собиралась вздохнуть и тихо пожаловаться неведомому сострадателю:

«Тяжело мне, братец...»

И хотя ее ржавая крыша была увенчана высоченной радиоантенной, это отнюдь не свидетельствовало о благополучии в семье Евсея Данилыча, потому что самого приемника давно уже не было.

Однако, с другой стороны, антенна говорила, что Евсей Данилыч знавал и лучшие дни. Теперь она всегда напоминала ему о том времени, когда он считался первым плотником в колхозе, играл топориком, как перышком, и не знал себе равных в искусстве выпиливать узорчатые наличники, которые каждому дому точно открывали широкие, ясные глаза. Тогда работа сама просилась в руки и дом был полная чаша. А потом (когда это началось, Евсей Данилыч и сам не углядел) работы стало меньше, получать за нее вовсе ничего не приходилось, и маленькое хозяйство Евсея Данилыча, как и большое — колхозное, быстро пришло в упадок. Другие мужики подались в город, на текстильную, на чугунолитейный завод, на песчаный карьер, а Евсей Данилыч, мужик застенчивый и неходовой, остался в колхозе и захирел совсем.

Вскоре после войны он было воспрянул, но ненадолго. Тогда председателем выбрали бывшего фронтовика Степана Вавилова. Тот, казалось, повел дело с умом, а потом вдруг в чем-то не потрафил районной власти и, едва не попав под суд, тоже подался в город.

Сейчас о новом председателе, приехавшем недавно по своей воле из города, на селе опять упорно говорили, что-де больно хорош, что даже вот Степку Вавилова уговорил вернуться в колхоз, но лично Евсей Данилыч пока не видал от него ничего доброго и судить не торопился, желая еще посмотреть, даст он ему сегодня двадцать пять рублей или не даст.

— Вот какие, брат Венька, пироги,— вслух завершил он круг своих мыслей.

Венька ничего не ответил. Он сидел и, кося жгуче-черным глазом на дорогу, думал о своем. От успеха его переговоров с председателем зависело, останется он на все лето здесь, в Овсяницах, или ему придется искать работу в другом месте. Последнее было нежелательным для Веньки по двум причинам: во-первых, Овсяницы были близко от дома, а во-вторых, и это было главным, здесь жила Варька, которая за одну только прошлую зиму из долговязого конопатого подростка неожиданно для всех вымахала в ладную девку с темнорыжей косой и зелеными русалочьими глазами.

Теперь Венька соображал, как ему лучше подойти к председателю. По слухам он уже знал, что новый овсяницынский председатель — мужик дошлый, копейки из рук не выпустит, а таких выжиг, как он, Венька, насквозь видит. Но, с другой стороны, если человек всерьез задумал строиться, без Веньки и его «дикой бригады» ему не обойтись. Вот уже три года в ближних и дальних колхозах эта бригада рядилась строить коровники, телятники, хранилища, рвала за это жирные куши наличными, но работала, надо признаться, на совесть. Так зачем же, думал Венька, отказываться от дела, коли оно кругом, и нашим и вашим, выгодно? Нет, уломает он председателя, как пить дать!

— Вот, Данилыч,— подвел и он итог своим размышлениям.

Так они и сидели, не сознавая, что их уже разморило напористое весеннее солнце и что обоим им не хочется ни говорить, ни думать, а только бы смотреть, как теплый ветер волнует новозданную зелень берез, да слушать, как пересвистываются в ней, словно разбойнички, работяги-скворцы.

Это блаженное состояние расслабленности и созерцания было нарушено появлением Варьки. Заметив Евсея Данилыча, она потоптала́сь на месте и уже была готова повернуть вспять, но Венька окликнул ее:

— Ну, чего застеснялась? Иди, иди, не съедим.

Он бесцеремонно подвинул локтем Евсея Данилыча и, потянув за руку упиравшуюся Варьку, посадил ее рядом с собой.

— Куда ходила?

— На́ поле была, обмеряла. Сеют наши,— прерывисто дыша, сказала Варька и затеребила конец зажатого в кулачке платка.

В семнадцать лет ей все было внове — и венькина рука, лежавшая на ее плече, и почему-то ставший теперь таким волнующим запах обыкновенного табака, исходящий от него, и сладкое сознание его власти над всем ее существом, и то, что бешеный весенний воздух, стоит только поглубже втянуть его ноздрями, так и пронимает ее всю, до тонюсенькой жилочки...

— Не говорил еще? — тихо спросила она Веньку.

— Не приезжал, ждем.

— На́ поле был. Я думала, сюда поехал. Знать, завернул куда-нибудь.

Она тихонько повела плечом, стараясь освободиться от ставшей слишком вольной венькиной руки.

— Ну-ну, чего?— снисходительно проворчал он.— Чего ты меня до сих пор дичишься, не съем.

— Едет! — подскочила вдруг Варька.— Ой, побегу... Едет!

Поправляя сбившийся платок и оскользаясь на весенней грязи, она пересекла улицу и ударилась прогоном в поле, разогнав по пути гомонливое стадо гусей.

— Ну и бес! — с восхищением сказал Евсей Данилыч, но сейчас же постарался принять озабоченно-почтительное выражение лица.

К правлению на белоногом жеребце, запряженном в какой-то нелепый извозчичий тарантас, подъехал председатель Коркин. В полувоенной фуражке, каких давно уже не продают, а шьют только по заказу, круглый, плотный и быстрый в движениях, Коркин соскочил с тарантаса, бросил в него кнут и привязал жеребца к балясине. Пока он это делал, Венька с независимым видом стоял на крыльце, а Евсей Данилыч топтался вокруг коня и нахваливал его на все лады. Он охлопывал его круп, трепал по шее, процеживал сквозь пальцы давно не стриженную гриву и наконец дал прихватить губами свое ухо.

— Ко мне? — спросил Коркин, ступая на крыльцо.

— Ну, председатель, давай рядиться!— развязно говорил Венька, идя вслед за ним по темному коридору.— Слышал, телятник тебе надо строить. Коль сойдемся в цене,— вот он я.

Коркин открыл ключом дверь, и все трое вошли в маленький, загроможденный конторского вида мебелью и сплошь заваленный початками кукурузы кабинет. Не пучки пшеницы, ржи или ячменя, а именно эти восковато-желтые початки, как знамение времени, лежали на столах, подоконниках и в углах председательского кабинета.

«Не даст»,— подумал Евсей Данилыч, смущенный столь деловой обстановкой, и сел в сторонке, решив подождать, когда уйдет Венька.

— Слушаю,— сказал Коркин.

— Так будем рядиться, Григорий Иваныч? — спросил Венька.— А то перебьют у тебя мою бригаду устюжские, будешь тогда локти кусать. По рукам, что ли?

Венька, как в конном ряду, выставил из-под полы пиджака руку и задорно сверкнул на председателя своими угольными глазами.

— Двадцать тысяч дашь?

Евсей Данилыч восхищенно крякнул. Умеет же этот Дикарь обстряпывать дела... Эх, ему бы, Евсею Данилычу, такую хватку!

— Копейки не дам,— негромко отрезал Коркин.

— И правда! Ишь, чего захотел... двадцать тысяч! — сказал из своего угла Евсей Данилыч.— Да за двадцать-то тысяч, знаешь...

— Молчи ты,— огрызнулся на него Венька.— Смотри, председатель, промажешь! Восемнадцать — последнее слово.

Коркин засмеялся и пожал плечами.

— Не сойдемся. Ступай, мне некогда.

— Черт с тобой, двенадцать,— круто съехал Венька.— Пиши договор. Три вперед. Да ты, видно, строить не хочешь? — усмехнулся он, увидев, что Коркин только махнул рукой.— Так бы и сказал сразу, нечего тогда тут лясы точить.

— Почему? Строить будем,— спокойно сказал Коркин.— Только нынче решили без «дикарей» обойтись. Довольно им колхозных денежек в карманы посовали. У нас свои плотники не хуже, и карманы у них не уже. Так, что ли, Данилыч?

— Известно! — встрепенулся тот и про себя радостно подумал: «Даст».

— Станут они тебе за трудодни ломить! — снова усмехнулся Венька.— Нынче дураки-то повывелись. Вон спроси его,— кивнул он на Евсея Данилыча,— станет он за трудодни строить? А коли и станет, так через пень колоду. Глядишь, года через три поспеет твой телятник... Ну, скажи, старик!

Евсей Данилыч приник и, не найдя, что ответить, забормотал невнятное.

— А что ему не работать? — загорелся вдруг Коркин. Он выдернул ящик стола, схватил какую-то книжку и, чуть не отрывая страницы, стал листать ее.— Вот. По установленным нормам на трудодни он получает? За качество получает? За досрочное исполнение получает? Если утвердим его бригадиром, премию получит? Чего же ему еще?

Он дернул к себе счеты и быстро застучал костяшками.

«Все дело, подлец, испортил, рассердил че-

ловека,— с укором подумал Евсей Данилыч.— Теперь не даст».

А Венька не унимался:

— На счетах-то у тебя ловко получается. Чего только дашь-то под эти костяшки?

— Дадим,— уверенно сказал Коркин.— Вот решили дать аванс на трудодни по два с полтиной. И каждый месяц давать будем. У тебя, Данилыч, сколько трудодней?

— Чего там! — махнул Евсей Данилыч рукой.— Семьдесят, не знаю, наберется ли.

— Ну, твоя вина, что мало. Получишь всего сто семьдесят пять целковых.

— Когда? — спросил Евсей Данилыч.

— Да хоть сейчас. Если у бухгалтера готовы списки, иди да получай.

— Ну да? — изумленно и недоверчиво спросил Евсей Данилыч.— Сейчас можно получить?

Коркин внимательно посмотрел на него.

— Да ты, я вижу, проспался только сегодня. Еще позавчера решили на правлении авансировать по два с полтиной. Весь колхоз знает.

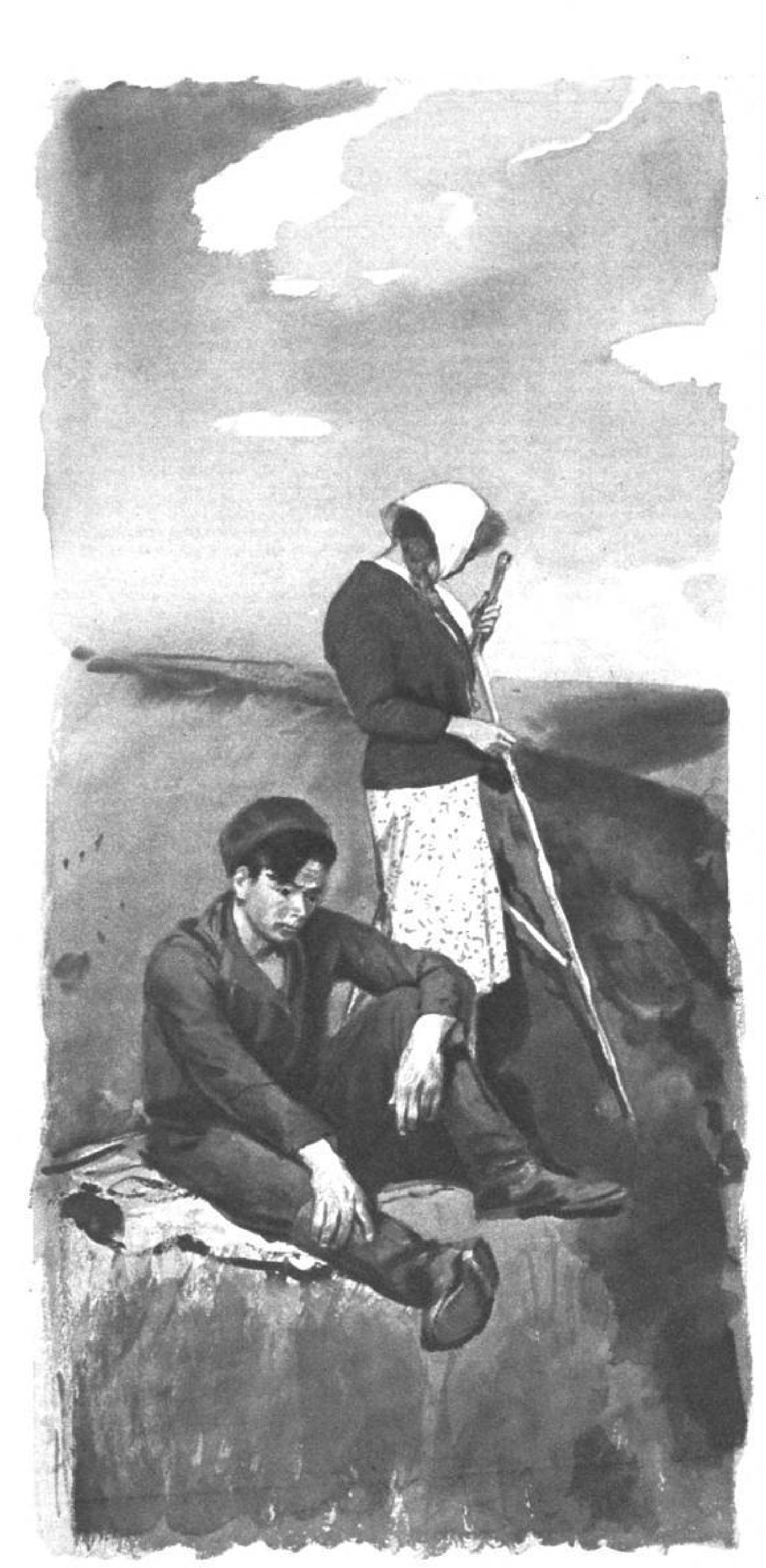
Не сказав в ответ ни слова, Евсей Данилыч поднялся и направился к двери. Весь предыдущий разговор и особенно упоминание Коркина о том, что его, Евсея Данилыча, могут утвердить бригадиром, требовал немедленного реального подтверждения.

Когда через несколько минут он вышел на крыльцо, там уже стоял Венька и зло расправлял исковерканную во время разговора с председателем шапку.

— Ну и жмот! — ища сочувствия, сказал он Евсею Данилычу.— Тугой человек, одно слово.

— Да уж точно! — охотно согласился Евсей Данилыч, но в голосе его слышалось скорей восхищение, чем сочувствие.

Проводив взглядом Веньку, напропалую топавшего по загустевшей грязи, он вынул полученные сто шестьдесят семь рублей, из них семнадцать тщательно упрятал за подкладку шапки, а остальные положил в карман.

К дому он подходил с лицом торжественным и лукавым. Сейчас он доставит себе маленькое удовольствие: покуражится, прикажет вздуть самовар, заставит чисто прибрать стол, откажется пить из надтреснутой чашки, а потом, когда жена будет доведена до предельного градуса и приготовится запустить в него какой-нибудь твердостью, вдруг объявит, что его хотят поставить бригадиром строительной бригады, и как бы в подтверждение этого бухнет на стол полторы сотенных... Знай, мол, наших!

А Венька между тем уже вышел за село и шагал по полевой дороге. Жаворонки трепетали в струящемся над полями воздухе, через дорожные колеи неуклюже перелезали еще сонные лягушата, рыженькая крапивница совершала свой первый полет, и Венька мало-помалу обмяк, захваченный и покоренный всеобщим праздником весны. Когда он нашел Варьку, то на лице его не было и тени прежней озабоченности и досады.

— Подрядился? — сияя своими русалочьими глазами, встретила его Варька.

— Куда там! — засмеялся он.— Такой тугой человек — не подступись. Придется в Устюжье ехать. Туда сами звали.

— В Устю-южье,— протянула Варька.— Да туда же сто километров...

— Сто десять,— поправил Венька. — Надо сегодня же подаваться, а то можно и упустить.

Он бросил на сухой закраек поля пиджак и предложил:

— Посидим.

Но Варька не двинулась. Опершись на свою рогатую мерку, она смотрела в землю, и по ее нахлестанным весенним ветром щекам блестящими струйками бежали слезы — слезы первого девичьего горя.

Пережитое

Юлия ДРУНИНА

Два вечера

Мы стояли у Москвы-реки.
Теплый ветер платьем шелестел.
Почему-то вдруг из-под руки
На меня ты странно посмотрел.
(Так порою на чужих глядят.)
Посмотрел и улыбнулся мне:
«Ну, какой же из тебя солдат!
Как была ты, право, на войне!
Неужель, спала ты на снегу,
Автомат пристроив в головах!
Понимаешь, просто не могу
Я тебя представить в сапогах...»

Я же вечер вспомнила другой:
Минометы били,
Падал снег,
И сказал мне тихо дорогой,
На тебя похожий человек:
«Вот, лежим и мерзнем на снегу,
А когда-то жили в городах.
Я тебя представить не могу
В туфлях на высоких каблуках...»

В почерневшей степи Приднепровья...

В почерневшей степи Приднепровья,
Где сады умирали
В орудийном огне,
Я впервые любила
Большою любовью,
Ведь бывало и так
На войне.

В почерневшей степи Приднепровья,
Где сады умирали
И дымился металл,
На бегу,
Захлебнувшись кровью,
Мой любимый
Упал...

Нас война приучила
К утратам и крови.
Я живу не одна
В своем мирном дому.
Отчего же
Ты снишься мне,
Степь Приднепровья,
И сады в орудийном дыму?

Утро

В двух шагах от дачного перрона,
Презирая паровозный гуд,
Радостно,
призывно,
исступленно
Соловьи без устали поют.

У тебя сейчас совсем прозрачны
Милые, влюбленные глаза.
И на этой на платформе дачной
Так мне хочется тебе сказать:

«Как бы дальше жизнь не намудрила,
(Может, счастье я не сберегу),
За одно лишь это утро, милый,
У тебя останусь я в долгу».

Новое поколение скороходов

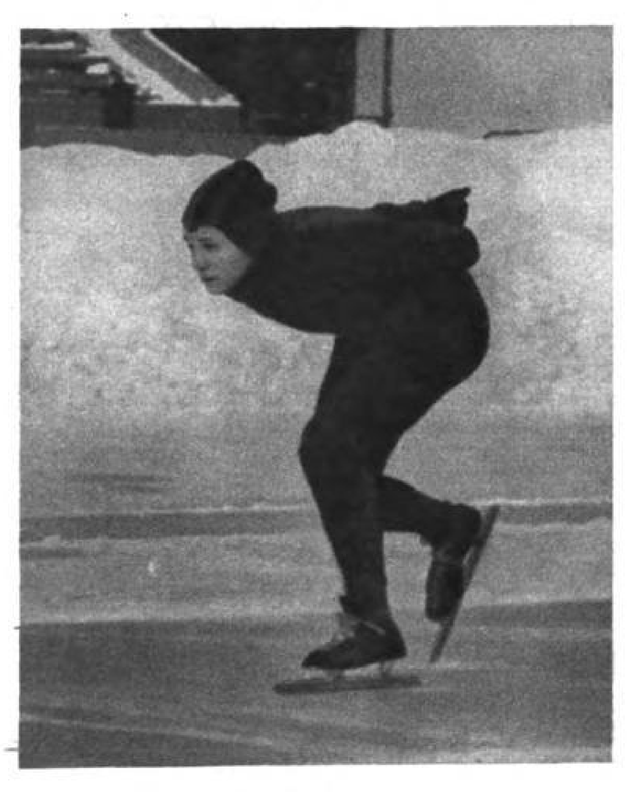
Каждый год в строй сильнейших скороходов страны вступают все новые спортсмены. Давно ли мы впервые услышали о Борисе Шилкове, Олеге Гончаренко, Евгении Гришине? Теперь они уже представляют старшее поколение, а рядом с ними стоит быстро растущая молодежь, по праву вошедшая в сборную команду страны.

Недавно мы смогли увидеть молодых скороходов на московском льду. Уже эта первая их встреча с прославленными мастерами показала большие возможности новых конькобежцев. О своей силе они заявили на первой же дистанции — 500 метров. Первым был Евгений Гришин, вторым — Юрий Михайлов, а в беге на 1 500 метров Михайлов оставил на втором месте Бориса Шилкова. Третье место занял другой молодой скороход, Роберт Меркулов.

Сильнейшему многоборцу страны Борису Шилкову пришлось выдержать напряженную борьбу с молодежью и на дистанции 5 000 метров. Вслед за ним второе место завоевал Борис Якимов, а третье— Владимир Шилыковский, добившийся лучшего времени в беге на 10 000 метров.

Кто же они, молодые победители, вошедшие в олимпийскую команду СССР? Инженер Владимир Шилыковский увлекается конькобежным спортом 4 года и своего первого большого успеха достиг в прошлом сезоне, завоевав первенство Москвы. Юрий Михайлов также выдвинулся прошлой зимой, набрав лучшую сумму в многоборье на командном первенстве СССР в Иркутске. Борис Якимов «дебютировал» в прошлом году в Ленинграде, показав высокий результат на дистанции 10 000 метров. Он ученик известного конькобежца Н. Петрова.

Теперь им всем предстоит защищать честь своей страны на олимпийских играх.

Р. Меркулов.

Ю. Михайлов.

Спорт за рубежом

Седьмые зимние...

На зимних олимпийских играх впервые участвуют спортсмены и спортсменки СССР. В центре внимания будут встречи хоккеистов, лыжников и конькобежцев.

«С тех пор как советские спортсмены включились в международный оркестр зимнего спорта, — пишет французский спортивный обозреватель Кляр, — сначала в скоростном беге на коньках, затем в лыжных гонках и, наконец, в хоккее, Советский Союз показал, что он не только может играть первую скрипку в этом оркестре, но и вдохнул новую жизнь в те виды спорта, которые на протяжении нескольких последних пятилетий мало-помалу теряли свою привлекательность и популярность».

Кто может рассчитывать на успех в хоккейном турнире? За рубежом «фаворитами» единодушно считают команды Канады, СССР, Чехословакии, США и Швеции.

Как известно, канадских хоккеистов на олимпийских играх представляет команда «Китченер датчмен». Команда эта в Европе еще не выступала, поэтому зарубежные обозреватели отзываются о ее шансах на золотые медали достаточно осторожно. Что касается американской команды, составленной в основном из студентов университета Миннесоты, то тренер Мариуччи хвастливо заявил, что «его парни заставят попотеть» своих конкурентов. Судя по результатам последних международных встреч, очень основательно подготовились к предстоящей борьбе хоккеисты Чехословакии, а также Швеции.

Не менее острой и напряженной будет борьба в лыжных гонках мужчин на дистанциях 15, 30 и 50 километров. Отметим, что по просьбе Международной лыжной федерации олимпийский комитет впервые включил в программу гонку на 30 километров, а 18-километровую дистанцию заменил 15-километровой.

Здесь наши спортсмены также встретят сильных конкурентов. В частности, в отличной форме находится финн Вейко Хакулинен, которого называют «лыжным Затопеком». В 1952 году он стал олимпийским чемпионом на 50 километров, а в первенстве мира 1954 года в Фалуне завоевал золотую медаль в гонке на 15 километров. В составе команды Финляндии выступают также известные лыжники Лаутала, Винтанен, Миира и 37-летний ветеран лыжных гонок Эро Колехмайнен (в прошлом олимпийский призер).

Сильную команду выставляют и шведы. Возглавляет ее Ернберг, который недавно на соревнованиях прошел 15 километров в 58 минут 21 секунду. В хорошей форме также С. Ларссон, Самуэльссон, П. Ларссон и другие.

Неудача постигла норвежцев, у которых два сильных лыжника — Бренден (олимпийский чемпион) и Бьорн — выбыли из строя, получив повреждения во время тренировки. Лучшим в команде считается сейчас знакомый москвичам Мартин Стоккен, который одинаково хорошо бегает и на лыжне и на гаревой дорожке.

В прыжках с трамплина норвежцы долгие годы не имели равных соперников. Недаром за шесть минувших зимних олимпийских игр они завоевали в этом виде спорта 6 золотых, 5 серебряных и 3 бронзовые медали. Но в 1954 и 1955 годах финские прыгуны опередили норвежцев. По отзывам скандинавских специалистов, финны «революционизировали» норвежский стиль прыжков, сделали его более обтекаемым, аэродинамичным. Об интенсивности тренировки финских спортсменов говорят такие цифры: в 1950 году они совершали до 50 прыжков, в 1954 — до 250, а сейчас, готовясь к олимпийским играм, довели это число до 500 прыжков!

В соревнованиях по «северному двоеборью» (прыжки с трамплина и бег на 15 километров) основными конкурентами попрежнему остаются финны и норвежцы.

В программу гонок с участием женщин входят соревнования на дистанцию 10 километров и эстафета 3 × 5 километров. Здесь, по прогнозам зарубежной печати, ожидается острая борьба между представительницами СССР, Финляндии и Швеции.

Слалом, гигантский слалом и скоростной спуск составляют так называемое «альпийское троеборье». В нем примут участие спортсмены многих стран. Кто завоюет здесь призовые места?

В одном из последних спортивных обзоров агентства Юнайтед пресс указывается, что по альпийскому троеборью Кортина д'Ампеццо явится не только «ареной борьбы французских и австрийских горнолыжников за почетные призы, но и проверкой столь отличающихся друг от друга двух школ горнолыжного спорта».

Не вдаваясь в подробную оценку каждой школы, приведем здесь слова главного тренера итальянской команды Мариани.

«У всех австрийцев одинаковый стиль, та же техника, те же приемы преодоления препятствий,— заявил он.— Издали их нельзя отличить друг от друга. У французов дело обстоит иначе. Каждый из них сохраняет свою индивидуальность, свой собственный стиль и технику».

Впрочем, не следует сбрасывать со счетов и горнолыжников Италии, США и некоторых других стран, где этот вид зимнего спорта широко распространен и пользуется все возрастающей популярностью.

На катке стадиона Кортина д'Ампеццо соберется весь цвет мастеров фигурного катания. Программа состязаний включает личное первенство для мужчин и для женщин, а также парное катание. Весьма сильную команду выставляют в этом красивом виде спорта американцы. Ее возглавляют чемпионы мира Алан Дженкинс и Тенли Олбрайт. Однако американцам придется выдержать очень серьезную конкуренцию фигуристов Чехословакии, Австрии, Венгрии и Англии, которые, как правило, занимали призовые места во всех олимпийских соревнованиях, чемпионатах мира и Европы.

Скороходам на каждой из четырех дистанций — 500, 1 500, 5 тысяч и 10 тысяч метров — предстоит напряженная борьба. Шведский специалист Геста Нильссон, готовивший ледяную дорожку на озере Мизурина, шутливо заявил корреспондентам:

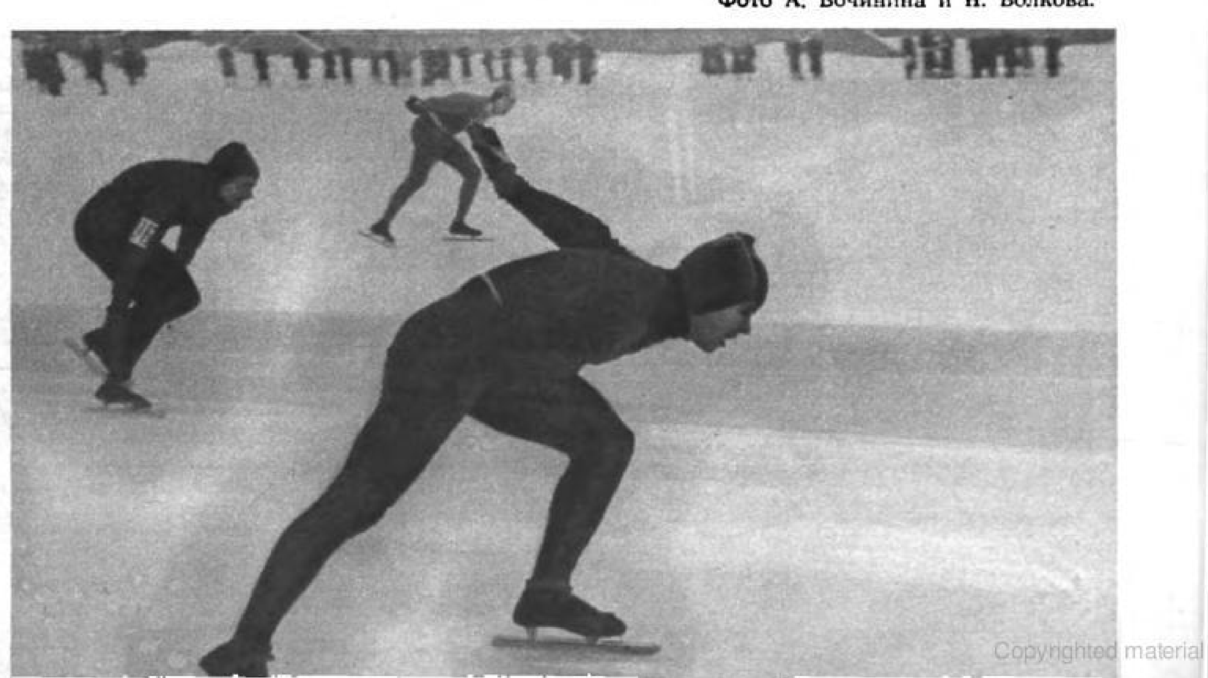
«Наша дорожка будет настолько «быстрой», что единственное мое пожелание участникам состязаний — не падать при выходе на виражи».

Нам остается только присоединиться к этому пожеланию!

Спортивный обозреватель.

В. Шилыковский.

Фото А. Бочинина и Н. Волкова.

Секреты фокусника

В. ВИКТОРОВ, А. НОВИКОВ

Венгерский фокусник Пал Поташши понравился москвичам, его концерты стали популярны у нас не меньше, чем в Будапеште. Естественно, что многих интересует, как же делает свои фокусы Пал Поташши. Мы побывали на нескольких его концертах, но, признаться, так ничего и не поняли. Тогда мы попросили венгерского артиста рассказать нам, как он все это делает.

— Если вы хотите показать фокус, делайте все просто, не фокусничайте,— сказал Пал Поташши, и карта, которую он держал в руках, мгновенно исчезла.— Поняли?

И опять мы ничего не поняли.

— Но это же так просто! — удивился Поташши.— Вот вам карты, задумайте одну из них, не вынимая из колоды... Задумали? Теперь завяжите мне глаза. Покрепче! — И Поташши, разбросав колоду на полу, взял нож, проткнул острием одну из карт и тут же снял повязку. На острие ножа была семерка пик, именно та карта, которую мы задумали.

— Ну, теперь понятно? Вопросов больше нет?

— У меня есть один вопрос,— робко сказал Юрий Тимошенко, знакомый нашим зрителям как Тарапунька. Юрий Трофимович, старый друг Пала Поташши, забежал к нему на несколько минут и вот уже шестой час сидел в номере гостиницы, позабыв о всех своих делах, ради которых он всего на день приехал в Москву.— Когда же ты раскроешь нам секрет хотя бы одного фокуса?

— Что, и теперь не понятно?— удивился Поташши.— Может быть, надо немного посолить?— И он вытащил из кармана «магическую» солонку, которая у него заменяет известную всем «волшебную палочку».

— Но хоть соль-то у тебя настоящая? — спросил Тимошенко.

— Можешь попробовать... У меня все настоящее. Вот смотрите! — И в руках у Поташши появилась карта.— Хорошо видите? Карта? Да?

Но тут же король треф превратился в спичечный коробок.

— А теперь понятно?

— Нет,— сказали мы в один голос.

— Тогда смотрите! — И Поташши показал нам сложенную втрое карту, наклеенную на спичечный коробок. — Я же говорил, что фокус надо делать просто. Теперь поняли? Солить не надо? Ведь это мой первый фокус, я его придумал, когда мне было тринадцать лет. Сейчас в моем арсенале около тысячи фокусов, а в сольном концерте я показываю двадцать — двадцать пять. Вот посмотрите. — И Поташши положил перед нами большую бухгалтерскую книгу. — В ней записано сто двадцать фокусов, которые я еще никому не показывал. У меня очень кропотливая специальность. Надо все время что-то придумывать. Кто бы стал ходить на мои концерты, если бы я показывал одно и то же! Я польщен тем, что мое искусство встретило такой теплый прием москвичей, а так как я дал уже более семидесяти концертов, то могу считать, что съел с москвичами пуд соли. Значит, мы друзья!

— Но зачем вам эта соль? — спросили мы.

— Придется открыть еще один секрет,— сказал Поташши и снова вынул из кармана маленькую хрустальную солонку. — Важно не только уметь делать фокусы, но и подать их хорошо. Люди не любят, когда их дурачат, значит, делать это надо, никого не обижая. В нашем деле нужна шутка, и надо уметь в нужный момент завершить фокус именно тогда, когда зритель уже подготовлен к развязке. А для этого нужна пауза. Вот в чем вся соль. Солонка мне очень помогает, и не только потому, что с ее помощью я заставляю зал улыбаться. Иногда я прячу ее в карман только для того, чтобы достать нужный мне предмет, отвлечь внимание зрителей. Но я, кажется, слишком разболтался и нарушил одну важную международную конвенцию, — спохватился Пал Поташши.— Ну-ка, проверим, многое ли вы уже успели узнать.

Поташши подходит к нам, солит колоду, отдает ее, а сам уходит в другой конец комнаты. Затем он предлагает выбрать каждому по одной карте и перетасовать колоду. Потом Тимошенко прячет карты к себе в карман.

— Держи крепче,— предлагает Поташши, подходит к одному из нас и вынимает три загаданные карты из бумажника, лежащего во внутреннем кармане пиджака. Наслаждаясь нашей растерянностью, он предлагает пересчитать колоду. В ней недостает трех загаданных карт.

— Ну, теперь, я надеюсь, вы поняли, для чего мне нужна соль? — спрашивает он, улыбаясь.

В ответ мы просим объяснить Поташши, как это делается.

— Сколько продолжался этот фокус? — спрашивает нас артист.— Две — три минуты, не больше? А чтобы разъяснить его, надо потратить целый день.

— Мы его готовы потратить!

— Но у меня не хватит для этого соли,— сокрушается Поташши и добавляет: — А потом я должен раскрыть вам еще большой профессиональный секрет (в этот момент, признаться, мы почувствовали, что стоим на пороге тайны). У фокусников всего мира существует негласная конвенция раскрывать свои секреты только товарищам по работе. Вот я был на гастролях в Варшаве и там по просьбе польского артиста Рамигари объяснил ему свой фокус с мечом, теперь он его с успехом исполняет... Так что, если среди вас есть Дик Читашвили, то я могу ему кое-что поведать... Нету Дика Читашвили? Очень жаль. Тогда есть другой выход: вы можете стать профессиональными фокусниками, и тогда у Пала Поташши от вас не будет секретов. Согласны? Очень хорошо. Жду вас к себе, друзья, после первого же вашего концерта.

Пал Поташши показывает своей жене, ассистентке Виолетте, свой первый фокус со спичечным коробком.

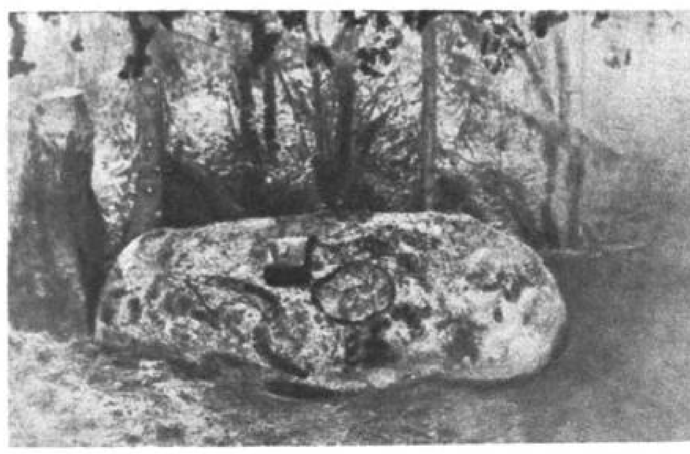
Фокус с мечом и картами.

— Можешь попробовать,— говорит Поташши Тарапуньке.

— Пора на сцену,— волнуется конферансье Михаил Гаркави, но все артисты увлечены фокусом, который показывает Поташши. Им не до концерта.

Следовик, найденный около села Хитицы, Кировского района, Калининской области.

Фото С. Ильина.

Загадочные знаки

В окрестностях Селигера, у истоков Волги, издавна бытуют рассказы о поросших мхом камнях-валунах с непонятными знаками, напоминающими следы человека или животных. Лежат камни обычно в глухих местах, в лесах да болотах, и добраться до них трудно; кажется, будто уходят они от искателей. По мнению иных бывалых людей, валуны положены для охраны кладов. Кое-кто пытался добыть схороненные сокровища, однако удачи не было.

Рассказы старожилов заинтересовали научного сотрудника Музея М. В. Фрунзе в Шуе С. Н. Ильина, который бывал в этих местах.

В 1940 году Сергей Николаевич Ильин нашел первый следовик, как он назвал камень, в 1945 году — второй. Находки убедили его в том, что камни эти — действительно большая ценность, только не для кладоискателей, а для археологов.

На следовике, обнаруженном археологом-любителем в 1945 году неподалеку от Новой деревни, Пеновского района, Великолукской области, были вырублены три знака: лирообразное углубление, очень похожее на знак Рюриковичей; четырехконечный крест и увеличенный след правой ступни человека. Первые два знака относятся к XII веку и по аналогии с другими подобными памятниками скорее всего обозначают границы Смоленского, Владимиро-Суздальского княжеств и Новгородской земли. Каково же назначение третьего знака? Научная литература неоднократно указывала на подобные изображения, и еще Геродот упоминал о камне с увеличенной ступней Геракла, найденном в Скифии, в низовьях Днестра.

За пятнадцать лет Сергею Николаевичу удалось обнаружить в окрестностях Селигера одиннадцать камней с семнадцатью таинственными изображениями; в большинстве своем это были следы. Вот, например, валун села Хитицы, Кировского района, Калининской области. Камень, напоминающий по форме древний молот, сохранил два знака — увеличенный в четыре раза след волка и рог быка-тура, окончательно исчезнувшего в XVII столетии. На следовике деревни Новосел, Демянского района, Новгородской области, три изображения: следы человека, косули и кабана. С каждой находкой зрела у Ильина догадка: а не следует ли отнести эти памятники к тому далекому времени, когда человечество не умело передвигаться каким-либо иным способом, кроме пешеходного?

В ту древнюю эпоху люди жили родáми, и каждый род носил, как правило, имя какого-либо животного, считавшегося другом, родичем и покровителем. Если мысль Ильина верна, то становится понятным и назначение камней-следовиков. Следовики должны были фиксировать соседство двух родов. Камни же со следами человека, вероятнее всего, были рубежными знаками — устанавливали границы владений родов и племен.

В таком случае и валун со знаком Рюриковичей и следом человека мог быть порубежным знаком, а много позднее, в XII веке, стал служить для обозначения границ княжеств.

Конечно, какие бы то ни было окончательные выводы делать слишком рано. Ученым предстоит еще очень много трудиться, чтобы доказать, насколько прав или неправ в своей догадке С. Н. Ильин. Но сама по себе гипотеза археолога-любителя очень заманчива.

Н. ГОНЧАРЕНКО

Из почты «Огонька»

Зима

Г. ЛЮШНИН

Зима включила жернова,—
Знай мелет снег крупчáтый
Соединяют рукава
От холода девчата.

А в нашем цехе бродит жар,
Оттаивают стекла.
Стоит у печи сталевар,
На нем рубашка взмокла.

Зима такому не страшна.
Подумаешь, царица!
Вот не заходит в цех она:
Расплавиться боится.

Москва, завод
«Серп и молот».

НЕОБЫЧНЫЙ АВТОГРАФ

Во время первой мировой войны, когда знаменитый писатель Ярослав Гашек пропал без вести и о его «смерти» ходили самые невероятные слухи, в Праге была издана книга Гашека «Две дюжины рассказов». Вернувшись на родину, писатель получил авторские экземпляры книги и, нуждаясь в деньгах, стал продавать их знакомым. Каждую книгу он продавал за двадцать крон, а с автографом — за шестьдесят.

Однажды, когда Гашек продавал свои книжки в популярном пражском кафе, к нему подошел один коммивояжер, назойливо пытавшийся втереться в компанию литераторов. Он вел себя очень развязно, сорил деньгами и обращался к Гашеку на «ты», хотя тот был с ним незнаком. Увидев, что Гашек продает какие-то книги, он тут же обратился к нему:

— Продай и мне одну книгу. Сколько она стоит?

— Двадцать крон, а с автографом — шестьдесят.

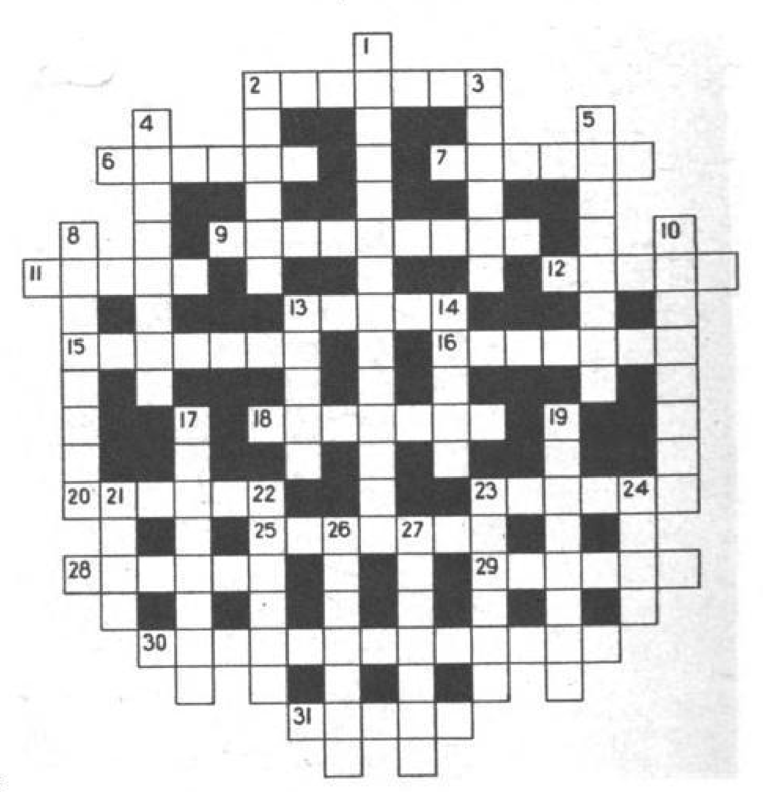
— Мне, разумеется, с автографом и с каким-нибудь приятным посвящением, как старому другу.

Гашек что-то написал на книге, положил деньги в карман и протянул книгу коммивояжеру. На титульном листе было написано:

«Книга 20 крон
Автограф 40 крон
Всего 60 крон
С благодарностью получил
Ярослав Гашек».

Перевел с чешского
В. ОСТРОУМОВ.

КРОССВОРД

По горизонтали:

2. Химический элемент. 6. Лиственное дерево. 7. Газета. 9. Должностное лицо. 11. Палатка из веток, соломы. 12. Свод правил. 13. Конвейерная система производства. 15. Авторитет. 16. Древняя столица Армении. 18. Игра. 20. Ива. 23. Внимание, попечение. 25. Промышленное предприятие. 28. Ущелье. 29. Почка, срезаемая с растения для прививки. 30. Научная дисциплина. 31. Глава, руководитель.

По вертикали:

1. Прибор для определения относительного содержания изотопов. 2. Порт на Волге. 3. Сосуд. 4. Смелое стремление к благородному, новому. 5. Цельность, сплоченность. 8. Путь для судов. 10. Заводская печь. 13. Созвездие. 14. Помещение на судне. 17. Подлинник. 19. Заседание. 21. Приток Оби. 22. Наиболее удаленная от Солнца точка орбиты планеты. 23. Город в Югославии. 24. Канат. 26. Геологический термин. 27. Специалист.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3.

По горизонтали:

3. Будильник. 6. Хореография. 9. Марля. 10. Айран. 12. Эрмитаж. 15. Ксенон. 17. Гривна. 18. Монтаж. 19. Обилие. 21. Биотит. 22. Сеттер. 23. Застава. 24. Исаев. 26. Керчь. 29. Ассортимент. 30. Альбатрос.

По вертикали:

1. Адлер. 2. Ингал. 3. Броня. 4. Логарифм. 5. Книга. 7. Хронометраж. 8. Архитектура. 9. Миссисипи. 11. Нонпарель. 13. Ромашка. 14. Алябьев. 16. Нонет. 17. Гальс. 20. Сетчатка. 25. Веста. 26. Конус. 27. Вольт. 28. Смерч.

Арабские пословицы

Найди спутника, прежде чем отправиться в путь; найди соседа, прежде чем строить дом.
Пустой бочонок гремит.
Ученье в детстве, как резьба на камне.
На голове сироты учится цирюльник.
Умный надеется на свои дела, а глупый полагается на надежду.
Не дуют ветры, как хотят корабли.
Утро не нуждается в лампе.
Кто съел яйцо, тот уже съел курицу.
Ученый без дела, как туча без дождя.
Лучшая вещь — новая, лучший друг — старый.
Запаса на двоих хватит на троих.

Перевел с арабского В. БОРИСОВ.

← Случай на транспорте в трех неприглядных картинках.
В. Соловьев.

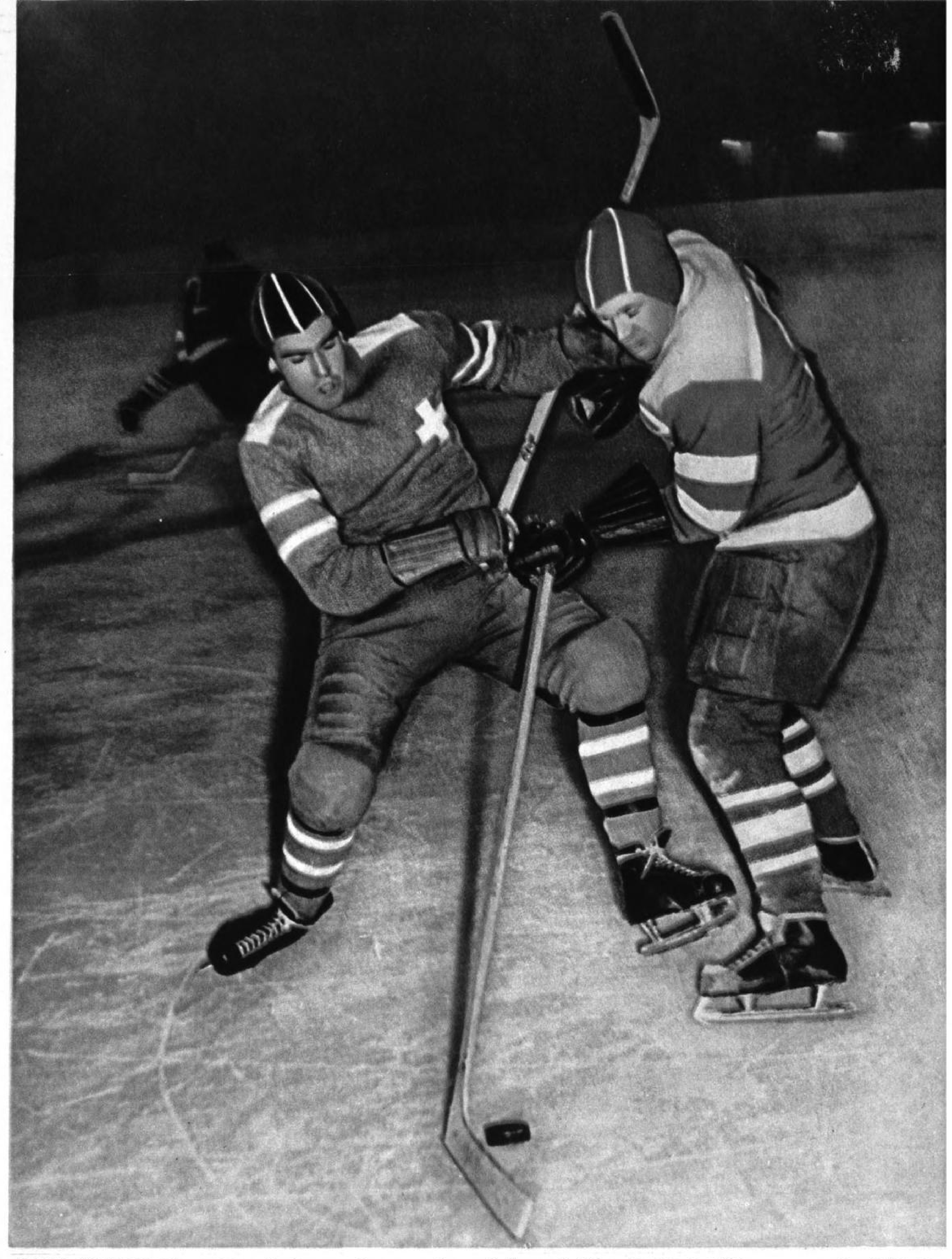
В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин Полтавского областного художественного музея и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

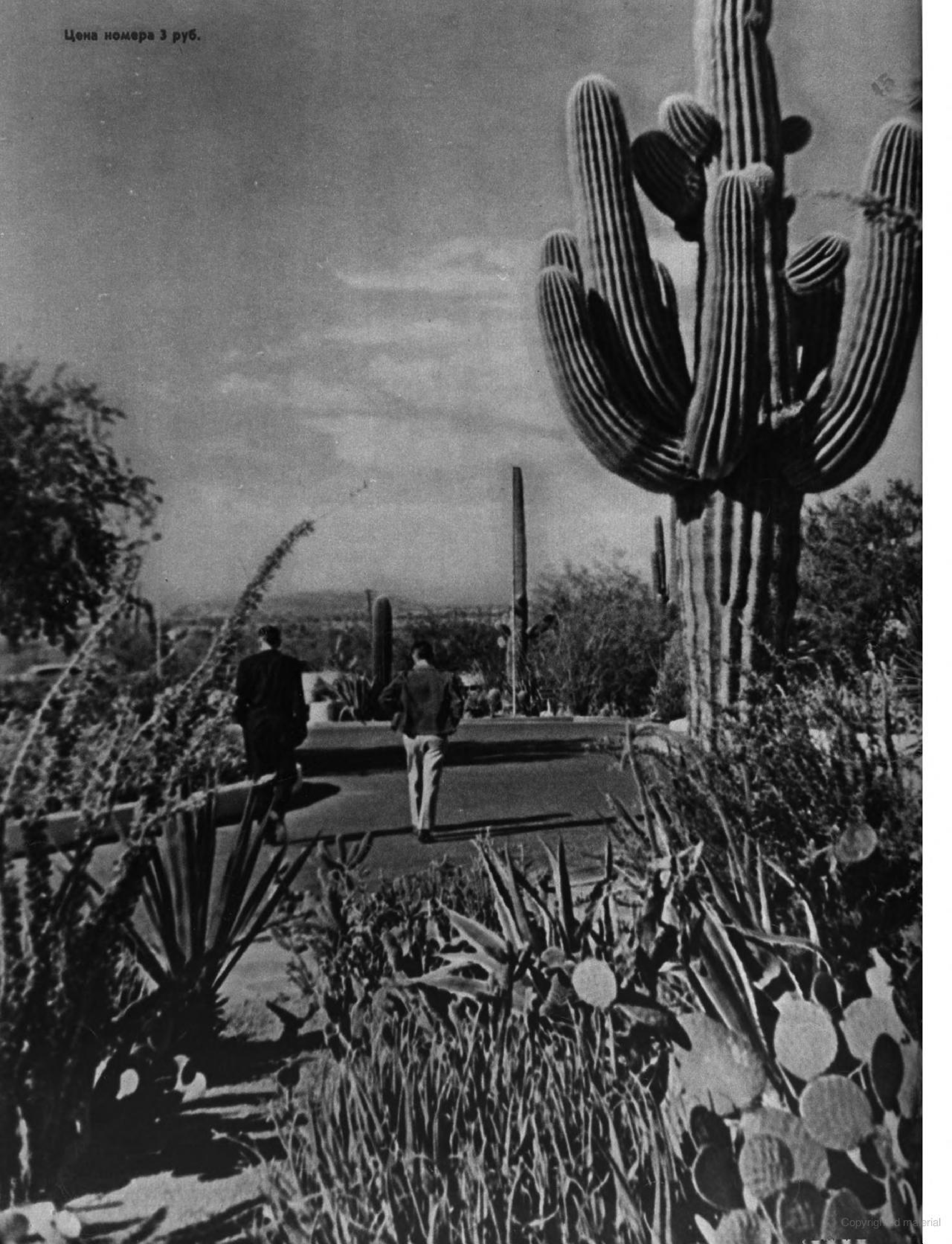
Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление В. Епанешникова.

А 00311. Подп. к печ. 18/I 1956 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 80. Заказ № 3591. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Встреча сборных хоккейных команд Швейцарии и Советского Союза. К. Петер и В. Бобров борются за шайбу. Фото О. Неелова.

Цена номера 3 руб.